

ЕВГЕНИЙ
ОНЪГИНЪ.

ПАРИЖЪ.

1937.

lib.pushkinskijdom.ru

Экземпляръ :

Пушкинского Дома Академии Наукъ С. С. С. Р.

ЕВГЕНИЙ ОНЪГИНЪ.

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

ЕВГЕНИЙ ОНЬГИНЪ,

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНИЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Съ комментариями М. Л. Гофмана, С. М. Лифаря
и Г. Л. Лозинского

Подъ редакціей М. Л. Гофмана

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНИЕ

ПАРИЖЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ “ÉTOILE”
1937

Pétri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut être imaginaire.

Tiré d'une lettre particulière.

Не мысля гордый свѣтъ забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотѣлъ бы я тебѣ представить
Залогъ достойнѣе тебя,
Достойнѣе души прекрасной,
Свято исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты;
Но такъ и быть — рукой пристрастной
Прими собранье пестрыхъ главъ,
Полу-смѣшныхъ, полу-печальныхъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Безсонницъ, легкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

lib.pushkinskijdom.ru

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

И жить торопится и чувствовать спешить.
К. Вяземский.

I.

«Мой дядя самыхъ честныхъ правиль,
«Когда не вщутку занемогъ,
«Онъ уважать себя заставилъ,
«И лучше выдуматъ не могъ;
«Его примѣръ другимъ наука:
«Но, Боже мой, какая скука
«Съ больнымъ сидѣть и день, и ночь,
«Не отходя ни шагу прочь!
«Какое низкое коварство
«Полуживаго забавлять,
«Ему подушки поправлять,
«Печально подносить лѣкарство,
«Вздыхать и думать про себя:
«Когда же чортъ возметъ тебя!»

II.

Такъ думалъ молодой повѣса,
Летя въ пыли на почтовыхъ,
Всевышней волею Зевеса
Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ. —

Друзья Людмилы и Руслана!
Съ героемъ моего романа,
Безъ предисловій сей же часъ
Позвольте познакомить васть:
Онѣгинъ, добрый мой пріятель,
Родился на брегахъ Невы,
Гдѣ, можетъ быть, родились вы,
Или блистали, мой читатель!
Тамъ нѣкогда гуляль и я:
Но вреденъ съверъ для меня.¹

III.

Служивъ отлично, благородно,
Долгами жилъ его отецъ;
Давалъ три бала ежегодно,
И промотался наконецъ.
Судьба Евгения хранила:
Сперва *Madame* за нимъ ходила,
Потомъ *Monsieur* ее смѣнилъ.
Ребенокъ быль рѣзовъ, но миль.
Monsieur l'Abbé, Французъ убогой,
Чтобъ не измучилось дитя,
Училъ его всему шутя,
Не докучаль моралью строгой;
Слегка за шалости бранилъ,
И въ Лѣтній садъ гулять водилъ.

IV.

Когда же юности мятежной
Пришла Евгенію пора,
Пора надеждъ и грусти нѣжной:
Monsieur прогнали со двора.
Вотъ мой Онѣгинъ на свободѣ;
Остриженъ по послѣдней модѣ;

Какъ *Dandy*⁹ Лондонскій, одѣтъ:
И наконецъ увидѣлъ свѣтъ.
Онъ по-Французски совершенно
Могъ изъясняться и писалъ;
Легко мазурку танцовалъ,
И кланялся не принужденно:
Чего жъ вамъ больше? Свѣтъ рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ.

V.

Мы всѣ учились понемногу,
Чему нибудь и какъ нибудь:
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ немудрено блеснуть.
Онѣгинъ былъ, по мнѣнию многихъ
(Судей рѣшительныхъ и строгихъ),
Ученый малый, но педантъ.
Имѣлъ онъ счастливый талантъ
Безъ принужденья въ разговорѣ
Коснуться до всего слегка,
Съ ученымъ видомъ знатока
Хранить молчанье въ важномъ спорѣ,
И возбуждать улыбку дамъ
Огнемъ нежданыхъ эпиграммъ.

VI.

Латынь изъ моды вышла нынѣ:
Такъ, если правду вамъ сказать,
Онъ зналъ довольно по-латынѣ,
Чтобъ эпиграфы разбирать,
Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить *vale*,
Да помниль, хоть не безъ грѣха,
Изъ Энеиды два стиха.

Онъ рыться не имѣлъ охоты
Въ хронологической пыли
Бытописанія земли:
Но дней минувшихъ анекдоты,
Отъ Ромула до нашихъ дней,
Хранилъ онъ въ памяти своей.

VII.

Высокой страсти не имѣя
Для звуковъ жизни не щадить,
Не могъ онъ ямба отъ хорея,
Какъ мы ни бились, отличить.
Бранилъ Гомера, Феокрита;
За то читаль Адама Смита,
И былъ глубокій экономъ,
То есть, умѣлъ судить о томъ,
Какъ государство богатѣеть,
И чѣмъ живеть, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продуктъ имѣеть.
Отецъ понять его не могъ,
И земли отдавалъ въ залогъ.

VIII.

Всего, что зналъ еще Евгений,
Пересказать мнѣ недосугъ;
Но въ чемъ онъ истинный былъ геній,
Что зналъ онъ тверже всѣхъ наукъ,
Что было для него измлада
И трудъ, и мука, и отрада,
Что занимало цѣлый день
Его тоскующую лѣнь, —
Была наука страсти нѣжной,
Которую воспѣлъ Назонъ,

За что страдальцемъ кончилъ онъ
Свой вѣкъ блестящій и мятежной
Въ Молдавіи, въ глухи степей,
Вдали Италіи своей.

IX.

.....
.....
.....

X.

Какъ рано могъ онъ лицемѣрить,
Таить надежду, ревновать,
Разувѣрять, заставить вѣрить,
Казаться мрачнымъ, изнывать,
Являться гордымъ и послушнымъ,
Внимательнымъ, иль равнодушнымъ!
Какъ томно быль онъ молчаливъ,
Какъ пламенно краснорѣчивъ,
Въ сердечныхъ письмахъ какъ небреженъ!
Однимъ дыша, одно любя,
Какъ онъ умѣлъ забыть себя!
Какъ взоръ его быль быстръ и нѣженъ,
Стыдливъ и дерзокъ, а порой
Блисталь послушною слезой!

XI.

Какъ онъ умѣлъ казаться новымъ,
Шутя невинность изумлять,
Пугать отчаяньемъ готовымъ,
Пріятной лестью забавлять,
Ловить минуту умиленья,
Невинныхъ лѣтъ предубѣжденья

Умомъ и страстью побѣждать,
Невольной ласки ожидать,
Молить и требовать признанья,
Подслушать сердца первый звукъ,
Преслѣдовать любовь — и вдругъ
Добиться тайного свиданья,
И послѣ ей наединѣ
Давать уроки въ тишинѣ!

XII.

Какъ рано могъ ужъ онъ тревожить
Сердца кокетокъ записныхъ!
Когда жъ хотѣлось уничтожить
Ему соперниковъ своихъ,
Какъ онъ язвительно злословилъ!
Какія сѣти имъ готовилъ!
Но вы, блаженные мужья,
Съ нимъ оставались вы друзья:
Его ласкалъ супругъ лукавый,
Фобласа давній ученикъ,
И недовѣрчивый старикъ,
И рогоносецъ величавый,
Всегда довольный самъ собой,
Своимъ обѣдомъ и женой.

XIII. XIV.

.....
.....
.....

XV.

Бывало, онъ еще въ постелѣ:
Къ нему записочки несутъ.

Что? Приглашенья? Въ самомъ дѣлѣ,
Три дома на вечеръ зовутъ:
Тамъ будеть балъ, тамъ дѣтскій праздникъ.
Куда жъ поскачеть мой проказникъ?
Съ кого начнетъ онъ? Все равно:
Вездѣ поспѣть немудрено.
Покамѣсть, въ утреннемъ уборѣ,
Надѣвъ широкій боливаръ,⁸
Онѣгинъ ѳдетъ на бульваръ,
И тамъ гуляеть на просторѣ,
Пока недремлюющій Брегетъ
Не прозвонитъ ему обѣдъ.

XVI.

Ужъ темно: въ санки онъ садится.
«Поди! поди!» раздался крикъ;
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротникъ.
Къ *Talon*⁴ помчался: онъ увѣренъ,
Что тамъ ужъ ждетъ его *** (Каверинъ).
Вошелъ: и пробка въ потолокъ,
Вина кометы брызнуль токъ,
Предъ нимъ *Rost-beef* окровавленный,
И трюфли — роскошь юныхъ лѣтъ,
Французской кухни лучшій цвѣтъ, —
И Стразбурга пирогъ нетлѣнный
Межъ сыромъ Лимбургскимъ живымъ
И ананасомъ золотымъ.

XVII.

Еще бокаловъ жажда просить
Залить горячій жиръ котлетъ;
Но звонъ Брегета имъ доносить,
Что новый начался балетъ.

Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательныхъ актрисъ,
Почетный гражданинъ кулисъ,
Онъгинъ полетѣль къ театру,
Гдѣ каждый, критикой дыша,
Готовъ охлопать *Entrechat*,
Обшикать Федру, Клеопатру,
Моину вызвать для того,
Чтобъ только слышали его.

XVIII.

Волшебный край! Тамъ въ стары годы,
Сатиры смѣлой властелинъ,
Блисталь Фонвизинъ, другъ свободы,
И переимчивый Княжнинъ;
Тамъ Озеровъ невольны дани
Народныхъ слезъ, рукоплесканій
Съ младой Семеновой дѣлилъ;
Тамъ нашъ Катенинъ воскресиль
Корнеля геній величавой;
Тамъ вывелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій шумный рой;
Тамъ и Дидло вѣнчался славой:
Тамъ, тамъ, подъ сѣнью кулисъ,
Младые дни мои неслись.

XIX.

Мои богини! Что вы? Гдѣ вы?
Внемлите мой печальный гласъ:
Всѣ тѣ же ль вы? Другія ль дѣвы,
Смѣнивъ не замѣнили васъ?
Услышу ль вновь я ваши хоры?
Узрю ли Русской Терпсихоры

Душой исполненный полетъ?
Иль взоръ унылый не найдеть
Знакомыхъ лицъ на сценѣ скучной,
И, устремивъ на чуждый свѣтъ
Разочарованный лорнетъ,
Веселья зритель равнодушной,
Безмолвно буду я зѣвать
И о быломъ воспоминать?

XX.

Театръ ужъ полонъ; ложи блещутъ;
Партеръ и кресла, все кипитъ;
Въ райкѣ нетерпѣливо плещутъ,
И, взвившись, занавѣсь шумитъ.
Блистательна, полу воздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимфъ окружена,
Стоить Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружитъ,
И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ,
Летитъ, какъ пухъ отъ усть Эола;
То станъ совьетъ, то разовьетъ,
И быстрой ножкой ножку бьетъ.

XXI.

Все хлопаетъ. Онѣгинъ входить:
Идетъ межъ креселъ по ногамъ,
Двойной лорнетъ, скосясь, наводить
На ложи незнакомыхъ дамъ;
Всѣ ярусы окинуль взоромъ,
Все видѣлъ: лицами, уборомъ,
Ужасно недоволенъ онъ;
Съ мужчинами со всѣхъ сторонъ

Раскланялся, потомъ на сцену
Въ большомъ разсѣянни взглянулъ,
Отворотился, и зѣвнулъ,
И молвилъ: «всѣхъ пора на смѣну;
Балеты долго я терпѣль,
Но и Дидло мнѣ надоѣлъ».⁵

XXII.

Еще амуры, черти, змѣи
На сценѣ скачутъ и шумятъ,
Еще усталые лакеи
На шубахъ у подъѣзда спятъ;
Еще не перестали топать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать;
Еще снаружи и внутри
Вездѣ блистаютъ фонари;
Еще, прозябнувъ, бываютъ кони,
Наскуча упряжью своей,
И кучера, вокругъ огней,
Бранятъ господъ и бываютъ въ ладони:
А ужъ Онѣгинъ вышелъ воинъ;
Домой одѣться ёдетъ онъ.

XXIII.

Изображу ль въ картинѣ вѣрной
Уединенный кабинетъ,
Гдѣ модъ воспитанникъ примѣрной
Одѣтъ, раздѣтъ и вновь одѣтъ?
Все, чѣмъ для прихоти обильной
Торгуется Лондонъ щепетильной
И по Балтическимъ волнамъ
За лѣсь и сало возить намъ,
Все, что въ Парижѣ вкусъ голодной,
Полезный промыселъ избравъ,

Изобрѣтаетъ для забавъ,
Для роскоши, для нѣги модной, —
Все украшало кабинетъ
Философа въ осмнадцать лѣтъ.

XXIV.

Янтарь на трубкахъ Цареграда,
Фарфоръ и бронза на столѣ,
И, чувствъ изнѣженныхъ отрада,
Духи въ граненомъ хрусталѣ;
Гребенки, пилочки стальныя,
Прямыя ножницы, кривыя,
И щетки тридцати родовъ —
И для ногтей, и для зубовъ.
Руссо (замѣчу мимоходомъ)
Не могъ понять, какъ важный Гrimъ
Смѣль чистить ногти передъ нимъ,
Краснорѣчивымъ сумасбродомъ⁶:
Зашитникъ вольности и правъ
Въ семъ случаѣ совсѣмъ неправъ.

XXV.

Быть можно дѣльнымъ человѣкомъ
И думать о красѣ ногтей:
Къ чему бесплодно спорить съ вѣкомъ?
Обычай деспотъ межъ людей.
Второй *** [Чадаевъ], мой Евгений,
Боясь ревнивыхъ осужденій,
Въ своей одеждѣ былъ педантъ
И то, что мы назвали франтъ.
Онъ три часа, по крайней мѣрѣ,
Предъ зеркалами проводилъ,
И изъ уборной выходилъ
Подобный вѣтренной Венерѣ,

Когда, надѣвъ мужской нарядъ,
Богиня Ѳдетъ въ маскарадъ.

XXVI.

Въ послѣднемъ вкусѣ туалетомъ
Занявъ вашъ любопытный взглядъ,
Я могъ бы предъ ученымъ свѣтомъ
Здѣсь описать его нарядъ;
Конечно бѣ это было смѣло,
Описывать мое же дѣло;
Но *панталоны, фракъ, жилетъ*,
Всѣхъ этихъ словъ на Русскомъ нѣть;
А вижу я, винюсь предъ вами,
Что ужъ и такъ мой бѣдный слогъ
Пестрѣть гораздо меньше бѣ могъ
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывалъ я встарь
Въ Академической Словарь.

XXVII.

У насъ теперь не то въ предметѣ:
Мы лучше поспѣшимъ на балъ,
Куда стремглавъ въ ямской каретѣ
Ужъ мой Онѣгинъ поскакалъ.
Передъ померкшими домами
Вдолъ сонной улицы рядами
Двойные фонари каретъ
Веселый изливаютъ свѣтъ
И радуги на снѣгъ наводятъ;
Усѣянъ плошками кругомъ,
Блестить великолѣпный домъ;
По цѣльнымъ окнамъ тѣни ходятъ,
Мелькаютъ профили головъ
И дамъ, и модныхъ чудаковъ.

XXVIII.

Вотъ нашъ герой подъѣхалъ къ сѣнямъ;
Швейцара мимо, онъ стрѣлой
Взлетѣлъ по мраморнымъ ступенямъ,
Расправилъ волоса рукой,
Вошелъ. Полна народу зала;
Музыка ужъ гремѣть устала;
Толпа мазуркой занята;
Кругомъ и шумъ, и тѣснота;
Брянчатъ кавалергарда шпоры;
Летаютъ ножки милыхъ дамъ;
По ихъ плѣнительнымъ слѣдамъ
Летаютъ пламенные взоры,
И ревомъ скрыпокъ заглушень
Ревнивый шопотъ модныхъ женъ.

XXIX.

Во дни веселій и желаній
Я былъ отъ баловъ безъ ума:
Вѣрнѣй нѣтъ мѣста для признаній
И для врученія письма.
О вы, почтенные супруги!
Вамъ предложу свои услуги;
Прошу мою замѣтить рѣчъ:
Я васъ хочу предостеречь.
Вы также, маменьки, построже
За дочерьми смотрите вслѣдъ:
Держите прямо свой лорнетъ!
Не то... не то избави, Боже!
Я это потому пишу,
Что ужъ давно я не грѣшу.

XXX.

Увы, на разныя забавы
Я много жизни погубилъ!

Но если бъ не страдали нравы,
Я балы бъ до сихъ поръ любилъ.
Люблю я бѣшеную младость,
И тѣсноту, и блескъ, и радость,
И дамъ обдуманный нарядъ;
Люблю ихъ ножки: только врядъ
Найдете вы въ Россіи цѣлой
Три пары стройныхъ женскихъ ногъ.
Ахъ, долго я забыть не могъ
Двѣ ножки!... Грустный, охладѣлой,
Я все ихъ помню, и во снѣ
Онѣ тревожать сердце мнѣ.

XXXI.

Когда жъ и гдѣ, въ какой пустынѣ,
Безумецъ, ихъ забудешь ты?
Ахъ, ножки, ножки! Гдѣ вы нынѣ?
Гдѣ мнете вешніе цвѣты?
Взлелѣяны въ восточной нѣгѣ,
На сѣверномъ, печальномъ снѣгѣ
Вы не оставили слѣдовъ:
Любили мягкихъ вы ковровъ
Роскошное прикосновенье.
Давно ль для васъ я забывалъ
И жажду славы, и похвалъ,
И край отцовъ, и заточенье?
Исчезло счастье юныхъ лѣтъ —
Какъ на лугахъ вашъ легкій слѣдъ!

XXXII.

Діаны грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья!
Однако ножка Терпсихоры
Прелестнѣй чѣмъ то для меня.

Она, пророчествуя взгляду
Неоцѣненную награду,
Влечетъ условною красой
Желаній своевольный рой.
Люблю ее, мой другъ Эльвина,
Подъ длинной скатертью столовъ,
Весной на муравѣ луговъ,
Зимой на чугунѣ камина,
На зеркальномъ паркетѣ залъ,
У моря на гранитѣ скаль.

XXXIII.

Я помню море предъ грозою:
Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами!
Нѣтъ, никогда средь пылкихъ дней
Кипящей младости моей
Я не желалъ съ такимъ мученьемъ
Лобзать уста младыхъ Армидъ,
Иль розы пламенныхыхъ ланитъ,
Иль перси, полныя томленьемъ;
Нѣтъ, никогда порывъ страстей
Такъ не терзалъ души моей!

XXXIV.

Мнѣ памятно другое время:
Въ завѣтныхъ иногда мечтахъ
Держу я счастливое стремя,
И ножку чувствую въ рукахъ;
Опять кипитъ воображенье,
Опять ея прикосновенье

Зажгло въ увядшемъ сердцѣ кровь,
Опять тоска, опять любовь...
Но полно прославлять надменныхъ
Болтливой лирою своей:
Онѣ не стоять ни страстей,
Ни пѣсень, ими вдохновенныхъ;
Слова и взоръ волшебницъ сихъ
Обманчивы какъ ножки ихъ.

XXXV.

Что жъ мой Онѣгинъ? Полусонный
Въ постелю съ бала ёдетъ онъ:
А Петербургъ неугомонный
Ужъ барабаномъ пробуждёнъ.
Встаетъ купецъ, идетъ разнощикъ,
На биржу тянется извощикъ,
Съ кувшиномъ Охтенка спѣшитъ,
Подъ ней снѣгъ утренній хрустить.
Проснулся утра шумъ пріятный,
Открыты ставни, трубный дымъ
Столбомъ восходитъ голубымъ,
И хлѣбникъ, Нѣмецъ акуратный,
Въ бумажномъ колпакѣ, не разъ
Ужъ отворялъ свой *васисдасъ*.

XXXVI.

Но шумомъ бала утомленной,
И утро въ полночь обратя,
Спокойно спить въ тѣни блаженной
Забавъ и роскоши дитя.
Проснется за полдень, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра,
И завтра тоже, что вчера.

Но былъ ли счастливъ мой Евгений,
Свободный, въ цвѣтѣ лучшихъ лѣтъ,
Среди блестательныхъ побѣдъ,
Среди вседневныхъ наслажденій?
Вотще ли былъ онъ средь пировъ
Неостороженъ и здоровъ?

XXXVII.

Нѣтъ: рано чувства въ немъ остыли;
Ему наскучилъ свѣта шумъ;
Красавицы не долго были
Предметъ его привычныхъ думъ:
Измѣны утомить успѣли;
Друзья и дружба надоѣли,
Затѣмъ, что не всегда же могъ
Beef-steaks и Стразбургскій пирогъ
Шампанской обливать бутылкой
И сыпать остряя слова,
Когда болѣла голова:
И хоть онъ былъ повѣса пылкой,
Но разлюбилъ онъ наконецъ
И брань, и саблю, и свинецъ.

XXXVIII.

Недугъ, котораго причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный Англійскому *сплину*,
Короче: Русская *хандра*
Имъ овладѣла понемногу;
Онъ застрѣлиться, слава Богу,
Попробовать не захотѣлъ,
Но къ жизни вовсе охладѣлъ.
Какъ *Child-Harold*, угрюмый, томный,
Въ гостиныхъ появлялся онъ;

Ни сплетни свѣта, ни бостонъ,
Ни милый взглѣдъ, ни вздохъ нескромный,
Ничто не трогало его,
Не замѣчалъ онъ ничего.

XXXIX. XL. XLI.

.....
.....
.....

XLII.

Причудницы большаго свѣта!
Всѣхъ прежде васъ оставилъ онъ.
И правда то, что въ наши лѣта
Довольно скученъ высшій тонъ.
Хоть, можетъ быть, иная дама
Толкуетъ Сея и Бентама;
Но вообще ихъ разговоръ
Несносный, хоть невинный вздоръ.
Къ тому жъ онѣ такъ непорочны,
Такъ величавы, такъ умны,
Такъ благочестія полны,
Такъ осмотрительны, такъ точны,
Такъ неприступны для мужчинъ,
Что видъ ихъ ужъ раждаетъ сплинъ.⁷

XLIII.

И вы, красотки молодыя,
Которыхъ позднею порой
Уносятъ дрожки удалыя
По Петербургской мостовой,
И васъ покинулъ мой Евгений.
Отступникъ бурныхъ наслажденій,

Онѣгинъ дома заперся,
Зѣвая, за перо взялся,
Хотѣлъ писать: но трудъ упорный
Ему былъ тошень; ничего
Не вышло изъ пера его,
И не попалъ онъ въ цехъ задорный
Людей, о коихъ не сужу,
Затѣмъ, что къ нимъ принадлежу.

XLIV.

И снова преданный бездѣлью,
Томясь душевной пустотой,
Усѣлся онъ съ похвальной цѣлью
Себѣ присвоить умъ чужой;
Отрядомъ книгъ уставилъ полку,
Читаль, читаль, а все безъ толку:
Тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ;
Въ томъ совѣсти, въ томъ смысла нѣтъ;
На всѣхъ различныя вериги;
И устарѣла старина,
И старымъ бредитъ новизна.
Какъ женщинъ, онъ оставилъ книги,
И полку, съ пыльной ихъ семьей,
Задернуль траурной тафтой.

XLV.

Условій свѣта свергнувъ бремя,
Какъ онъ отставъ отъ суеты,
Съ нимъ подружился я въ то время.
Мнѣ нравились его черты,
Мечтамъ невольная преданность,
Неподражательная странность
И рѣзкій, охлажденный умъ.

Я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ;
Страстей игру мы знали оба:
Томила жизнь обоихъ насы;
Въ обоихъ сердца жаръ погасъ;
Обоихъ ожидала злоба
Слѣпой Фортуны и людей
На самомъ утрѣ нашихъ дней.

XLVI.

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей;
Кто чувствовалъ, того тревожитъ
Призракъ невозвратимыхъ дней:
Тому ужъ нѣтъ очарованій,
Того змія воспоминаній,
Того раскаянья грызетъ.
Все это часто придаетъ
Большую прелесть разговору.
Сперва Онѣгина языкъ
Меня смущалъ; но я привыкъ
Къ его язвительному спору,
И къ шуткѣ, съ желчью пополамъ,
И злости мрачныхъ эпиграммъ.

XLVII.

Какъ часто лѣтнею порою,
Когда прозрачно и свѣтло
Ночное небо надъ Невою,⁸
И вода веселое стекло
Не отражаетъ ликъ Діаны,
Воспомня прежнихъ лѣтъ романы,
Воспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, беспечны вновь,
Дыханьемъ ночи благосклонной

Безмолвно упивались мы!
Какъ въ лѣсъ зеленый изъ тюрьмы
Перенесенъ колодникъ сонной,
Такъ уносились мы мечтой
Къ началу жизни молодой.

XLVIII.

Съ душою, полной сожалѣній,
И опершился на гранитъ,
Стоялъ задумчиво Евгений,
Какъ описалъ себя Пійтъ.⁹
Все было тихо; лишь ночные
Перекликались часовые;
Да дрожекъ отдаленный стукъ
Съ Мильонной раздавался вдругъ;
Лишь лодка, веслами махая,
Плыла по дремлющей рѣкѣ:
И нась плѣняли вдалекѣ
Рожекъ и пѣсня удалая.
Но слаше, средь ночныхъ забавъ,
Напѣвъ Торкватовыхъ октавъ!

XLIX.

Адріатическія волны,
О, Брента! нѣтъ, увижу васъ,
И, вдохновенья снова полный,
Услышу вашъ волшебный гласъ!
Онъ святъ для внуковъ Аполлона;
По гордой лирѣ Альбиона
Онъ мнѣ знакомъ, онъ мнѣ родной.
Ночей Италіи златой
Я нѣгой наслажусь на волѣ;
Съ Венеціянкою младой,
То говорливой, то нѣмой,

Плыя въ таинственной гондолѣ, —
Съ ней обрѣтутъ уста мои
Языкъ Петrarки и любви.

L.

Придетъ ли часъ моей свободы?
Пора, пора! — взываю къ ней;
Брожу надъ моремъ,^ю жду погоды,
Маню вѣтрила кораблей.

Подъ ризой бурь, съ волнами споря,
По вольному распутью моря
Когдажъ начну я вольный бѣгъ?
Пора покинуть скучный брегъ
Мнѣ непріязненной стихіи,
И средь полуденныхъ зыбей,
Подъ небомъ Африки моей,^и
Вздыхать о сумрачной Россіи,
Гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ,
Гдѣ сердце я похоронилъ.

LI.

Онѣгинъ былъ готовъ со мною
Увидѣть чуждыя страны;
Но скоро были мы судьбою
На долгій срокъ разведены.
Отецъ его тогда скончался.
Передъ Онѣгинымъ собрался
Заимодавцевъ жадный полкъ.
У каждого свой умъ и толкъ:
Евгеній, тяжбы ненавидя,
Довольный жребiemъ своимъ,
Наслѣдство предоставилъ имъ,
Большой потери въ томъ не видя,
Иль предузнавъ изъ далека
Кончину дяди старика.

LII.

Вдругъ получиль онъ въ самомъ дѣлѣ
Отъ управителя докладъ,
Что дядя при смерти въ постелѣ
И съ нимъ проститься былъ бы радъ.
Прочтя печальное посланье,
Евгений тотчасъ на свиданье
Стремглавъ по почтѣ поскакалъ
И ужъ заранѣ зѣвалъ,
Приготовляясь, денегъ ради,
На вздохи, скучу и обманъ
(И тѣмъ я началъ мой романъ);
Но, прилетѣвъ въ деревню дяди,
Его нашелъ ужъ на столѣ,
Какъ дань, готовую землѣ.

LIII.

Нашелъ онъ полонъ дворъ услуги;
Къ покойному со всѣхъ сторонъ
Сѣзжались недруги и други,
Охотники до похоронъ.
Покойника похоронили.
Попы и гости ъли, пили,
И послѣ важно разошлись,
Какъ будто дѣломъ занялись.
Вотъ нашъ Онѣгинъ сельскій житель,
Заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель
Хозяинъ полный, а досель
Порядка врагъ и расточитель,
И очень радъ, что прежній путь
Перемѣнилъ на что нибудь.

LIV.

Два дня ему казались новы
Уединенные поля,

Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихаго ручья;
На третій, роща, холмъ и поле
Его не занимали болѣ,
Потомъ ужъ наводили сонъ;
Потомъ увидѣлъ ясно онъ,
Что и въ деревнѣ скуча та же,
Хоть нѣтъ ни улицъ, ни дворцовъ,
На картъ, ни баловъ, ни стиховъ.
Хандра ждала его на стражѣ,
И бѣгала за нимъ она,
Какъ тѣнь, иль вѣрная жена.

LV.

Я былъ рожденъ для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
Въ глухи звучнѣе голосъ лирной,
Живѣе творческіе сны.
Досугамъ посвятясь невиннымъ,
Брожу надъ озеромъ пустыннымъ,
И *far niente* мой законъ.
Я каждымъ утромъ пробуждёнъ
Для сладкой нѣги и свободы:
Читаю мало, много сплю,
Летучей славы не ловлю.
Не такъ ли я въ былые годы
Провелъ въ бездѣйствіи, въ тиши,
Мой счастливѣйшіе дни?

LVI.

Цвѣты, любовь, деревня, праздность,
Поля! я преданъ вамъ душой.
Всегда я радъ замѣтить разность
Между Онѣгиномъ и мной,

Чтобы насмѣшилый читатель,
Или какой нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здѣсь мои черты,
Не повторялъ потомъ безбожно,
Что намаралъ я свой портретъ,
Какъ Байронъ, гордости поэтъ, —
Какъ будто намъ ужъ невозможно
Писать поэмы о другомъ,
Какъ только о себѣ самомъ?

LVII.

Замѣчу кстати: всѣ поэты —
Любви мечтательной друзья.
Бывало, милые предметы
Мнѣ снились, и душа моя
Ихъ образъ тайный сохранила;
Ихъ послѣ Муза оживила:
Такъ я, беспеченъ, воспѣвалъ
И дѣву горъ, мой идеалъ,
И плѣнницъ береговъ Салгира.
Теперь отъ васъ, мои друзья,
Вопросъ не рѣдко слышу я:
«О комъ твоя вздыхаетъ лира?
«Кому, въ толпѣ ревнивыхъ дѣвъ,
«Ты посвятилъ ея напѣвъ?

LVIII.

«Чей взоръ, волнуя вдохновенье,
«Умильной лаской наградилъ
«Твое задумчивое пѣнье?
«Кого твой стихъ боготворилъ?» —
И, други, никого, ей Богу!
Любви безумную тревогу

Я безотрадно испыталъ.
Блаженъ, кто съ нею сочеталъ
Горячку рифмъ: онъ тѣмъ удвоилъ
Поэзіи священный бредъ,
Петраркѣ шествуя во слѣдъ,
А муки сердца успокоилъ,
Поймалъ и славу между тѣмъ;
Но я, любя, былъ глупъ и нѣмъ.

LIX.

Прошла любовь, явилась Муза,
И прояснился темный умъ.
Свободенъ, вновь ищу союза
Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ;
Пишу, и сердце не тоскуетъ;
Перо, забывшись, не рисуетъ,
Близъ неоконченныхъ стиховъ
Ни женскихъ ножекъ, ни головъ;
Погасшій пепель ужъ не вспыхнетъ,
Я все грущу; но слезъ ужъ нѣтъ,
И скоро, скоро бури слѣдъ
Въ душѣ моей совсѣмъ утихнетъ:
Тогда-то я начну писать
Поэму, пѣсенъ въ двадцать пять.

LX.

Я думалъ ужъ о формѣ плана,
И какъ героя назову.
Покамѣсть моего романа
Я кончилъ первую главу;
Пересмотрѣлъ все это строго:
Противорѣчій очень много,
Но ихъ исправить не хочу.
Ценсурѣ долгъ свой заплачу,

И журналистамъ на съѣденье
Плоды трудовъ моихъ отdamъ:
Иди же къ Невскимъ берегамъ,
Новорожденное творенье!
И заслужи мнѣ славы дань —
Кривые толки, шумъ и брань.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О рус!
Нор.
О Русь!

I.

Деревня, гдѣ скучалъ Евгений,
Была прелестный уголокъ;
Тамъ другъ невинныхъ наслажденій
Благословить бы Небо могъ.
Господскій домъ, уединенный,
Горой отъ вѣтровъ огражденный,
Стоялъ надъ рѣчкою; вдали
Предъ нимъ пестрѣли и цвѣли
Луга и нивы золотыя.
Мелькали села здѣсь и тамъ,
Стада бродили по лугамъ
И сѣни расширяль густыя
Огромный, запущенный садъ,
Пріютъ задумчивыхъ Дриадъ.

II.

Почтенный замокъ былъ построенъ,
Какъ замки строиться должны:
Отмѣнно прочень и спокоенъ,

Во вкусѣ умной старины.
Вездѣ высокіе покои,
Въ гостиной штофные обои,
Портреты дѣдовъ на стѣнахъ,
И печи въ пестрыхъ изразцахъ.
Все это нынѣ обветшало,
Не знаю, право, почему:
Да впрочемъ другу моему
Въ томъ нужды было очень мало,
Затѣмъ, что онъ равно зѣвалъ
Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

III.

Онъ въ томъ покоѣ поселился,
Гдѣ деревенскій старожилъ
Лѣтъ сорокъ съ ключницей бранился,
Въ окно смотрѣлъ и мухъ давилъ.
Все было просто: полъ дубовый,
Два шкафа, столъ, диванъ пуховый,
Нигдѣ ни пятнышка чернилъ.
Онѣгинъ шкафы отворилъ:
Въ одномъ нашелъ тетрадь расхода,
Въ другомъ наливокъ цѣлый строй,
Кувшины съ яблочной водой,
И календарь осмаго года;
Старикъ, имѣя много дѣлъ,
Въ иныя книги не глядѣлъ.

IV.

Одинъ среди своихъ владѣній,
Чтобъ только время проводить,
Сперва задумалъ нашъ Евгений
Порядокъ новый учредить.
Въ своей глухи мудрецъ пустынный,

Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ;
И рабъ судьбу благословилъ.
За то въ углу своемъ надулся,
Увидя въ этомъ страшный вредъ,
Его расчетливый сосѣдъ.
Другой лукаво улыбнулся,
И въ голосъ всѣ рѣшили такъ:
Что онъ опаснѣйший чудакъ.

V.

Сначала всѣ къ нему ъзжали;
Но такъ какъ съ задняго крыльца
Обыкновенно подавали
Ему Донского жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышать ихъ домашни drogi: —
Поступкомъ оскорбясь такимъ,
Всѣ дружбу прекратили съ нимъ.
«Сосѣдъ нашъ неучъ, сумасбродитъ,
«Онъ фармасонъ; онъ пьетъ одно
«Стаканомъ красное вино;
«Онъ дамамъ къ ручкѣ не подходитъ;
«Все да, да нѣтъ, не скажеть да-съ
«Иль нѣтъ-съ». Таковъ былъ общій гласъ.

VI.

Въ свою деревню въ ту же пору
Помѣщикъ новый прискакалъ,
И столь же строгому разбору
Въ сосѣдствѣ поводъ подавалъ.
По имени Владиміръ Ленскій,
Съ душою прямо Геттингенской,
Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,

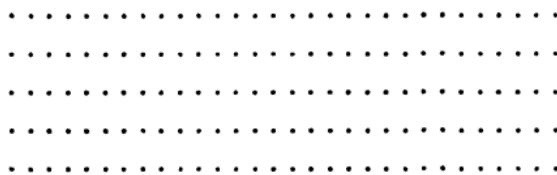
Поклонникъ Канта и поэтъ.
Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчъ,
И кудри черныя до плечъ.

VII.

Отъ хладного разврата свѣта
Еще уянуть не успѣвъ,
Его душа была согрѣта
Привѣтомъ друга, лаской дѣвъ.
Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда;
Его лелѣяла надежда,
И міра новый блескъ и шумъ
Еще плѣняли юный умъ.
Онъ забавлялъ мечтою сладкой
Сомнѣнья сердца своего.
Цѣль жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой;
Надъ ней онъ голову ломалъ,
И чудеса подозрѣвалъ.

VIII.

Онъ вѣрилъ, что душа родная
Соединиться съ нимъ должна;
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждетъ она;
Онъ вѣрилъ, что друзья готовы
За честь его принять оковы,
И что не дрогнетъ ихъ рука
Разбить сосудъ клеветника:
Что есть избранныя судьбою

IX.

Негодованье, сожалѣнья,
Ко благу чистая любовь,
И славы сладкое мученье
Въ немъ рано волновали кровь.
Онъ съ лирой странствовалъ на свѣтѣ;
Подъ небомъ Шиллера и Гете,
Ихъ поэтическимъ огнемъ
Душа воспламенилась въ немъ.
И Музъ возвышенныхъ искусства,
Счастливецъ, онъ не постыдилъ;
Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
Всегда возвышенныя чувства,
Порывы дѣвственной мечты
И прелесть важной простоты.

X.

Онъ пѣлъ любовь, любви послушный,
И пѣснь его была ясна,
Какъ мысли дѣвы простодушной,
Какъ сонъ младенца, какъ луна
Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ,
Богиня тайнъ и вздоховъ нѣжныхъ.
Онъ пѣлъ разлуку и печаль,
И нѣчто, и туманну даль,
И романтическія розы;
Онъ пѣлъ тѣ дальныя страны,
Гдѣ долго въ лоно тишины

Лились его живыя слёзы;
Онъ пѣль поблеклый жизни цвѣтъ,
Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ.

XI.

Въ пустынѣ, гдѣ одинъ Евгений
Могъ оцѣнить его дары,
Господъ сосѣдственныхъ селеній
Ему не нравились пиры;
Бѣжалъ онъ ихъ бесѣды шумной.
Ихъ разговоръ благоразумной
О сѣнокосѣ, о винѣ,
О пасарнѣ, о своей роднѣ,
Конечно не блесталъ ни чувствомъ,
Ни поэтическимъ огнёмъ,
Ни остротою, ни умомъ,
Ни общежитія искусствомъ;
Но разговоръ ихъ милыхъ женъ
Гораздо меньше былъ уменъ.

XII.

Богатъ, хорошъ собою, Ленскій
Вездѣ былъ принятъ какъ женихъ:
Таковъ обычай деревенскій;
Всѣ дочекъ прочили своихъ
За полурусскаго сосѣда;
Взойдетъ ли онъ — тотчасъ бесѣда
Заводитъ слово стороной
О скукѣ жизни холостой;
Зовутъ сосѣда къ самовару,
А Дуня разливаетъ чай,
Ей шепчутъ: «Дуня, примѣчай!»
Потомъ приносятъ и гитару,
И запищѣтъ она (Богъ мой!):
*Приди въ чертоигъ ко мнѣ златой!...*¹¹

XIII.

Но Ленскій, не имѣвъ конечно
Охоты узы брака несть,
Съ Онѣгинимъ желалъ сердечно
Знакомство покороче свесть.
Они сошлись: волна и камень,
Стихи и проза, ледъ и пламень
Не столь различны межъ собой.
Сперва взаимной разнотой
Они другъ другу были скучны;
Потомъ понравились; потомъ
Съѣзжались каждый день верхомъ,
И скоро стали неразлучны.
Такъ люди — первый каюсь я —
Отъ дѣлать нечего — друзья.

XIV.

Но дружбы нѣтъ и той межъ нами;
Всѣ предразсудки истребя,
Мы почитаемъ всѣхъ — нулями,
А единицами — себя;
Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны;
Двуногихъ тварей миллионы
Для насъ орудіе одно;
Намъ чувство дико и смѣшно.
Сноснѣе многихъ былъ Евгений;
Хоть онъ людей конечно зналъ,
И вообще ихъ презиралъ;
Но правиль нѣтъ безъ исключеній:
Иныхъ онъ очень отличалъ,
И вчужѣ чувство уважалъ.

XV.

Онъ слушалъ Ленскаго съ улыбкой:
Поэта пылкій разговоръ,

И умъ, еще въ сужденьяхъ зыбкой,
И вѣчно вдохновенный взоръ —
Онѣгину все было ново;
Онъ охладительное слово
Въ устахъ старался удержать,
И думалъ: глупо мнѣ мѣшать
Его минутному блаженству;
И безъ меня пора придетъ;
Пускай покамѣстъ онъ живеть,
Да вѣрить міра совершенству;
Простимъ горячкѣ юныхъ лѣтъ
И юный жаръ, и юный бредъ.

XVI.

Межъ ними все раздало споры
И къ размышленію влекло:
Племенъ минувшихъ договоры,
Плоды наукъ, добро и зло,
И предразсудки вѣковые,
И гроба тайны роковыя,
Судьба и жизнь въ свою чреду,
Все подвергалось ихъ суду.
Поэтъ въ жару своихъ сужденій
Читаль, забывшись, между тѣмъ
Отрывки сѣверныхъ поэмъ;
И снисходительный Евгений,
Хоть ихъ не много понималъ,
Прилежно юношъ внималъ.

XVII.

Но чаще занимали страсти
Умы пустынниковъ моихъ.
Ушедъ отъ ихъ мятежной власти,
Онѣгинъ говорилъ объ нихъ

Съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнья.
Блаженъ, кто вѣдалъ ихъ волненья
И наконецъ отъ нихъ отсталъ;
Блаженнѣй тотъ, кто ихъ не зналъ,
Кто охлаждалъ любовь разлукой,
Вражду злословіемъ; порой
Зѣвалъ съ друзьями и женой,
Ревнивой не тревожась мукой,
И дѣдовъ вѣрный капиталъ
Коварной двойкѣ не ввѣряль!

XVIII.

Когда прибѣгнемъ мы подъ знамя
Благоразумной тишины,
Когда страстей угаснетъ пламя,
И намъ становятся смѣшны
Ихъ своеvolство, иль порывы
И запоздалые отзывы: —
Смиренные не безъ труда,
Мы любимъ слушать иногда
Страстей чужихъ языкъ мятежный
И намъ онъ сердце шевелитъ;
Такъ точно старый инвалидъ
Охотно клонить слухъ прилежный
Рассказамъ юныхъ усачей,
Забытый въ хижинѣ своей.

XIX.

За то и пламенная младость
Не можетъ ничего скрывать:
Вражду, любовь, печаль и радость,
Она готова разболтать.
Въ любви считаясь инвалидомъ,
Онѣгинъ слушалъ съ важнымъ видомъ,

Какъ, сердца исповѣдь любя,
Поэтъ высказывалъ себя;
Свою довѣрчивую совѣсть
Онъ простодушно обнажалъ.
Евгений безъ труда узналъ
Его любви младую повѣсть,
Обильный чувствами разсказъ,
Давно не новыми для нась.

XX.

Ахъ, онъ любилъ, какъ въ наши лѣта
Уже не любятъ; какъ одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена:
Всегда, вездѣ одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль!
Ни охлаждающая даль,
Ни долгія лѣта разлуки,
Ни музамъ данные часы,
Ни чужеземныя красы,
Ни шумъ веселій, ни науки
Души не измѣнили въ немъ,
Согрѣтой дѣвственнымъ огнемъ.

XXI.

Чуть отрокъ, Ольгою плѣненный,
Сердечныхъ мукъ еще не зналъ,
Онъ былъ свидѣтель умиленный
Ея младенческихъ забавъ;
Въ тѣни хранительной дубравы
Онъ раздѣлялъ ея забавы,
И дѣтямъ прочили вѣнцы
Друзья-сосѣди, ихъ отцы.

Въ глуши, подъ сѣнію смиренной,
Невинной прелести полна,
Въ глазахъ родителей, она
Цвѣла какъ ландышъ потаенный,
Незнаемый въ травѣ глухой
Ни мотыльками, ни пчелой.

XXII.

Она поэту подарила
Младыхъ восторговъ первый сонъ,
И мысль объ ней одушевила
Его цѣвницы первый стонъ.
Простите, игры золотыя!
Онъ роши полюбиль густыя,
Уединенье, тишину,
И ночь, и звѣзды, и луну —
Луну, небесную лампаду,
Которой посвящали мы
Прогулки средь вечерней тмы,
И слезы, тайныхъ мукъ отраду....
Но нынѣ видимъ только въ ней
Замѣну тусклыхъ фонарей.

XXIII.

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда какъ утро весела,
Какъ жизнь поэта простодушна,
Какъ поцѣлуй любви мила,
Глаза какъ небо голубые,
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голосъ, легкій станъ,
Все въ Ольгѣ... но любой романъ
Возмите, и найдете вѣрно
Ея портретъ: онъ очень милъ;

Я прежде самъ его любилъ,
Но надоѣль онъ мнѣ безмѣрно.
Позвольте мнѣ, читатель мой,
Заняться старшою сестрой.

XXIV.

Ея сестра звалась Татьяна...¹³
Впервые именемъ такимъ
Страницы нѣжныя романа
Мы своевольно освятимъ.
И что жъ? оно пріятно, звучно,
Но съ нимъ, я знаю, неразлучно
Воспоминанье старины
Иль дѣвичьей. Мы всѣ должны
Признаться, вкуса очень мало
У насъ и въ нашихъ именахъ
(Не говоримъ ужъ о стихахъ);
Намъ просвѣщенье не пристало,
И намъ досталось отъ него
Жеманство — больше ничего.

XXV.

И такъ она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свѣжестью ея румянай,
Не привлекла бъ она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива,
Она въ семье своей родной
Казалась дѣвочкой чужой.
Она ласкаться не умѣла
Къ отцу, ни къ матери своей;
Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла,

И часто, цѣлый день одна,
Сидѣла молча у окна.

XXVI.

Задумчивость, ея подруга
Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,
Теченье сельскаго досуга
Мечтами украшала ей.
Ея изнѣженные пальцы
Не знали игль; склонясь на пяльцы,
Узоромъ шелковымъ она
Не оживляла полотна.
Охоты властствовать примѣта:
Съ послушной куклою, дитя
Приготовляется шутя
Къ приличію, закону свѣта,
И важно повторяетъ ей
Уроки маменьки своей.

XXVII.

Но куклы, даже въ эти годы,
Татьяна въ руки не брала;
Про вѣсти города, про моды
Бесѣды съ нею не вела.
И были дѣтскія проказы
Ей чужды; страшные разсказы
Зимою, въ темнотѣ ночей,
Плѣняли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги, на широкій лугъ,
Всѣхъ маленькихъ ея подругъ,
Она въ горѣлки не играла,
Ей скученъ былъ и звонкій смѣхъ,
И шумъ ихъ вѣтренныхъ утѣхъ.

XXVIII.

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ,
И тихо край земли свѣтлѣетъ,
И вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣеть,
И всходитъ постепенно день.
Зимой, когда ночная тѣнь
Полміромъ долѣ обладаетъ,
И долѣ въ праздной тишинѣ,
При отуманенной лунѣ,
Востокъ лѣнивый почиваетъ,
Въ привычный часъ пробуждена,
Вставала при свѣчахъ она.

XXIX.

Ей рано нравились романы;
Они ей замѣняли всѣ;
Она влюбилась въ обманы
И Ричардсона и Руссо.
Отецъ ея былъ добрый малый,
Въ прошедшемъ вѣкѣ запоздалый;
Но въ книгахъ не видаль вреда;
Онъ, не читая никогда,
Ихъ почиталъ пустой игрушкой,
И не заботился о томъ,
Какой у дочки тайный томъ
Дремалъ до утра подъ подушкой,
Жена жъ его была сама
Отъ Ричардсона безъ ума.

XXX.

Она любила Ричардсона,
Не потому, чтобы прочла,

Не потому, чтобъ Грандисона
Она Ловласу препочла¹⁴;
Но встарину, Княжна Алина,
Ея Московская кузина,
Твердила часто ей объ нихъ.
Въ то время быль еще женихъ
Ея супругъ; но по неволѣ;
Она взыхала по другомъ,
Который сердцемъ и умомъ
Ей нравился гораздо болѣ;
Сей Грандисонъ быль славный франтъ,
Игрокъ и гвардіи сержантъ.

XXXI.

Какъ онъ, она была одѣта
Всегда по модѣ и къ лицу.
Но не спросясь ея совѣта,
Дѣвицу повезли къ вѣнцу,
И чтобъ ея разсѣять горе,
Разумный мужъ уѣхалъ вскорѣ
Въ свою деревню, гдѣ она,
Богъ знаетъ кѣмъ окружена,
Рвалась и плакала сначала,
Съ супругомъ чуть не развелась;
Потомъ хозяйствомъ занялась,
Привыкла и довольна стала.
Привычка свыше намъ дана:
Замѣна счастію она¹⁵.

XXXII.

Привычка усладила горе,
Неотразимое ничѣмъ;
Открытие большое вскорѣ
Ее утѣшило совсѣмъ.

Она межъ дѣломъ и досугомъ
Открыла тайну, какъ супругомъ
Самодержавно управлять,
И все тогда пошло на стать.
Она ъзжала по работамъ,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила въ баню по субботамъ,
Служанокъ била осердясь —
Все это мужа не спросясь.

XXXIII.

Бывало писывала кровью
Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ,
Звала Полиною Прасковью,
И говорила на распѣвъ;
Корсетъ носила очень узкій,
И Русской Н какъ Н Французскій,
Произносить умѣла въ нось;
Но скоро все перевелось:
Корсетъ, альбомъ, Княжну Полину,,
Стишковъ чувствительныхъ тетрадь
Она забыла — стала звать
Акулькой прежнюю Селину,
И обновила наконецъ
На ватѣ шлафоръ и чепецъ.

XXXIV.

Но мужъ любилъ ее сердечно,
Въ ея затѣи не входилъ,
Во всемъ ей вѣровалъ беспечно,
А самъ въ халатѣ ълъ и пиль.
Покойно жизнь его катилась;
Подъ вечеръ иногда сходилась

Сосѣдей добрая семья,
Нецеремонные друзья,
И потужить, и позлословить,
И посмѣяться кой о чёмъ.
Проходитъ время; между тѣмъ
Прикажутъ Ольгѣ чай готовить;
Тамъ ужинъ, тамъ и спать пора,
И гости Ѹдутъ со двора.

XXXV.

Они хранили въ жизни мирной
Привычки милой старины;
У нихъ на масляницѣ жирной
Водились Русскіе блины.
Два раза въ годъ они говѣли;
Любили круглыя качели,
Подблюдны пѣсни, хороводъ;
Въ день Троицынъ, когда народъ
Зѣвая слушаетъ молебенъ,
Умильно на пучекъ зари
Они роняли слезки три;
Имъ квасъ, какъ воздухъ былъ потребенъ,
И за столомъ у нихъ гостямъ
Носили блюда по чинамъ.

XXXVI.

И такъ они старѣли оба.
И отворились наконецъ
Передъ супругомъ двери гроба,
И новый онъ пріялъ вѣнецъ.
Онъ умеръ въ часъ передъ обѣдомъ,
Оплаканный своимъ сосѣдомъ,
Дѣтьми и вѣрною женой,
Чистосердечнѣй, чѣмъ иной.

Онъ былъ простой и добрый баринъ,
И тамъ, гдѣ прахъ его лежитъ,
Надгробный памятникъ гласитъ:
Смиренный грѣшникъ, Дмитрій Ларинъ,
Господній рабъ и бригадиръ
Подъ камнемъ симъ вкушаетъ миръ.

XXXVII.

Своимъ пенатамъ возвращенный,
Владиміръ Ленскій посѣтилъ
Сосѣда памятникъ смиренный,
И вздохъ онъ пеплу посвятилъ;
И долго сердцу грустно было.
«*Poor Yorik!*» ¹⁶ молвилъ онъ уныло,
«Онъ на рукахъ меня держалъ.
«Какъ часто въ дѣтствѣ я игралъ
«Его Очаковской медалью!
«Онъ Ольгу прочилъ за меня,
«Онъ говорилъ: дождусь ли дня?...»
И полный искренней печалью,
Владиміръ тутъ же начерталъ
Ему надгробный мадrigalъ.

XXXVIII.

И тамъ же надписью печальной
Отца и матери, въ слезахъ,
Почтилъ онъ прахъ патріархальной...
Увы! на жизненныхъ браздахъ,
Мгновенной жатвой, поколѣнья,
По тайной волѣ Провидѣнья,
Восходятъ, зреютъ и падутъ;
Другія имъ во слѣдъ идутъ....
Такъ наше вѣтренное племя
Растетъ, волнуется, кипитъ
И къ гробу прадѣдовъ тѣснить.

Придеть, придетъ и наше время,
И наши внуки въ добрый часъ
Изъ міра вытѣснятъ и нась!

XXXIX.

Покамѣстъ упивайтесь ею,
Сей легкой жизнію, друзья!
Ея ничтожность разумѣю,
И мало къ ней привязанъ я;
Для призраковъ закрылъ я вѣжды,
Но отдаленныя надежды
Тревожатъ сердце иногда:
Безъ непримѣтнаго слѣда
Мнѣ было бъ грустно міръ оставить.
Живу, пишу не для похваль;
Но я бы, кажется, желалъ
Печальный жребій свой прославить,
Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
Напомнилъ хоть единый звукъ.

XL.

И чье нибудь онъ сердце тронетъ;
И сохраненная судьбой,
Быть можетъ, въ Летѣ не потонетъ
Строфа, слагаемая мной:
Быть можетъ — лестная надежда! —
Укажеть будущій невѣжда
На мой прославленный портретъ,
И молвить: то-то былъ Поэтъ!
Прими жъ мое благодаренѣе,
Поклонникъ мирныхъ Аонидъ,
О ты, чья память сохранить
Мои летучія творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплетъ лавры старика!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

*Elle étoit fille, elle étoit amoureuse.
Mal filatre,*

I.

«Куда? Ужъ эти мнѣ поэты!»
— «Прощай, Онѣгинъ, мнѣ пора.»
— «Я не держу тебя; но гдѣ ты
Свои проводишь вечера?»
— «У Лариныхъ.» — «Вотъ это чудно.
Помилуй! и тебѣ не трудно
Такъ каждый вечеръ убивать!»
— «Ни мало.» — «Не могу понять.
Отселѣ вижу, что такое:
Во-первыхъ — слушай, правъ ли я? —
Простая, Русская семья,
Къ гостямъ усердіе большое,
Варенье, вѣчный разговоръ
Про дождь, про ленъ, про скотный дворъ...»

II.

— «Я тутъ еще бѣды не вижу.»
— «Да скука, вотъ бѣда, мой другъ.»
— «Я модный свѣтъ вашъ ненавижу;
Милѣе мнѣ домашній кругъ,

Гдѣ я могу...» — «Опять эклога!
Да полно, милый, ради Бога.
Ну что жъ? ты ъдешь: очень жаль.
Ахъ, слушай, Ленской, да нельзя ль
Увидѣть мнѣ Филлиду эту,
Предметъ и мыслей, и пера,
И слезъ, и рифмъ *et cetera?*
Представь меня.» — «Ты шутишь
— «Нѣту.»
— «Я радъ.» — Когда же?» — «Хоть
сейчасъ.
Онѣ съ охотой примутъ насть.

III.

Поѣдемъ.» —
Поскакали други,
Явились; имъ расточены
Порой тяжелыя услуги
Гостепріимной старины.
Обрядъ извѣстный угощенья:
Несутъ на блюдечкахъ варенья,
На столикъ ставятъ вощеной
Кувшинъ съ брусничною водой.
.....

IV.

Они дорогой самой краткой
Домой летятъ во весь опоръ.¹⁷
Теперь подслушаемъ украдкой
Героевъ нашихъ разговоръ.

— «Ну что жъ, Онѣгинъ? ты зѣваешь».
— «Привычка, Ленскій.» — «Но скучаешь
Ты какъ-то больше.» — «Нѣтъ, равно.
Однако въ полѣ ужъ темно;
Скорѣй! пошолъ, пошолъ, Андрюшка!
Какія глупыя мѣста!
А, кстати: Ларина проста,
Но очень милая старушка;
Боюсь: брусничная вода
Мнѣ не надѣлала бъ вреда.

V.

Скажи: которая Татьяна?»
— «Да та, которая, грустна
И молчалива какъ Свѣтлана,
Вошла и сѣла у окна.»
— «Неужто ты влюбленъ въ меньшую?»
— «А что?» — «Я выбралъ бы другую,
Когда бъ я былъ какъ ты поэтъ.
Въ чертахъ у Ольги жизни нѣтъ,
Точь въ точь въ Вандиковой Мадонѣ:
Кругла, красна лицомъ она,
Какъ эта глупая луна
На этомъ глупомъ небосклонѣ.» —
Владимиръ сухо отвѣталъ
И послѣ во весь путь молчалъ.

VI.

Межъ тѣмъ Онѣгина явленье
У Лариныхъ произвело
На всѣхъ большое впечатлѣнье
И всѣхъ сосѣдей развлекло.
Пошла догадка за догадкой.
Всѣ стали толковать украдкой,

Шутить, судить не безъ грѣха,
Татьянѣ прочить жениха;
Иные даже утверждали,
Что свадьба слажена совсѣмъ,
Но остановлена затѣмъ,
Что модныхъ колецъ не достали.
О свадьбѣ Ленскаго давно
У нихъ ужъ было рѣшено.

VII.

Татьяна слушала съ досадой
Такія сплетни; но тайкомъ
Съ неизъяснимою отрадой
Невольно думала о томъ;
И въ сердце дума заронилась;
Пора пришла, она влюбилась.
Такъ въ землю падшее зерно
Весны огнемъ оживлено.
Давно ея воображенье,
Сгарая нѣгой и тоской,
Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленье
Тѣснило ей младую грудь;
Душа ждала... кого нибудь,

VIII.

И дождалась. Открылись очи;
Она сказала: это онъ!
Увы! теперь и дни, и ночи,
И жаркій, одинокій сонъ,
Все полно имъ; все дѣвѣ милой
Безъ умолку волшебной силой
Твердить о немъ. Докучны ей
И звуки ласковыхъ рѣчей,

И взоръ заботливой прислуги.
Въ уныніе погружена,
Гостей не слушаетъ она,
И проклинаетъ ихъ досуги,
Ихъ неожиданный пріѣздъ
И продолжительный присѣстъ.

IX.

Теперь съ какимъ она вниманьемъ
Читаетъ сладостный романъ,
Съ какимъ живымъ очарованьемъ
Петь обольстительный обманъ!
Счастливой силою мечтанья
Одушевленныя созданья,
Любовникъ Юліи Вольмаръ,
Малекъ-Адель и де Линаръ,
И Вертеръ, мученикъ мятежной,
И безподобный Грандисонъ,¹⁸
Который намъ наводить сонъ,
Всѣ для мечтательницы нѣжной
Въ единый образъ облеклись,
Въ одномъ Онѣгинѣ слились.

X.

Воображаясь героиней
Своихъ возлюбленныхъ творцовъ,
Кларисой, Юліей, Дельфиной,
Татьяна въ тишинѣ лѣсовъ
Одна съ опасной книгой бродитъ,
Она въ ней ищетъ и находить
Свой тайный жаръ, свои мечты,
Плоды сердечной полноты,
Вздыхаетъ, и себѣ присвоя
Чужой восторгъ, чужую грусть,

Въ забвеньи шепчетъ наизусть
Письмо для милаго героя....
Но нашъ герой, кто бъ ни былъ онъ,
Ужъ вѣрно былъ не Грандисонъ.

XI.

Свой слогъ на важный ладъ настроя,
Бывало, пламенный творецъ
Являлъ намъ своего героя
Какъ совершенства образецъ.
Онъ одарялъ предметъ любимый,
Всегда неправедно гонимый,
Душой чувствительной, умомъ
И привлекательнымъ лицомъ.
Питая жаръ чистѣйшей страсти,
Всегда восторженный герой
Готовъ былъ жертвовать собой,
И при концѣ послѣдней части
Всегда наказанъ былъ порокъ,
Добру достойный былъ вѣнокъ.

XII.

А нынче всѣ умы въ туманѣ,
Мораль на насть наводить сонъ,
Порокъ любезенъ и въ романѣ,
И тамъ ужъ торжествуетъ онъ.
Британской музы небылицы
Тревожатъ сонъ отроковицы,
И сталъ теперь ея кумиръ
Или задумчивый Вампиръ,
Или Мельмотъ, бродяга мрачной,
Иль вѣчный жидъ, или Корсарь,
Или таинственный Сбогаръ.¹⁹
Лордъ Байронъ прихотью удачной

Облекъ въ унылый романтизмъ
И безнадежный эгоизмъ.

XIII.

Друзья мои, что жъ толку въ этомъ?
Быть можетъ, волею Небесъ,
Я перестану быть поэтомъ,
Въ меня вселится новый бѣсь,
И, Фебовы презрѣвъ угрозы,
Унижусь до смиренной прозы:
Тогда романъ на старый ладъ
Займетъ веселый мой закатъ.
Не муки тайныхъ злодѣйства
Я грозно въ немъ изображу,
Но просто вамъ перескажу
Преданья Русскаго семейства,
Любви плѣнительные сны,
Да нравы нашей старины.

XIV.

Перескажу простыя рѣчи
Отца иль дяди старика,
Дѣтей условленныя встрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка;
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слезы примиренья,
Поссорю вновь, и наконецъ
Я поведу ихъ подъ вѣнецъ...
Я вспомню рѣчи нѣги страстной,
Слова тоскующей любви,
Которая въ минувши дни
У ногъ любовницы прекрасной
Мнѣ приходили на языкъ,
Отъ коихъ я теперь отвыкъ.

XV.

Татьяна, милая Татьяна!
Съ тобой теперь я слезы лью;
Ты въ руки моднаго тирана
Ужъ отдала судьбу свою.
Погибнешь, милая; но прежде
Ты въ ослѣпительной надеждѣ
Блаженство темное зовешь,
Ты нѣгу жизни узнаешь,
Ты пьешь волшебный ядъ желаній,
Тебя преслѣдуютъ мечты:
Вездѣ воображаешь ты
Пріюты счастливыхъ свиданій;
Вездѣ, вездѣ передъ тобой
Твой искуситель роковой.

XVI.

Тоска любви Татьяну гонить,
И въ садъ идетъ она грустить,
И вдругъ недвижны очи клонить,
И лѣнь ей далѣе ступить:
Приподнялася грудь, ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ покрыты,
Дыханье замерло въ устахъ,
И въ слухѣ шумъ, и блескъ въ очахъ...
Настанетъ ночь; луна обходитъ
Дозоромъ дальний сводъ небесъ,
И соловей во мглѣ древесъ
Напѣвы звучные заводитъ.
Татьяна въ темнотѣ не спить
И тихо съ няней говоритъ:

XVII.

— «Не спится, няня: здѣсь такъ душно!
Открой окно, да сядь ко мнѣ.»

— «Что, Таня, что съ тобой?» —
«Мнѣ скучно,
Поговоримъ о старинѣ.»
— «О чёмъ же, Таня! Я, бывало,
Хранила въ памяти не мало
Старинныхъ былей, небылицъ
Про злыхъ духовъ и про дѣвицъ;
А нынѣ все мнѣ темно, Таня:
Что знала, то забыла. Да,
Пришла худая череда!
Зашивло.....» — «Расскажи мнѣ, няня,
Про ваши старые года:
Была ты влюблена тогда?»

XVIII.

— «И, полно, Таня! Въ эти лѣта
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со свѣта
Меня покойница свекровь.»
— «Да какъ же ты вѣнчалась, няня?»
— «Такъ, видно, Богъ велѣлъ. Мой Ваня
Моложе былъ меня, мой свѣтъ,
А было мнѣ тринадцать лѣтъ.
Недѣли двѣ ходила сваха
Къ моей роднѣ, и наконецъ
Благословилъ меня отецъ.
Я горько плакала со страха;
Мнѣ съ плачемъ косу расплели,
Да съ пѣньемъ въ церковь повели.

XIX.

И вотъ ввели въ семью чужую....
Да ты не слушаешь меня...»
— «Ахъ, няня, няня, я тоскую,

Мнѣ тошно, милая моя:
Я плакать, я рыдать готова!...»
— «Дитя мое, ты нездорова;
Господь помилуй и спаси!
Чего ты хочешь, попроси....
Дай окроплю святой водою,
Ты вся горишь...» — «Я не больна;
Я... знаешь, няня, ...влюблена.»
— «Дитя мое, Господь съ тобою!» —
И няня дѣвушку съ мольбой
Крестила дряхлою рукою.

XX.

— «Я влюблена», шептала снова
Старушкѣ съ горестью она.
— «Сердечный другъ, ты нездорова.»
— «Оставь меня: я влюблена.» —
И между тѣмъ луна сіяла
И темнымъ свѣтомъ озаряла
Татьяны блѣдныя красы,
И распущенные власы,
И капли слезъ, и на скамейкѣ
Предъ героиней молодой,
Съ платкомъ на головѣ сѣдой,
Старушку въ длинной тѣлогрѣйкѣ;
И все дремало въ тишинѣ
При вдохновительной лунѣ.

XXI.

И сердцемъ далеко носилась
Татьяна, смотря на луну....
Вдругъ мысль въ умѣ ея родилась....
— «Поди, оставь меня одну.
Дай, няня, мнѣ перо, бумагу,

Да столь подвинь; я скоро лягу;
Прости.» И вотъ она одна.
Все тихо. Свѣтить ей луна.
Облокотясь, Татьяна пишетъ,
И все Евгений на умѣ,
И въ необдуманномъ письмѣ
Любовь невинной дѣвы дышеть.
Письмо готово, сложено...
Татьяна! для кого жъ оно?

XXII.

Я зналъ красавицъ недоступныхъ,
Холодныхъ, чистыхъ какъ зима;
Неумолимыхъ, неподкупныхъ,
Непостижимыхъ для ума;
Дивился я ихъ спѣси модной,
Ихъ добродѣтели природной,
И признаюсь, отъ нихъ бѣжалъ,
И, мнится, съ ужасомъ читалъ
Надъ ихъ бровями надпись ада:
*Оставь надежду навсегда.*²⁰
Внушать любовь для нихъ бѣда,
Пугать людей для нихъ отрада.
Быть можетъ, на берегахъ Невы
Подобныхъ дамъ видали вы.

XXIII.

Среди поклонниковъ послушныхъ
Другихъ причудницъ я видаль,
Самолюбиво равнодушныхъ
Для вздоховъ страстныхъ и похвалъ.
И что жъ нашелъ я съ изумленьемъ?
Онѣ суровымъ поведеньемъ
Пугая робкую любовь,

Ее привлечь умѣли вновь,
По крайней мѣрѣ, сожалѣньемъ,
По крайней мѣрѣ, звукъ рѣчей
Казался иногда нѣжнѣй,
И съ легковѣрнымъ ослѣпленьемъ
Опять любовникъ молодой
Бѣжалъ за милой суетой.

XXIV.

За что жъ виновнѣе Татьяна?
За то ль, что въ милой простотѣ
Она не вѣдаетъ обмана
И вѣритъ избранной мечтѣ?
За то ль, что любить безъ искусства,
Послушная влеченью чувства,
Что такъ довѣрчива она,
Что отъ Небесъ одарена
Воображенiemъ мятеjнымъ,
Умомъ и волею живой,
И своенравной головой,
И сердцемъ пламеннымъ и нѣжнымъ?
Ужели не простите ей
Вы легкомыслія страстей?

XXV.

Кокетка судить хладнокровно,
Татьяна любить не шутя
И предается безусловно
Любви, какъ милое дитя.
Не говоритъ она: отложимъ —
Любви мы цѣну тѣмъ умножимъ,
Вѣрнѣе въ сѣти заведемъ;
Сперва тщеславіе кольнемъ
Надеждой, тамъ недоумѣньемъ

Измучимъ сердце, а потомъ
Ревнивымъ оживимъ огнёмъ;
А то, скучая наслажденьемъ,
Невольникъ хитрый изъ оковъ
Всечасно вырваться готовъ.

XXVI.

Еще предвижу затрудненье:
Родной земли спасая честь,
Я долженъ буду, безъ сомнѣнья,
Письмо Татьяны перевестъ.
Она по-Русски плохо знала,
Журналовъ нашихъ не читала,
И выражалася съ трудомъ
На языкѣ своемъ родномъ,
И такъ писала по-Французски...
Что дѣлать! повторяю вновь:
Донынѣ дамская любовь
Не изъяснялася по-Русски,
Донынѣ гордый нашъ языкъ
Къ почтовой прозѣ не привыкъ.

XXVII.

Я знаю: дамъ хотятъ заставить
Читать по-Русски. Право, страхъ!
Могу ли ихъ себѣ представить
Съ Благонамѣреннымъ^и въ рукахъ!
Я шлюсь на васъ, мои поэты,
Не правда ль: милые предметы,
Которымъ, за свои грѣхи,
Писали втайнѣ вы стихи,
Которымъ сердце посвящали,
Не всѣ ли, Русскимъ языкомъ
Владѣя слабо и съ трудомъ,

Его такъ мило искажали,
И въ ихъ устахъ языкъ чужой
Не обратился ли въ родной?

XXVIII.

Не дай мнѣ Богъ сойтись на балѣ
Иль при разъездѣ на крыльцѣ
Съ семинаристомъ въ желтой шальѣ
Иль съ Академикомъ въ чепцѣ!
Какъ усть румяныхъ безъ улыбки,
Безъ грамматической ошибки
Я Русской рѣчи не люблю.
Быть можетъ, на бѣду мою,
Красавицъ новыхъ поколѣнье,
Журналовъ внявъ молящій гласъ,
Къ Грамматикѣ пріучить насъ;
Стихи введутъ въ употребленье:
Но я... какое дѣло мнѣ?
Я вѣренъ буду старинѣ.

XXIX.

Неправильный, небрежный лепетъ,
Неточный выговоръ рѣчей,
По прежнему сердечный трепетъ
Произведутъ въ груди моей;
Раскаяться во мнѣ нѣть силы,
Мнѣ галлицизмы будутъ милы,
Какъ прошлой юности грѣхи,
Какъ Богдановича стихи.
Но полно. Мнѣ пора заняться
Письмомъ красавицы моей;
Я слово далъ, и что жъ? ей ей
Теперь готовъ ужъ отказаться.
Я знаю: нѣжнаго Парни
Перо не въ модѣ въ наши дни.

XXX.

Пѣвецъ Пировъ и грусти томной,²²
Когда бъ еще ты былъ со мной,
Я сталъ бы просьбою нескромной
Тебя тревожить, милый мой,
Чтобъ на волшебные напѣвы
Переложилъ ты страстной дѣвы
Иноплеменныя слова.
Гдѣ ты? приди: свои права
Передаю тебѣ съ поклономъ....
Но посреди печальныхъ скалъ,
Отвыкнувъ сердцемъ отъ похвалъ,
Одинъ, подъ Финскимъ небосклономъ,
Онъ бродитъ, и душа его
Не слышитъ горя моего.

XXXI.

Письмо Татьяны предо мною;
Его я свято берегу,
Читаю съ тайною тоскою
И начитаться не могу.
Кто ей внушалъ и эту нѣжность,
И словъ любезную небрежность?
Кто ей внушалъ умильный вздоръ,
Безумный сердца разговоръ
И увлекательный, и вредный?
Я не могу понять. Но вотъ
Неполный, слабый переводъ,
Съ живой картины списокъ блѣдный,
Или разыгранный Фрейшицъ
Перстами робкихъ ученицъ:

Письмо Татьяны къ Онѣгину

«Я къ вамъ пишу — чего же болѣ?
Что я могу еще сказать?

Теперь, я знаю, въ вашей волѣ
Меня презрѣньемъ наказать.
Но вы, къ моей несчастной долѣ
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотѣла;
Повѣрьте: моего стыда
Вы не узнали бъ никогда,
Когда бъ надежду я имѣла
Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ
Въ деревнѣ нашей видѣть васъ,
Чтобъ только слышать ваши рѣчи,
Вамъ слово молвить, и потомъ
Все думать, думать объ одномъ
И день и ночь до новой встрѣчи.
Но говорятъ, вы нелюдимъ;
Въ глуши, въ деревнѣ все вамъ скучно,
А мы.... ничѣмъ мы не блестимъ,
Хоть вамъ и рады простодушно.

«Зачѣмъ вы посѣтили насъ?
Въ глуши забытаго селенья
Я никогда не знала бъ васъ,
Не знала бъ горькаго мученья.
Души неопытной волненья
Смиривъ со временемъ (какъ знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы вѣрная супруга
И добродѣтельная мать.

«Другой!... Нѣтъ, никому на свѣтѣ
Не отдала бы сердца я!
То въ высшемъ суждено совѣтѣ...
То воля Неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобой;

Я знаю, ты мнъ посланъ Богомъ,
До гроба ты хранитель мой...
Ты въ сновидѣньяхъ мнъ являлся,
Незримый, ты мнъ былъ ужъ миль,
Твой чудный взглядъ меня томилъ,
Въ душѣ твой голосъ раздавался
Давно... нѣтъ, это былъ не сонъ!
Ты чуть вошелъ, я вмигъ узнала,
Вся обомлѣла, запылала,
И въ мысляхъ молвила: вотъ онъ!
Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорилъ со мной въ тиши,
Когда я бѣднымъ помогала,
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души?
И въ это самое мгновеніе
Не ты ли, милое видѣніе,
Въ прозрачной темнотѣ мелькнулъ,
Приникнулъ тихо къ изголовью!
Не ты ль, съ отрадой и любовью,
Слова надежды мнъ шепнуль?
Кто ты: мой Ангель ли хранитель,
Или коварный искуситель?
Мои сомнѣнья разрѣши.
Быть можетъ, это все пустое,
Обманъ неопытной души!
И суждено совсѣмъ иное....
Но такъ и быть! Судьбу мою
Отнынѣ я тебѣ вручаю,
Передъ тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю....
Вообрази: я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ,
Разсудокъ мой изнемогаетъ,
И, молча, гибнуть я должна.
Я жду тебя: единымъ взоромъ

Надежды сердца оживи,
Иль сонъ тяжелый перерви,
Увы, заслуженнымъ укоромъ!

«Кончаю! страшно перечесть....
Стыдомъ и страхомъ замираю....
Но мнѣ порукой ваша честь,
И смѣло ей себя ввѣряю...» —

XXXII.

Татьяна то вздохнетъ, то охнетъ;
Письмо дрожитъ въ ея рукѣ;
Облатка розовая сохнетъ
На воспаленномъ языкѣ.
Къ плечу головушкой склонилась,
Сорочка легкая спустилась
Съ ея прелестнаго плеча.
Но вотъ ужъ луннаго луча
Сіянье гаснетъ. Тамъ долина
Сквозь паръ яснѣеть. Тамъ потокъ
Засеребрился; тамъ рожокъ
Пастушій будитъ селянина.
Вотъ утро; встали всѣ давно:
Моей Татьянѣ все равно.

XXXIII.

Она зари не замѣчаетъ,
Сидитъ съ поникшею главой
И на письмо не напираетъ
Своей печати вырѣзной.
Но, дверь тихонько отпирая,
Ужъ ей Филатьевна сѣдая
Приносить на подносѣ чай.
— «Пора, дитя мое, вставай:

Да ты, красавица, готова!
О, пташка ранняя моя!
Вечоръ ужъ какъ боялась я!
Да, слава Богу, ты здорова!
Тоски ночной и слѣду нѣтъ,
Лице твое какъ маковъ цвѣтъ.»

XXXIV.

— «Ахъ! няня, сдѣлай одолженье....»
— «Изволь, родная, прикажи.»
— «Не думай... право... подозрѣнья...
Но видишь... Ахъ! не откажи.»
— «Мой другъ, вотъ Богъ тебѣ порука.»
— «И такъ пошли тихонько внука
Съ запиской этой къ О.... къ тому...
Къ сосѣду.... да велѣть ему —
Чтобъ онъ не говорилъ ни слова,
Чтобъ онъ не называлъ меня...»
— «Кому-же, милая моя?
Я нынче стала безтолкова.
Кругомъ сосѣдей много есть —
Куда мнѣ ихъ и перечесть.»

XXXV.

— «Какъ недогадлива ты, няня!»
— «Сердечный другъ, ужъ я стара,
Стара; тупѣеть разумъ Таня;
А то, бывало, я востра:
Бывало, слово барской воли...»
— «Ахъ, няня, няня! до того ли?
Что нужды мнѣ въ твоемъ умѣ?
Ты видишь, дѣло о письмѣ
Къ Онѣгину.» — «Ну, дѣло, дѣло.
Не гнѣвайся, душа моя,

Ты знаешь, непонятна я...
Да что жъ ты снова побѣднѣла?»
— «Такъ, няня, право ничего.
Пошли же внука своего.» —

XXXVI.

Но день протекъ, и нѣтъ отвѣта.
Другой насталъ: все нѣтъ, какъ нѣтъ.
Блѣдна какъ тѣнь, съ утра одѣта,
Татьяна ждетъ: когда жъ отвѣтъ?
Пріѣхалъ Ольгинъ обожатель.
— «Скажите: гдѣ же вашъ пріятель?»
Ему вопросъ хозяйки былъ:
«Онъ что-то насъ совсѣмъ забылъ.»
Татьяна, вспыхнувъ, задрожала.
— «Сегодня быть онъ обѣщалъ»,
Старушкѣ Ленской отвѣчалъ:
«Да, видно, почта задержала.» —
Татьяна потупила взоръ,
Какъ будто слыша злой укоръ.

XXXVII.

Смеркалось; на столѣ, блестая,
Шипѣлъ вечерній самоваръ,
Китайскій чайникъ нагрѣвая;
Подъ нимъ клубился легкій паръ.
Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкамъ темною струею
Уже душистый чай бѣжалъ,
И сливки мальчикъ подавалъ;
Татьяна предъ окномъ стояла,
На стекла хладныя дыша,
Задумавшись, моя душа,
Прелестнымъ пальчикомъ писала

На отуманенномъ стеклѣ
Завѣтный вензель: *O* да *E*.

XXXVIII.

И между тѣмъ, душа въ ней ныла,
И слезъ былъ полонъ томный взоръ.
Вдругъ топотъ!... кровь ея застыла,
Вотъ ближе! скачутъ.... и на дворъ
Евгений! «Ахъ!» — и легче тѣни
Татьяна прыгъ въ другія сѣни,
Съ крыльца на дворъ, и прямо въ садъ;
Летитъ, летитъ; взглянуть назадъ
Не смѣеть; мигомъ обѣжала
Куртины, мостики, лужокъ,
Аллею къ озеру, лѣсокъ,
Кусты сирень переломала,
По цвѣтникамъ летя къ ручью
И задыхаясь, на скамью

XXXIX.

Упала...

«Здѣсь онъ! здѣсь Евгений!
О Боже! что подумалъ онъ!» —
Въ ней сердце, полное мученій,
Хранить надежды темный сонъ;
Она дрожитъ и жаромъ пышитъ,
И ждетъ: нейдетъ ли? Но не слышитъ.
Въ саду служанки, на грядахъ,
Сбирали ягоды въ кустахъ
И хоромъ по наказу пѣли
(Наказъ, основанный на томъ,
Чтобъ барской ягоды тайкомъ
Уста лукавыя не ъли,
И пѣньемъ были заняты:
Затѣя сельской остроты!)

Пьесы дѣвушекъ.

«Дѣвицы, красавицы,
Душеньки, подруженьки,
Разыграйтесь, дѣвицы,
Разгуляйтесь, милыя!
Затяните пѣсенку,
Пѣсенку завѣтную,
Заманите молодца
Къ хороводу нашему.
Какъ заманимъ молодца,
Какъ завидимъ издали,
Разбѣжимтесь, милыя,
Закидаемъ вишенъемъ,
Вишенъемъ, малиною,
Красною смородиной.
Не ходи подслушивать
Пѣсенки завѣтныя,
Не ходи подсматривать
Игры наши дѣвичьи.» —

XL.

Онѣ поютъ, и съ небреженьемъ
Внимая звонкій голосъ ихъ,
Ждала Татьяна съ нетерпѣньемъ,
Чтобъ трепетъ сердца въ ней затихъ,
Чтобы прошло ланить пыланье.
Но въ персяхъ то же трепетанье,
И не проходитъ жаръ ланить,
Но ярче, ярче лишь горитъ.
Такъ бѣдный мотылекъ и блещетъ,
И бьется радужнымъ крыломъ,
Плѣненный школьнымъ шалуномъ;
Такъ зайчикъ въ озими трепещетъ,
Увидя вдругъ издалека
Въ кусты припадшаго стрѣлка.

XLI.

Но наконецъ она вздохнула
И встала со скамьи своей;
Пошла, но только повернула
Въ аллею, — прямо передъ ней,
Блистая взорами, Евгений
Стоитъ подобно грозной тѣни,
И какъ огнемъ обожжена
Остановилася она.
Но слѣдствія нежданой встрѣчи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не въ силахъ я;
Мнѣ должно послѣ долгой рѣчи
И погулять и отдохнуть:
Докончу послѣ какъ нибудь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

La morale est dans la nature des choses.
N e c k e r.

I. II. III. IV. V. VI.

VII.

Чѣмъ меныше женщину мы любимъ,
Тѣмъ легче нравимся мы ей,
И тѣмъ ее вѣрнѣе губимъ
Средь обольстительныхъ сѣтей.
Развратъ, бывало, хладнокровной
Наукой славился любовной,
Самъ о себѣ вездѣ трубя,
И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старыхъ обезьянъ:
Хваленыхъ дѣдовскихъ времянъ:
Ловласовъ обветшала слава
Со славой красныхъ каблуковъ
И величавыхъ париковъ.

VIII.

Кому не скучно лицемѣрить,
Различно повторять одно;

Стараться важно въ томъ увѣрить,
Въ чемъ всѣ увѣрены давно;
Все тѣ же слышать возраженья;
Уничтожать предразсужденья,
Которыхъ не было и нѣтъ
У дѣвочки въ тринадцать лѣтъ!
Кого не утомятъ угрозы,
Моленья, клятвы, мнимый страхъ,
Записки на шести листахъ,
Обманы, сплетни, кольца, слезы,
Надзоры тетокъ, матерей,
И дружба тяжкая мужей!

IX.

Такъ точно думалъ мой Евгений.
Онъ въ первой юности своей
Былъ жертвой бурныхъ заблужденій
И необузданыхъ страстей.
Привычкой жизни избалованъ,
Однимъ навремя очарованъ,
Разочарованный другимъ,
Желаньемъ медленно томимъ,
Томимъ и вѣтреннымъ успѣхомъ,
Внимая въ шумѣ и вътиши
Роптанье вѣчное души,
Зѣвоту подавляя смѣхомъ:
Вотъ, какъ убилъ онъ восемь лѣтъ,
Утратя жизни лучшій цвѣтъ.

X.

Въ красавицъ онъ ужъ не влюблался,
А волочился какъ нибудь;
Откажутъ — мигомъ утѣшался;
Измѣнять — радъ былъ отдохнуть.

Онъ ихъ искалъ безъ упоенья,
А оставлялъ безъ сожалѣнья,
Чуть помня ихъ любовь и злость.
Такъ точно равнодушный гость
На вистѣ вечерній прїезжаетъ,
Садится; кончилась игра:
Онъ уѣзжаетъ со двора,
Спокойно дома засыпаетъ,
И самъ не знаетъ поутру,
Куда поѣдетъ ввечеру.

XI.

Но, получивъ посланье Тани,
Онѣгинъ живо тронутъ былъ:
Языкъ дѣвическихъ мечтаній
Въ немъ думы роемъ возмутіль;
И вспомнилъ онъ Татьяны милой
И блѣдный цвѣтъ, и видъ унылой;
И въ сладостный, безгрѣшный сонъ
Душею погрузился онъ.
Быть можетъ, чувствій пыль старинной
Имъ на минуту овладѣлъ;
Но обмануть онъ не хотѣлъ
Довѣрчивость души невинной.
Теперь мы въ садѣ перелетимъ,
Гдѣ встрѣтилась Татьяна съ нимъ.

XII.

Минуты двѣ они молчали,
Но къ ней Онѣгинъ подошелъ
И молвилъ: — «Вы ко мнѣ писали,
Не отпирайтесь. Я прочелъ
Души довѣрчивой признанья,
Любви невинной изліянья;

Мнѣ ваша искренность мила;
Она въ волненье привела
Давно умолкнувшія чувства;
Но васъ хвалить я не хочу;
Я за нее вамъ отплачу
Признаньеъ также безъ искусства;
Примите исповѣдь мою:
Себя на судъ вамъ отдаю.

XIII.

«Когда бы жизнь домашнимъ кругомъ
Я ограничить захотѣль;
Когда бъ мнѣ быть отцемъ, супругомъ
Пріятный жребій повелѣль;
Когда бъ семейственной картиной
Плѣнился я хоть мигъ единой:
То, вѣрно бъ, кромъ васъ одной
Невѣсты не искалъ иной.
Скажу безъ блестокъ мадrigальныхъ:
Нашедъ мой прежній идеалъ,
Я вѣрно бъ васъ одну избралъ
Въ подруги дней моихъ печальныхъ,
Всего прекраснаго въ залогъ,
И былъ бы счастливъ... сколько могъ!

XIV.

«Но я не созданъ для блаженства:
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства:
Ихъ вовсе недостоинъ я.
Повѣрьте (совѣсть въ томъ порукой),
Супружество намъ будетъ мукой.
Я, сколько ни любилъ бы васъ,
Привыкнувъ, разлюблю тотчасъ;

Начнете плакать: ваши слезы
Не тронуть сердца моего,
А будуть лишь бѣсить его.
Судите жъ вы, какія розы
Намъ заготовить Гименей
И, можетъ быть, на много дней!

XV.

«Что́ можетъ быть на свѣтѣ хуже
Семьи, гдѣ бѣдная жена
Грустить о недостойномъ мужѣ,
И днемъ и вечеромъ одна;
Гдѣ скучный мужъ, ей цѣну зная
(Судьбу однако жъ проклиная),
Всегда нахмуренъ, молчаливъ,
Сердитъ и холодно-ревнивъ!
Таковъ я. И того ль искали
Вы чистой пламенной душой,
Когда съ такою простотой,
Съ такимъ умомъ ко мнѣ писали?
Ужели жребій вамъ такой
Назначенъ строгою судьбой?

XVI.

«Мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата;
Не обновлю души моей...
Я васъ люблю любовью брата
И, можетъ быть, еще нѣжнѣй.
Послушайте жъ меня безъ гнѣва:
Смѣнить не разъ младая дѣва
Мечтами легкія мечты;
Такъ деревцо свои листы
Мѣняетъ съ каждою весною.
Такъ видно Небомъ суждено.

Полюбите вы снова: но...
Учитесь властствовать собою,
Не всякой васъ, какъ я, пойметъ;
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ.» —

XVII.

Такъ проповѣдалъ Евгений.
Сквозь слезъ не видя ничего,
Едва дыша, безъ возраженій,
Татьяна слушала его.
Онъ подалъ руку ей. Печально
(Какъ говорится, *машинально*)
Татьяна, молча, оперлась;
Головкой томною склоняясь,
Пошла домой вкругъ огорода;
Явились вмѣстѣ, и никто
Не вздумалъ имъ пенять на то:
Имѣеть сельская свобода
Свои счастливыя права,
Какъ и надменная Москва.

XVIII.

Вы согласитесь, мой читатель,
Что очень мило поступилъ
Съ печальной Таней нашъ пріятель;
Не въ первый разъ онъ тутъ явилъ
Души прямое благородство,
Хотя людей недоброхотство
Въ немъ не щадило ничего:
Враги его, друзья его
(Что, можетъ быть, одно и то же)
Его честили такъ и сякъ.
Враговъ имѣеть въ мірѣ всякъ.
Но отъ друзей спаси насъ, Боже!

Ужъ эти мнѣ друзья, друзья!
Объ нихъ недаромъ вспомнилъ я.

XIX.

А что? Да такъ. Я усыпляю
Пустыя, черныя мечты;
Я только *въ скобкахъ* замѣчаю,
Что нѣтъ презрѣнной клеветы,
На чердакѣ вралемъ рожденной
И свѣтской чернью ободренной,
Что нѣтъ нелѣпицы такой,
Ни эпиграмы площадной,
Которой бы вашъ другъ съ улыбкой,
Въ кругу порядочныхъ людей,
Безъ всякой злобы и затѣй,
Не повторилъ стократъ ошибкой;
А впрочемъ онъ за васъ горой:
Онъ васть такъ любить... какъ родной!

XX.

Гм! гм! Читатель благородной,
Здорова ль ваша вся родня?
Позвольте: можетъ быть, угодно
Теперь узнать вамъ отъ меня,
Что значать именно *родные*.
Родные люди вотъ какіе:
Мы ихъ обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать
И, по обычаю народа,
О Рождествѣ ихъ навѣщать,
Или по почтѣ поздравлять,
Чтобъ остальное время года
Не думали о насъ они...
И такъ дай, Богъ, имъ долги дни!

XXI.

За то любовь красавицъ нѣжныхъ
Надежнѣй дружбы и родства:
Надъ нею и средь бурь мятежныхъ
Вы сохраняете права.
Конечно такъ. Но вихорь моды,
Но своенравіе природы,
Но мнѣнья свѣтскаго потокъ...
А милый полъ, какъ пухъ, легокъ.
Къ тому жъ и мнѣнія супруга
Для добродѣтельной жены
Всегда почтены быть должны;
Такъ ваша вѣрная подруга
Бываетъ вмигъ увлечена:
Любовью шутить сатана.

XXII.

Кого жъ любить? Кому же вѣрить?
Кто не измѣнитъ намъ одинъ?
Кто всѣ дѣла, всѣ рѣчи мѣритъ
Услужливо на нашъ аршинъ?
Кто клеветы про насъ не сѣетъ?
Кто насъ заботливо лелѣетъ?
Кому порокъ нашъ не бѣда?
Кто не наскучитъ никогда?
Призрака суэтный искатель,
Трудовъ напрасно не губя,
Любите самаго себя,
Достопочтенный мой читатель!
Предметъ достойный: ничего
Любезнѣй вѣрно нѣтъ его.

XXIII.

Что было слѣдствіемъ свиданья?
Увы, не трудно угадать!

Любви безумныя страданья
Не перестали волновать
Младой души, печали жадной;
Нѣтъ, пуще страстью безотрадной
Татьяна бѣдная горитъ;
Ея постели сонъ бѣжитъ;
Здоровье, жизни цвѣтъ и сладость,
Улыбка, дѣственныи покой,
Пропало все, что звукъ пустой,
И меркнетъ милой Тани младость:
Такъ одѣваетъ бури тѣнь
Едва раждающійся день.

XXIV.

Увы, Татьяна увядаетъ;
Блѣднѣетъ, гаснетъ и молчитъ!
Ничто ее не занимаетъ,
Ея души не шевелить.
Качая важно головою,
Сосѣды шепчутъ межъ собою:
Пора, пора бы замужъ ей!...
Но полно. Надо мнѣ скорѣй
Развеселить воображенье
Картиной счастливой любви.
Невольно, милые мои,
Меня стѣсняеть сожалѣнье;
Простите мнѣ: я такъ люблю
Татьяну милую мою!

XXV.

Часъ отъ часу плѣненный болѣ
Красами Ольги молодой,
Владимиръ сладостной неволѣ
Предался полною душой.

Онъ вѣчно съ ней. Въ ея покоѣ
Они сидятъ впотемкахъ двое;
Они въ саду, рука съ рукой,
Гуляютъ утренней порой;
И что жъ? Любовьюupoенный,
Въ смятеныи нѣжнаго стыда,
Онъ только смѣеть иногда,
Улыбкой Ольги ободренный,
Развитымъ локономъ играть,
Иль край одежды цѣловать.

XXVI.

Онъ иногда читаетъ Олѣ
Нравоучительный романъ,
Въ которомъ авторъ знаетъ болѣ
Природу, чѣмъ Шатобріанъ,
А между тѣмъ двѣ, три страницы
(Пустыя бредни, небылицы,
Опасныя для сердца дѣвъ)
Онъ пропускаетъ, покраснѣвъ.
Уединяясь отъ всѣхъ далёко,
Они надъ шахматной доской,
На столъ облокотяясь, порой
Сидятъ, задумавшись глубоко,
И Ленскій пѣшкою ладью
Береть въ разсѣяныи свою.

XXVII.

Поѣдетъ ли домой; и дома
Онъ занятъ Ольгою своей.
Летучіе листки альбома
Прилежно украшаетъ ей:
То въ нихъ рисуетъ сельски виды,
Надгробный камень, храмъ Киприды,

Или на лирѣ голубка
Перомъ и красками слегка;
То на листкахъ воспоминанья,
Пониже подписи другихъ,
Онъ оставляетъ нѣжный стихъ,
Безмолвный памятникъ мечтанья,
Мгновенной думы долгій слѣдъ,
Все тотъ же послѣ многихъ лѣтъ.

XXVIII.

Конечно, вы не разъ видали
Уѣздной барышни альбомъ,
Что всѣ подружки измарали
Съ конца, съ начала и кругомъ.
Сюда, на зло правописанью,
Стихи безъ мѣры, по преданью,
Въ знакъ дружбы вѣрной внесены,
Уменьшены, продолжены.
На первомъ листикѣ встрѣчаешь:
Qu'茅crivez-vous sur ces tablettes?
И подпись: *t. à v. Annette*;
А на послѣднемъ прочитаешь:
«Кто любитъ болѣе тебя,
Пусть пишетъ далѣе меня.»

XXIX.

Тутъ непремѣнно вы найдете
Два сердца, факель и цвѣтки;
Тутъ вѣрно клятвы вы прочтете:
Вѣ любви до гробовой доски;
Какой нибудь *піштъ* армейской
Тутъ подмахнулъ стишокъ злодѣйской.
Вѣ такой альбомъ, мои друзья,
Признаться, радъ писать и я,

Увѣренъ будучи душою,
Что всякой мой усердный вздоръ
Заслужить благосклонный взоръ,
И что потомъ съ улыбкой злю
Не станутъ важно разбирать,
Остро, иль нѣтъ я могъ совратъ.

XXX.

Но вы, разрозненные томы
Изъ библіотеки чертей,
Великолѣпные альбомы,
Мученье модныхъ риേмачей,
Вы, украшенные проворно
Толстова кистью чудотворной,
Иль Баратынского перомъ,
Пускай сожжетъ васъ Божій громъ!
Когда блистательная дама
Мнѣ свой *in-quarto* подаетъ,
И дрожь и злость меня беретъ,
И шевелится эпиграма
Во глубинѣ моей души,
А мадригалы имъ пиши!

XXXI.

Не мадригалы Ленскій пишетъ
Въ альбомѣ Ольги молодой;
Его перо любовью дышетъ,
Не хладно блещетъ остротой;
Что ни замѣтитъ, ни услышитъ
Объ Ольгѣ, онъ про то и пишетъ:
И полны истины живой
Текутъ элегіи рѣкой.
Такъ ты, Языковъ вдохновенный,
Въ порывахъ сердца своего,

Поешь, Богъ вѣдаетъ, кого,
И сводъ элегій драгоцѣнныій
Представитъ нѣкогда тебѣ
Всю повѣсть о твоей судьбѣ.

XXXII.

Но тише! Слышишь? Критикъ строгой
Повелѣваетъ сбросить намъ
Элегіи вѣнокъ убогой,
И нашей братъѣ риെмачамъ
Кричитъ: «да перестаньте плакать,
«И все одно и то же квакать,
«Жалѣть о прежнемъ, о бывшемъ:
«Довольно — пойте о другомъ!»
— Ты правъ, и вѣрно намъ укажешь
Трубу, личину и кинжалъ,
И мыслей мертвый капиталъ
Отвсюду воскресить прикажешь:
Не такъ ли, другъ? Ничуть Куда!
«Пишите оды, господа:

XXXIII.

«Какъ ихъ писали въ мощны годы,
«Какъ было встарь заведено...»
— Однѣ торжественныя оды!
И, полно, другъ; не все ль равно?
Припомни, что сказалъ сатирикъ!
Чужаго толка хитрый лирикъ
Ужели для тебя сноснѣй
Унылыхъ нашихъ риെмачей? —
«Но все въ элегіи ничтожно;
«Пустая цѣль ея жалка;
«Межъ тѣмъ цѣль оды высока
«И благородна...» Тутъ бы можно

Поспорить намъ, но я молчу:
Два вѣка ссорить не хочу.

XXXIV.

Поклонникъ славы и свободы,
Въ волненыи бурныхъ думъ своихъ,
Владиміръ и писалъ бы оды,
Да Ольга не читала ихъ.
Случалось ли поэтамъ слезнымъ
Читать въ глаза своимъ любезнымъ
Свои творенья? Говорятъ,
Что въ мірѣ выше нѣть наградъ.
И впрямъ, блаженъ любовникъ скромной,
Читающій мечты свои
Предмету пѣсенъ и любви,
Красавицѣ пріятно-томной!
Блаженъ... хоть, можетъ быть, она
Совсѣмъ инымъ развлечена.

XXXV.

Но я плоды моихъ мечтаній
И гармоническихъ затѣй
Читаю только старой няни,
Подругѣ юности моей,
Да послѣ скучнаго обѣда
Ко мнѣ забредшаго сосѣда,
Поймавъ неждано за полу,
Душу трагедіей въ углу,
Или (но это кромѣ шутокъ),
Тоской и риэмами томимъ,
Бродя надъ озеромъ моимъ,
Пугаю стадо дикихъ утокъ:
Внявъ пѣнию сладковзвучныхъ строфъ,
Онѣ слетаютъ съ береговъ.

XXXVI. XXXVII.

А что жъ Онѣгинъ? Кстати, братъ!
Терпѣнья вашего прошу:
Его вседневныя занятья
Я вамъ подробно опишу.
Онѣгинъ жилъ Анахоретомъ;
Въ седьмомъ часу вставалъ онъ лѣтомъ
И отправлялся налегкѣ
Къ бѣгущей подъ горой рѣкѣ;
Пѣвцу Гюльнары подражая,
Сей Геллеспонтъ переплывалъ,
Потомъ свой кофе выпивалъ,
Плохой журналъ перебирая,
И одѣвался:

XXXVIII. XXXIX.

Прогулки, чтенье, сонъ глубокой,
Лѣсная тѣнь, журчанье струй,
Порой бѣлянки черноокой
Младой и свѣжай поцѣлуй,
Уздѣ послушный конь ретивый,
Обѣдъ довольно прихотливый,
Бутылка свѣтлаго вина,
Уединенье, тишина:
Вотъ жизнь Онѣгина святая;
И нечувствительно онъ ей
Предался, красныхъ лѣтнихъ дней
Въ беспечной нѣгѣ не считая,
Забывъ и городъ и друзей
И скуку праздничныхъ затѣй.

XL.

Но наше сѣверное лѣто,
Каррикатура южныхъ зимъ,

Мелькнетъ и нѣтъ: извѣстно это,
Хоть мы признаться не хотимъ.
Ужъ небо осеню дышало,
Ужъ рѣже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась,
Ложился на поля туманъ,
Гусей крикливыхъ караванъ
Тянулся къ югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоялъ Ноябрь ужъ у двора.

XLI.

Встаетъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ — и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ;
На утренней зарѣ пастухъ
Не гонить ужъ коровъ изъ хлѣва,
И въ часъ полуденный въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ;
Въ избушкѣ распѣвая, дѣва²³
Прядетъ, и, зимнихъ другъ ночей,
Трещитъ лучинка передъ ней.

XLII.

И вотъ уже трещать морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждетъ ужъ риѳмы *розы*:
На, вотъ возьми ее скорѣй!)

Опрятнѣй моднаго паркета,
Блистаєтъ рѣчка, льдомъ одѣта.
Мальчишекъ радостный народъ²⁴
Коньками звучно рѣжетъ лѣдъ;
На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на ледъ,
Скользитъ и падаетъ; веселый
Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
Звѣздами падая на брегъ.

XLIII.

Въ глухи что дѣлать въ эту пору?
Гулять? Деревня той порой
Невольно докучаетъ взору
Однообразной наготой.
Скакать верхомъ въ степи суровой?
Но конь, притупленной подковой
Невѣрный зацѣпляя ледъ,
Того и жди, что упадеть.
Сиди подъ кровлею пустынной,
Читай: вотъ Прадтъ, вотъ W. Scott!
Не хочешь? Повѣряй расходъ,
Сердись, иль пей, и вечеръ длинной
Кой-какъ пройдетъ, а завтра тожъ,
И славно зиму проведешь.

XLIV.

Прямымъ Онѣгинъ Чильдъ Гарольдомъ
Вдался въ задумчивую лѣнь:
Со сна садится въ ванну со льдомъ,
И послѣ, дома цѣлый день,
Одинъ, въ расчеты погруженный,
Тупымъ кіемъ вооруженный,

Онъ на бильярдѣ въ два шара
Играеть съ самаго утра.
Настанетъ вечеръ деревенскій:
Бильярдѣ оставленъ, кій забыть,
Передъ каминомъ столъ накрыть,
Евгеній ждетъ: вотъ ъдетъ Ленскій
На тройкѣ чалыхъ лошадей:
Давай обѣдать поскорѣй!

XLV.

Вдовы Клико или Моэта
Благословенное вино
Въ бутылкѣ мерзлой для поэта
На столъ тотчасъ принесено.
Оно сверкаеть Ипокреной;²⁵
Оно своей игрой и пѣной
(Подобіемъ того-сего)
Меня плѣняло: за него
Послѣдній бѣдный лептъ, бывало,
Давалъ я, помните ль, друзья?
Его волшебная струя
Раждала глупостей не мало,
А сколько шутокъ, и стиховъ,
И споровъ, и веселыхъ сновъ!

XLVI.

Но измѣняетъ пѣной шумной
Оно желудку моему,
И я *Бордо* благоразумной
Ужъ нынче предпочель ему.
Къ *Ai* я больше не способенъ;
Ai любовницѣ подобенъ
Блестящей, вѣтренной, живой,
И ownравной, и пустой...

Но ты, *Бордо*, подобенъ другу,
Который, въ горѣ и въ бѣдѣ,
Товарищъ завсегда, вездѣ,
Готовъ намъ оказать услугу,
Иль тихой раздѣлить досугъ.
Да здравствуетъ *Бордо*, нашъ другъ!

XLVII.

Огонь потухъ; едва золою
Подернуть уголь золотой;
Едва замѣтною струею
Віется паръ, и теплотой
Каминъ чуть дышетъ. Дымъ изъ трубокъ
Въ трубу уходитъ. Свѣтлый кубокъ
Еще шипитъ среди стола.
Вечерняя находитъ мгла...
(Люблю я дружескія враги
И дружескій бокалъ вина
Порою той, что названа
Пора межъ волка и собаки,
А почему, не вижу я.)
Теперь бесѣдуютъ друзья:

XLVIII.

— «Ну, что сосѣдки? Что Татьяна?
Что Ольга рѣзвая твоя?»
— «Налей еще мнѣ полстакана...
Довольно, милый... Вся семья
Здорова; кланяться велѣли.
Ахъ, милый, какъ похорошѣли
У Ольги плечи, что за грудь!
Что за душа!... Когда нибудь
Заѣдемъ къ нимъ; ты ихъ обяжешь;
А то, мой другъ, суди ты самъ:

Два раза заглянуль, а тамъ
Ужъ къ нимъ и носу не покажешь.
Да вотъ... какой же я болванъ!
Ты къ нимъ на той недѣлѣ званъ.»

XLIX.

— «Я?» — «Да, Татьяны имянины
Въ субботу. Олинька и мать
Велѣли звать, и нѣтъ причины
Тебѣ на зовъ не пріѣзжать.»
«Но куча будетъ тамъ народу
И всякаго такого сброду...»
— «И, никого, увѣренъ я!
Кто будетъ тамъ? своя семья.
Поѣдемъ, сдѣлай одолженіе!
Ну что жъ?» — «Согласенъ.» — «Какъ
ты милъ!»

При сихъ словахъ онъ осушилъ
Стаканъ, сосѣдкѣ приношеніе,
Потомъ разговорился вновь
Про Ольгу: такова любовь!

L. .

Онъ веселъ былъ. Чрезъ двѣ недѣли
Назначенъ былъ счастливый срокъ.
И тайна брачныхъ постели
И сладостной любви вѣнокъ
Его восторговъ ожидали.
Гимена хлопоты, печали,
Зѣвоты хладная чреда
Ему не снились никогда.
Межъ тѣмъ какъ мы, враги Гимена,
Въ домашней жизни зримъ одинъ
Рядъ утомительныхъ картинъ,

Романъ во вкусѣ Лафонтена....²⁶
Мой бѣдный Ленскій, сердцемъ онъ
Для оной жизни былъ рожденъ.

LI.

Онъ былъ любимъ... по крайней мѣрѣ
Такъ думалъ онъ, и былъ счастливъ.
Стократъ блаженъ, кто преданъ вѣрѣ,
Кто хладный умъ угомонивъ,
Покоится въ сердечной нѣгѣ,
Какъ пьяный путникъ на ночлегѣ,
Или, нѣжнѣй, какъ мотылекъ,
Въ весенній впившійся цвѣтокъ;
Но жалокъ тотъ, кто все предвидѣтъ,
Чья не кружится голова,
Кто всѣ движенія, всѣ слова
Въ ихъ переводѣ ненавидитъ,
Чье сердце опытъ остудилъ
И забываться запретилъ!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О, не знай сихъ страшныхъ сновъ,
Ты, моя Свѣтлана !
Жуковскій.

I.

Въ тотъ годъ осенняя погода
Стояла долго на дворѣ,
Зимы ждала, ждала природа.
Снѣгъ выпалъ только въ Январѣ
На третье въ ночь. Проснувшись рано,
Въ окно увидѣла Татьяна
Поутру побѣлѣвшій дворѣ,
Куртины, кровли и заборъ;
На стеклахъ легкіе узоры,
Деревья въ зимнемъ серебрѣ,
Сорокъ веселыхъ на дворѣ
И мягко устланныя горы
Зимы блистательнымъ ковромъ.
Все ярко, все бѣло кругомъ.

II.

Зима!... Крестьянинъ, торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,

Плетется рысью какъ нибудь;
Бразды пушистыя взрывая,
Летить кибитка удалая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вотъ бѣгаешьъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки *жуичку* посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ;
Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ:
Ему и больно и смѣшно,
А мать грозить ему въ окно...

III.

Но, можетъ быть, такого рода
Картины васъ не привлекутъ;
Все это низкая природа;
Изящнаго не много тутъ:
Согрѣтый вдохновенъя богомъ,
Другой поэтъ роскошнымъ слогомъ
Живописаль намъ первый снѣгъ
И всѣ оттѣнки зимнихъ нѣгъ:²⁷
Онъ васъ плѣнитъ, я въ томъ увѣренъ,
Рисуя въ пламенныхъ стихахъ
Прогулки тайныя въ саняхъ;
Но я бороться не намѣренъ
Ни съ нимъ покамѣстъ, ни съ тобой,
Пѣвецъ Финляндки молодой!²⁸

IV.

Татьяна (Русская душою,
Сама не зная почему)
Съ ея холодною красою
Любила Русскую зиму,
На солнцѣ иней въ день морозной,

И сани, и зарею поздной
Сиянье розовыхъ снѣговъ,
И мглу Крещенскихъ вечеровъ.
По старинѣ торжествовали
Въ ихъ домѣ эти вечера:
Служанки со всего двора
Про барышень своихъ гадали
И имъ сулили каждый годъ
Мужьевъ военныхъ и походъ.

V.

Татьяна вѣрила преданьямъ
Простонародной старины,
И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ,
И предсказаніямъ луны.
Ее тревожили примѣты;
Таинственно ей всѣ предметы
Провозглашали что нибудь,
Предчувствія тѣснили грудь.
Жеманный котъ, на печкѣ сидя,
Мурлыча, лапкой рыльцо мыль:
То несомѣнный знакъ ей быль,
Что ёдутъ гости. Вдругъ увида
Младой двурогой ликъ луны
На небѣ съ лѣвой стороны:

VI.

Она дрожала и блѣднѣла.
Когда жъ падучая звѣзда
По небу темному летѣла
И разсыпалася, — тогда
Въ смятены Таня торопилась,
Пока звѣзда еще катилася,
Желанье сердца ей шепнуть.

Когда случалось гдѣ нибудь
Ей встрѣтить чернаго монаха,
Иль быстрый заяцъ межъ полей
Перебѣгалъ дорогу ей, —
Не зная, что начать со страха,
Предчувствій горестныхъ полна,
Ждала несчастья ужъ она.

VII.

Что жъ? Тайну прелесть находила
И въ самомъ ужасѣ она:
Такъ насы природа сотворила,
Къ противорѣчію склонна.
Настали святки. То-то радость!
Гадаетъ вѣтренная младость,
Которой ничего не жаль,
Передъ которой жизни даль
Лежитъ свѣтла, необозрима,
Гадаетъ старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потерявъ невозвратимо;
И все равно: надежда имъ
Лжетъ дѣтскимъ лепетомъ своимъ.

VIII.

Татьяна любопытнымъ взоромъ
На воскъ потопленый глядитъ:
Онъ чудно-вылитымъ узоромъ
Ей что-то чудное гласитъ;
Изъ блюда, полнаго водою,
Выходять кольца чередою;
И вынулось колечко ей
Подъ пѣсенку старинныхъ дней:
«Тамъ мужички-то все богаты;

*«Гребутъ лопатой серебро;
«Кому поемъ, тому добро
«И слава!» Но сулитъ утраты
Сей пѣсни жалостный напѣвъ;
Милѣй кошурка сердцу дѣвъ.»²⁹*

IX.

Морозна ночь; все небо ясно;
Свѣтиль небесныхъ дивный хоръ
Течетъ такъ тихо, такъ согласно...
Татьяна на широкій дворъ
Въ открытомъ платьицѣ выходитъ,
На мѣсяцъ зеркало наводить;
Но въ темномъ зеркалѣ одна
Дрожитъ печальная луна...
Чу... снѣгъ хрустить... прохожій; дѣва
Къ нему на цыпочкахъ летить
И голосокъ ея звучитъ
Нѣжнѣй свирѣльного напѣва:
*Какъ ваше имя?*³⁰ Смотритъ онъ
И отвѣчаетъ: Агаѳонъ.

X.

Татьяна, по совѣту няни,
Сбиаясь ночью ворожить,
Тихонько приказала въ бани
На два прибора столъ накрыть;
Но стало страшно вдругъ Татьянѣ...
И я — при мысли о Свѣтланѣ
Мнѣ стало страшно — такъ и быть...
Съ Татьяной намъ не ворожить.
Татьяна поясокъ шелковой
Сняла, раздѣлась и въ постель
Легла. Надъ нею вьется Лель,

А подъ подушкою пуховой
Дѣвичье зеркало лежитъ.
Утихло все. Татьяна спитъ.

XI.

И снится чудный сонъ Татьянѣ.
Ей снится, будто бы она
Идетъ по снѣговой полянѣ,
Печальной мглой окружена;
Въ сугробахъ снѣжныхъ передъ нею
Шумить, клубить волной своею
Кипучій, темный и сѣдой
Потокъ, не скованный зимой;
Двѣ жердочки, склеены льдиной,
Дрожащи, гибельный мостокъ,
Положены черезъ потокъ:
И предъ шумящею пучиной,
Недоумѣнія полна,
Остановилася она.

XII.

Какъ на досадную разлуку,
Татьяна ропщетъ на ручей,
Не видитъ никого, кто руку
Съ той стороны подалъ бы ей;
Но вдругъ сугробъ зашевелился,
И кто жъ изъ подъ него явился?
Большой взъерошенный медвѣдь;
Татьяна *ахъ!* а онъ ревѣть,
И лапу съ острыми когтями
Ей протянулъ: она, скрѣпясь,
Дрожащей ручкой оперлась
И боязливыми шагами
Перебралася черезъ ручей;
Пошла — и что жъ? медвѣдь за ней.

XIII.

Она, взглянуть назадъ не смѣя,
Поспѣшный ускоряетъ шагъ;
Но отъ косматаго лакея
Не можетъ убѣжать никакъ;
Кряхтя, валитъ медвѣдь несносный,
Предъ ними лѣсь; недвижны сосны
Въ своей нахмуренной красѣ;
Отягчены ихъ вѣтви всѣ
Клоками снѣга; сквозь вѣршины
Осинъ, березъ и липъ нагихъ
Сіаетъ лучъ свѣтиль ночныхъ;
Дороги нѣтъ; кусты, стремнины
Мятелью всѣ занесены,
Глубоко въ снѣгъ погружены.

XIV.

Татьяна въ лѣсѣ; медвѣдь за нею;
Снѣгъ рыхлой по колѣно ей;
То длинный сукъ ее за шею
Зацѣпить вдругъ, то изъ ушей
Златыя серги вырвать силой;
То въ хрупкомъ снѣгѣ съ ножки милой
Увязнетъ мокрой башмачокъ;
То выронить она платокъ;
Поднять ей некогда; боится,
Медвѣдя слышить за собой,
И даже трепетной рукой
Одежды край поднять стыдится;
Она бѣжитъ, онъ все во слѣдъ:
И силъ уже бѣжать ей нѣтъ.

XV.

Упала въ снѣгѣ; медвѣдь проворно
Ее хватаетъ и несетъ;

Она безчувственно-покорна;
Не шевелится, не дохнетъ;
Онъ мчитъ ее лѣсной дорогой:
Вдругъ межъ деревъ шалашъ убогой;
Кругомъ все глуши; отсюду онъ
Пустыннымъ снѣгомъ занесёнъ,
И ярко свѣтится окошко,
И въ шалашѣ и крикъ, и шумъ;
Медвѣдь примолвилъ: *здесь мой кумъ:*
Погрѣйся у него немножко!
И въ сѣни прямо онъ идетъ,
И на порогъ ее кладеть.

XVI.

Опомнилась, глядитъ Татьяна:
Медвѣдя нѣтъ; она въ сѣняхъ;
За дверью крикъ и звонъ стакана,
Какъ на большихъ похоронахъ;
Не видя тутъ ни капли толку,
Глядитъ она тихонько въ щелку,
И что же! видитъ... за столомъ
Сидятъ чудовища кругомъ;
Одинъ въ рогахъ съ собачьей мордой,
Другой съ пѣтушьей головой,
Здѣсь вѣдьма съ козьей бородой,
Тутъ оставъ чопорный и гордой,
Тамъ карла съ хвостикомъ, а вотъ
Полу-журавль и полу-котъ.

XVII.

Еще страшнѣй, еще чуднѣе:
Вотъ ракъ верхомъ на паукѣ,
Вотъ черепъ на гусиной шеѣ
Вертился въ красномъ колпакѣ,

Вотъ мельница въ присядку пляшетъ
И крыльями трещитъ и машетъ;
Лай, хохотъ, пѣнье, свистъ и хлопъ,
Людская моль и конскій топъ!⁸¹
Но чо́ подумала Татьяна,
Когда узнала межъ гостей
Того, кто милъ и страшенъ ей —
Героя нашего романа!
Онѣгинъ за столомъ сидитъ
И въ дверь украдкою глядить.

XVIII.

Онъ знако́тъ подасть: и всѣ хлопочутъ;
Онъ пьетъ: всѣ пьютъ и всѣ кричатъ;
Онъ засме́ется: всѣ хохочутъ;
Нахмурить брови: всѣ молчатъ;
Онъ тамъ хозяинъ, это ясно:
И Танѣ ужъ не такъ ужасно,
И любопытная теперь
Не много растворила дверь...
Вдругъ вѣтеръ дунулъ, загашая
Огонь свѣтильниковъ ночныхъ:
Смутилась шайка домовыхъ;
Онѣгинъ, взорами сверкая,
Изъ-за стола гремя встаетъ;
Всѣ встали: онъ къ дверямъ идетъ.

XIX.

И страшно ей; и торопливо
Татьяна силится бѣжать:
Не льзя никакъ; нетерпѣливо
Метаясь, хочетъ закричать:
Не можетъ; дверь толкнулъ Евгений:
И взорамъ адскихъ привидѣній

Явилась дѣва; ярый смѣхъ
Раздался дико; очи всѣхъ,
Копыта, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавы языки,
Рога и пальцы костяные,
Все указуетъ на нее,
И всѣ кричатъ: мое! мое!

XX.

Мое! сказалъ Евгений грозно,
И шайка вся сокрылась вдругъ;
Осталася во тмѣ морозной
Младая дѣва съ нимъ самъ-другъ;
Онѣгинъ тихо увлекаетъ³²
Татьяну въ уголъ и слагаетъ
Ее на шаткую скамью
И клонить голову свою
Къ ней на плечо; вдругъ Ольга входитъ,
За нею Ленской; свѣтъ блеснуль;
Онѣгинъ руку замахнулъ
И дико онъ очами бродитъ,
И незванныхъ гостей бранить:
Татьяна чуть жива лежитъ.

XXI.

Споръ громче, громче: вдругъ Евгений
Хватаетъ длинный ножъ, и вмигъ
Поверженъ Ленскій; страшно тѣни
Сгостились; нестерпимый крикъ
Раздался... хижина шатнулась...
И Таня въ ужасѣ проснулась...
Глядитъ, ужъ въ комнатѣ свѣтло;
Въ окнѣ сквозь мерзлое стекло

Зари багряный лучь играетъ;
Дверь отворилась. Ольга къ ней,
Авроры съверной алѣй
И легче ласточки, влетаетъ;
Ну, говоритъ: Скажи жъ ты мнѣ,
Кого ты видѣла во снѣ?»

XXII.

Но та, сестры не замѣчая,
Въ постелѣ съ книгою лежитъ,
За листомъ листъ перебирая,
И ничего не говоритъ.
Хоть не являла книга эта
Ни сладкихъ вымысловъ поэта,
Ни мудрыхъ истинъ, ни картинъ;
Но ни Виргилій, ни Расинъ,
Ни Скоттъ, ни Байронъ, ни Сенека,
Ни даже Дамскихъ Модъ Журналъ
Такъ никого не занималъ:
То былъ, друзья, Мартынъ Задека,³³
Глава халдейскихъ мудрецовъ,
Гадатель, толкователь сновъ.

XXIII.

Сie глубокое творенье
Завезъ кочующій купецъ
Однажды къ нимъ въ уединенье,
И для Татьяны наконецъ
Его съ разрозненной *Мальвиной*
Онъ уступилъ за три съ полтиной,
Въ придачу взявъ еще за нихъ
Собранье басенъ площадныхъ,
Грамматику, двѣ Петріады,
Да Мармонтеля третій томъ.

Мартынъ Задека сталъ потомъ
Любимецъ Тани... Онъ отрады
Во всѣхъ печалихъ ей даритъ,
И безотлучно съ нею спить.

XXIV.

Ее тревожить сновидѣніе.
Не зная, какъ его понять,
Мечтанья страшнаго значеніе
Татьяна хочетъ отыскать.
Татьяна въ оглавленьи краткомъ
Находитъ азбучнымъ порядкомъ
Слова: боръ, буря, воронъ, ель,
Ежъ, мракъ, мостокъ, медвѣдь, метель,
И прочая. Ея сомнѣній
Мартынъ Задека не рѣшилъ;
Но сонъ зловѣщій ей сулитъ
Печальныхъ много приключеній.
Дней нѣсколько она потомъ
Все беспокоилась о томъ.

XXV.

Но вотъ багряною рукою⁸⁴
Заря отъ утреннихъ долинъ
Выводить съ солнцемъ за собою
Веселый праздникъ имянинъ.
Съ утра домъ Лариной гостями
Весь полонъ; цѣлыми семьями
Сосѣды съѣхались въ возкахъ,
Въ кибиткахъ, въ бричкахъ и въ саняхъ.
Въ передней толкотня, тревога;
Въ гостиной встрѣча новыхъ лицъ,
Лай мосекъ, чмоканье дѣвицъ,
Шумъ, хохотъ, давка у порога,

Поклоны, шарканье гостей,
Кормилицъ крикъ и плачъ дѣтей.

XXVI.

Съ своей супругою дородной
Пріѣхалъ толстый Пустяковъ;
Гвоздинъ, хозяинъ превосходной,
Владѣлецъ нищихъ мужиковъ;
Скотинины, чета сѣдая,
Съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ, считая
Отъ тридцати до двухъ годовъ;
Уѣздный франтикъ Пѣтушковъ;
Мой братъ двоюродный, Буяновъ,
Въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ^{въ}
(Какъ вамъ, конечно, онъ знакомъ),
И отставной Совѣтникъ Фляновъ,
Тяжелый сплетникъ, старый плутъ,
Обжора, взяточникъ и шутъ.

XXVII.

Съ семьей Панфилы Харликова
Пріѣхалъ и мосье Трике,
Острякъ, недавно изъ Тамбова,
Въ очкахъ и въ рыжемъ парикѣ.
Какъ истинный Французъ, въ карманѣ
Трике привезъ куплетъ Татьянѣ
На голосъ, знаемый дѣтьми:
Reveillez vous, belle endormie.
Межъ ветхихъ пѣсень альманаха
Былъ напечатанъ сей куплетъ;
Трике, догадливый поэтъ,
Его на свѣтъ явилъ изъ праха,
И смѣло — вмѣсто *belle Nina* —
Поставилъ *belle Tatiana*.

XXVIII.

И вотъ изъ ближняго посада
Созрѣвшихъ барышенъ кумиръ,
Уѣздныхъ матушекъ отрада,
Пріѣхалъ ротный командиръ;
Вошелъ... Ахъ, новость, да какая!
Музыка будетъ полковая!
Полковникъ самъ ее послалъ.
Какая радость: будетъ балъ!
Дѣвчонки прыгаютъ заранѣ;³⁶
Но кушать подали. Четой
Идуть за столъ рука съ рукой.
Тѣснятся барышни къ Татьянѣ;
Мужчины противъ: и, крестясь,
Толпа жужжитъ, за столъ садясь.

XXIX.

На мигъ умолкли разговоры;
Уста жуютъ. Со всѣхъ сторонъ
Гремятъ тарелки и приборы,
Да рюмокъ раздается звонъ.
Но вскорѣ гости понемногу
Подъемлютъ общую тревогу.
Никто не слушаетъ, кричатъ,
Смѣются, спорятъ и пищатъ.
Вдругъ двери настежъ. Ленскій входитъ
И съ нимъ Онѣгинъ. — «Ахъ, Творецъ!» —
Кричитъ хозяйка: «наконецъ!» —
Тѣснятся гости, всякъ отводить
Приборы, стулья поскорѣй;
Зовутъ, сажаютъ двухъ друзей.

XXX.

Сажаютъ прямо противъ Тани,
И, утренней луны блѣднѣй

И трепетный гонимой лани,
Она темнѣющихъ очей
Не подымаетъ: пышеть бурно
Въ ней страстный жаръ; ей душно, дурно;
Она привѣтствій двухъ друзей
Не слышитъ; слезы изъ очей
Хотяъ ужъ капать; ужъ готова
Бѣдняжка въ обморокъ упасть:
Но воля и разсудка власть
Превозмогли. Она два слова
Сквозь зубы молвила тишкомъ
И усидѣла за столомъ.

XXXI.

Траги-нервическихъ явленій,
Дѣвичьихъ обмороковъ, слезъ
Давно терпѣть не могъ Евгений:
Довольно ихъ онъ перенесъ.
Чудакъ, попавъ на пиръ огромной,
Ужъ былъ сердитъ. Но, дѣвы томной
Замѣтя трепетный порывъ,
Съ досады взоры опустивъ,
Надулся онъ, и негодуя
Поклялся Ленскаго взбѣсить
И ужъ порядкомъ отомстить.
Теперь, заранѣ торжествуя,
Онъ сталъ чертить въ душѣ своей
Каррикатуры всѣхъ гостей.

XXXII.

Конечно не одинъ Евгений
Смятенье Тани видѣть могъ;
Но цѣлью взоровъ и сужденій
Въ то время жирный былъ пирогъ

(Къ несчастію, пересоленої);
Да вотъ въ бутылкѣ засмоленої,
Между жаркимъ и блан-манже,
Цимлянское несутъ уже;
За нимъ строй рюмокъ узкихъ, длинныхъ,
Подобныхъ таліи твоей,
Зизи, кристалъ души моей,
Предметъ стиховъ моихъ невинныхъ,
Любви приманчивый фіяль,
Ты, отъ кого я пьянъ бывалъ!

XXXIII.

Освободясь отъ пробки влажной,
Бутылка хлопнула; вино
Шипитъ, и вотъ съ осанкой важной,
Куплетомъ мучимый давно,
Трике встаетъ; предъ нимъ собранье
Хранить глубокое молчанье.
Татьяна чуть жива; Трике,
Къ ней обратясь съ листкомъ въ рукѣ,
Запѣль, фальшивя. Плески, клики
Его привѣтствуютъ. Она
Пѣвцу присѣсть принуждена;
Поэть же скромный, хоть великій,
Ея здоровье первый пьетъ
И ей куплетъ передаетъ.

XXXIV.

Пошли привѣты, поздравленья;
Татьяна всѣхъ благодаритъ.
Когда же дѣло до Евгенья
Дошло, — то дѣвы томный видъ,
Ея смущеніе, усталость
Въ его душѣ родили жалость:

Онъ, молча, поклонился ей,
Но какъ-то взоръ его очей
Былъ чудно нѣженъ. Отъ того ли,
Что онъ и вправду тронутъ былъ,
Иль онъ, кокетствуя, шалилъ,
Невольно ль! иль изъ доброй воли, —
Но взоръ сей нѣжность изъявилъ:
Онъ сердце Тани оживилъ.

XXXV.

Гремятъ отвинутые стулья;
Толпа въ гостиную валить:
Такъ пчелъ изъ лакомаго улья
На ниву шумный рой летить.
Довольный праздничнымъ обѣдомъ,
Сосѣдъ сопитъ передъ сосѣдомъ;
Подсѣли дамы къ комельку;
Дѣвицы шепчутъ въ уголку;
Столы зеленые раскрыты:
Зовутъ задорныхъ игроковъ
Бостонъ и ломберъ стариковъ,
И вистъ, донынѣ знаменитый,
Однообразная семья,
Всѣ жадной скуки сыновья.

XXXVI.

Ужъ восемь робертовъ сыграли
Герои виста; восемь разъ
Они мѣста перемѣняли;
И чай несутъ. Люблю я часъ
Опредѣлять обѣдомъ, чаемъ
И ужиномъ. Мы время знаемъ
Въ деревнѣ безъ большихъ суетъ:
Желудокъ — вѣрный нашъ Брегетъ;

И, кстати, я замѣчу въ скобкахъ,
Что рѣчь веду въ моихъ строфахъ
Я столь же часто о пирахъ,
О разныхъ кушаньяхъ и пробкахъ,
Какъ ты, божественный Омиръ,
Ты, тридцати вѣковъ кумиръ!

XXXVII. XXXVIII. XXXIX.

Но чай несуть: дѣвицы чинно
Едва за блюдечки взялись,
Вдругъ изъ-за двери въ залѣ длинной
Фаготъ и флейта раздались.
Обрадованъ музыки громомъ,
Оставя чашку чаю съ ромомъ,
Парисъ окружныхъ городковъ,
Подходитъ къ Ольгѣ Пѣтушковѣ,
Къ Татьянѣ Ленскій, Харликому,
Невѣсту переспѣлыхъ лѣтъ,
Беретъ Тамбовскій мой поэтъ,
Умчаль Буяновъ Пустякову,
И въ залу высыпали всѣ,
И балъ блеститъ во всей красѣ.

XL.

Въ началѣ моего романа
(Смотрите первую тетрадь)
Хотѣлось въ родѣ мнѣ Альбана
Балъ Петербургскій описать;
Но, развлечень пустымъ мечтаньемъ,
Я занялся воспоминаньемъ
О ножкахъ мнѣ знакомыхъ дамъ.
По вашимъ узенькимъ слѣдамъ,
О ножки, полно заблуждаться!
Съ измѣной юности моей

Пора мнѣ сдѣлаться умнѣй,
Въ дѣлахъ и въ слогѣ поправляться,
И эту пятую тетрадь
Отъ отступленій очищать.

XLI.

Однообразный и безумный,
Какъ вихорь жизни молодой,
Кружится вальса вихорь шумный;
Чета мелькаетъ за четой.
Къ минутѣ мщенья приближаясь,
Онѣгинъ, втайнѣ усмѣхаясь,
Подходитъ къ Ольгѣ. Быстро съ ней
Вертится около гостей,
Потомъ на стулъ ее сажаетъ,
Заводить рѣчъ о томъ, о семъ:
Спустя минуты двѣ, потомъ
Вновь съ нею вальсъ онъ продолжаетъ;
Всѣ въ изумленыи. Ленскій самъ
Не вѣритъ собственнымъ глазамъ.

XLII.

Мазурка раздалась. Бывало,
Когда гремѣль мазурки громъ,
Въ огромномъ залѣ все дрожало,
Паркетъ трещалъ подъ каблукомъ,
Тряслися, дребезжали рамы;
Теперь не то: и мы, какъ дамы,
Скользимъ по лаковымъ доскамъ.
Но въ городахъ, по деревнямъ,
Еще мазурка сохранила
Первоначальная красы:
Припрыжки, каблуки, усы
Все тѣ же; ихъ не измѣнила

Лихая мода, нашъ тиранъ,
Недугъ новѣйшихъ Россіянъ.

XLIII. XLIV.

Буяновъ, братецъ мой задорный,
Къ герою нашему подвель
Татьяну съ Ольгою; проворно
Онѣгинъ съ Ольгою пошелъ;
Ведеть ее, скользя небрежно,
И, наклоняясь, ей шепчетъ нѣжно
Какой-то пошлый мадригалъ,
И руку жметъ — и запылалъ
Въ ея лицѣ самолюбивомъ
Румянецъ ярче. Ленскій мой
Все видѣлъ: вспыхнулъ, самъ не свой;
Въ негодованіи ревнивомъ
Поэтъ конца мазурки ждетъ
И въ котильонѣ ее зоветъ.

XLV.

Но ей нельзя. Нельзя? Но что же?
Да Ольга слово ужъ дала
Онѣгину. О, Боже, Боже!
Что слышить онъ? Она могла...
Возможно ль? Чуть лишь изъ пеленокъ,
Кокетка, вѣтренный ребенокъ!
Ужъ хитрость вѣдаетъ она,
Ужъ измѣнять научена!
Не въ силахъ Ленскій снести удара;
Проказы женскія кляния,
Выходитъ, требуетъ коня
И скачетъ. Пистолетовъ пара,
Двѣ пули — больше ничего —
Вдругъ разрѣшать судьбу его.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

*La sotto giorni nubilos e brevi
Nasce una gente a cui l'morir non dole
Petr.*

I.

Замѣтивъ, что Владиміръ скрылся,
Онѣгинъ, скучой вновь гонимъ,
Близъ Ольги въ думу погрузился,
Довольный мщеніемъ своимъ.
За нимъ и Олинька зѣвала,
Глазами Ленскаго искала,
И безконечный котильонъ
Ее томилъ какъ тяжкій сонъ.
Но конченъ онъ. Идутъ за ужинъ.
Постели стелютъ; для гостей
Ночлегъ отводятъ отъ сѣней
До самой дѣвичьи. Всѣмъ нуженъ
Покойный сонъ. Онѣгинъ мой
Одинъ уѣхалъ спать домой.

II.

Все успокоилось: въ гостиной
Храпить тяжелый Пустяковъ
Съ своей тяжелой половиной.

Гвоздинъ, Буяновъ, Пѣтушковъ
И Фляновъ, не совсѣмъ здоровой,
На стульяхъ улеглись въ столовой,
А на полу мосье Трике,
Въ фуфайкѣ, въ старомъ колпакѣ.
Дѣвицы въ комнатахъ Татьяны
И Ольги всѣ обѣяты сномъ.
Одна печально подъ окномъ
Озарена лучемъ Діаны,
Татьяна бѣдная не спить
И въ поле темное глядитъ.

III.

Его нежданнымъ появленьемъ,
Мгновенной иѣжностью очей
И страннымъ съ Ольгой поведеньемъ
До глубины души своей
Она проникнута; не можетъ
Никакъ понять его; тревожить
Ее ревнивая тоска.
Какъ будто хладная рука
Ей сердце жметъ, какъ будто бездна
Подъ ней чернѣеть и шумитъ...
«Погибну», Таня говоритъ:
«Но гибель отъ него любезна.
«Я не ропщу: зачѣмъ роптать?
«Не можетъ онъ мнѣ счастья дать.» —

IV.

Впередъ, впередъ, моя исторья!
Лице нась новое зоветъ.
Въ пяти верстахъ отъ Красногорья,
Деревни Ленскаго, живеть
И здравствуетъ еще донынѣ

Въ философической пустынѣ
Зарѣцкій, нѣкогда буянъ,
Картежной шайки атаманъ,
Глава повѣсь, трибунъ трактирный,
Теперь же добрый и простой
Отецъ семейства холостой,
Надежный другъ, помѣщикъ мирный
И даже честный человѣкъ:
Такъ исправляется нашъ вѣкъ!

V.

Бывало, льстивый голосъ свѣта
Въ немъ злую храбрость выхвалялъ:
Онъ, правда, въ тузъ изъ пистолета
Въ пяти саженяхъ попадалъ,
И то сказать, что и въ сраженьи
Разъ въ настоящемъ упоены
Онъ отличился, смѣло въ грязь
Съ коня Калмыцкаго свались,
Какъ зюзя пьяный, и Французамъ
Достался въ плѣнъ: драгой залогъ!
Новѣйшій Регуль, чести богъ,
Готовый вновь предаться узамъ,
Чтобъ каждымъ утромъ у Веригъ^и
Въ долгъ осушать бутылки три.

VI.

Бывало, онъ труниль забавно,
Умѣлъ морочить дурака
И умнаго дурачить славно,
Иль явно, иль исподтишка,
Хоть и ему иныя штуки
Не проходили безъ науки,
Хоть иногда и самъ впросакъ

Онъ попадался, какъ простакъ.
Умѣль онъ весело поспорить,
Остро и тупо отвѣтить,
Порой расчетливо смолчать,
Порой расчетливо повздорить,
Друзей поссорить молодыхъ
И на барьеръ поставить ихъ,

VII.

Иль помириться ихъ заставить,
Дабы позавтракать втроемъ,
И послѣ тайно обезславить
Веселой шуткою, враньемъ,
Sed alia tempora! Удалость
(Какъ сонъ любви, другая шалость)
Проходитъ съ юностью живой.
Какъ я сказалъ, Зарѣцкій мой,
Подъ сѣнь черемухъ и акацій
Отъ бурь укрывшись наконецъ,
Живеть, какъ истинный мудрецъ,
Капусту садить, какъ Горацій,
Разводить утокъ и гусей
И учить азбукѣ дѣтей.

VIII.

Онъ былъ не глупъ; и мой Евгеній,
Не уважая сердца въ немъ,
Любилъ и духъ его сужденій,
И здравый толкъ о томъ, о семъ.
Онъ съ удовольствіемъ, бывало,
Видался съ нимъ, и такъ нимало
Поутру не былъ удивленъ,
Когда его увидѣлъ онъ.
Тотъ послѣ перваго привѣта,

Прервавъ начатый разговоръ,
Онѣгину, ослабя взоръ,
Вручилъ записку отъ поэта.
Къ окну Онѣгинъ подошелъ
И про себя ее прочелъ.

IX.

То былъ пріятный, благородный,
Короткій вызовъ иль *картель*:
Учтиво, съ ясностью холодной
Звалъ друга Ленскій на дуэль.
Онѣгинъ съ первого движенья,
Къ послу такого порученья
Оборотясь, безъ лишнихъ словъ
Сказалъ, что онъ *всегда готовъ*.
Зарѣцкій всталъ безъ объясненій;
Остаться долѣ не хотѣлъ,
Имѣя дома много дѣлъ,
И тотчасъ вышелъ: но Евгений
Наединѣ съ своей душой
Былъ недоволенъ самъ собой.

X.

И подѣломъ: въ разборѣ строгомъ,
На тайный судъ себя призвавъ,
Онъ обвинялъ себя во многомъ:
Во-первыхъ, онъ ужъ былъ неправъ,
Что надъ любовью робкой, нѣжной
Такъ подшутилъ вечоръ небрежно.
А во-вторыхъ: пускай поэтъ
Дурачится; въ осмнадцать лѣтъ
Оно простительно: Евгений,
Всѣмъ сердцемъ юношу любя,
Былъ долженъ оказать себя

Не мячикомъ предразсужденій,
Не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ,
Но мужемъ съ честью и съ умомъ.

XI.

Онъ могъ бы чувства обнаружить,
А не щетиниться, какъ звѣрь?
Онъ долженъ былъ обезоружить
Младое сердце. «Но теперь
Ужъ поздно; время улетѣло...
Къ тому жъ — онъ мыслитъ — въ это
дѣло

Вмѣшался старый дуэлистъ;
Онъ золь, онъ сплетникъ, онъ рѣчистъ...
Конечно: быть должно презрѣніе
Цѣнной его забавныхъ словъ;
Но шопотъ, хохотня глупцовъ...»
И вотъ общественное мнѣніе!⁵⁸
Пружина чести, нашъ кумиръ!
И вотъ, на чемъ вертится міръ!

XII.

Кипя враждой нетерпѣливой,
Отвѣта дома ждетъ поэтъ;
И вотъ сосѣдъ велерѣчивой
Привезъ торжественно отвѣтъ.
Теперь ревнивцу то-то праздникъ!
Онъ все боялся: чтобъ проказникъ
Не отшутился какъ нибудь,
Уловку выдумавъ и грудь
Отворотивъ отъ пистолета.
Теперь сомнѣнья рѣшены:
Они на мельницу должны
Пріѣхать завтра до разсвѣта,

Взвести другъ на друга курокъ
И мѣтить въ ляжку иль въ високъ.

XIII.

Рѣшась кокетку ненавидѣть,
Кипящій Ленскій не хотѣлъ
Предъ поединкомъ Ольгу видѣть,
На солнце, на часы смотрѣлъ,
Махнулъ рукою напослѣдокъ —
И очутился у сосѣдокъ.
Онъ думалъ Олиньку смутить,
Своимъ пріѣздомъ поразить;
Не тутъ-то было: какъ и прежде,
На встрѣчу бѣднаго пѣвца
Прыгнула Олинька съ крыльца,
Подобна вѣтреной надеждѣ,
Рѣзва, беспечна, весела,
Ну точно та же, какъ была.

XIV.

«Зачѣмъ вечоръ такъ рано скрылись?»
Былъ первый Олинькинъ вопросъ.
Всѣ чувства въ Ленскомъ помутились,
И, молча, онъ повѣсила носъ.
Исчезла ревность и досада
Предъ этой ясностію взгляда,
Предъ этой нѣжной простотой,
Предъ этой рѣзвою душой!...
Онъ смотритъ въ сладкомъ умиленьѣ;
Онъ видитъ: онъ еще любимъ!
Ужъ онъ, раскаяньемъ томимъ,
Готовъ просить у ней прощенье,
Трепещетъ, не находить словъ:
Онъ счастливъ, онъ почти здоровъ...

XV. XVI. XVII.

И вновь задумчивый, унылый
Предъ милой Ольгою своей,
Владимиръ не имѣть силы
Вчерашній день напомнить ей;
Онъ мыслить: «буду ей спаситель.
Не потерплю, чтобъ развратитель
Огнемъ и вздоховъ и похвалъ
Младое сердце искушалъ;
Чтобъ червь презрѣнныи, ядовитыи
Точилъ лилеи стебелекъ;
Чтобы двухутренній цвѣтокъ
Увялъ еще полураскрытыи.»
Все это значило, друзья:
Съ пріятелемъ стрѣляюсь я.

XVIII.

Когда бъ онъ зналъ, какая рана
Моей Татьяны сердце жгла!
Когда бы вѣдала Татьяна,
Когда бы знать она могла,
Что завтра Ленскій и Евгеній
Заспорятъ о могильной сѣни:
Ахъ, можетъ быть, ея любовь
Друзей соединила бъ вновь!
Но этой страсти и случайно
Еще никто не открывалъ.
Онѣгинъ обо всемъ молчаль;
Татьяна изнывала тайно;
Одна бы няня знать могла,
Да недогадлива была.

XIX.

Весь вечеръ Ленскій былъ разсѣянъ,
То молчаливъ, то весель вновь;

Но тотъ, кто музою взлелѣянъ,
Всегда таковъ: нахмуря бровь,
Садился онъ за клавикорды,
И бралъ на нихъ одни аккорды;
То, къ Ольгѣ взоры устремивъ,
Шепталъ: не правда ль? я счастливъ.
Но поздно; время Ѹхать. Сжалось
Въ немъ сердце, полное тоской;
Прощаясь съ дѣвой молодой,
Оно какъ будто разрывалось.
Она глядитъ ему въ лицо.
«Что съ вами?» — «Такъ.» И на крыльцо.

XX.

Домой пріѣхавъ, пистолеты
Онъ осмотрѣлъ, потомъ вложилъ
Опять ихъ въ ящикъ, и, раздѣтый,
При свѣчкѣ, Шиллера открывъ;
Но мысль одна его объемлетъ;
Въ немъ сердце грустное не дремлетъ:
Съ неизъяснимою красотой
Онъ видитъ Ольгу предъ собой.
Владимиръ книгу закрываетъ,
Береть перо; его стихи,
Полны любовной чепухи,
Звучатъ и лются. Ихъ читаетъ
Онъ вслухъ, въ лирическомъ жару,
Какъ Д. пьяный на пиру.

XXI.

Стихи на случай сохранились;
Я ихъ имѣю; вотъ они:
«Куда, куда вы удалились,
«Весны моей златые дни?

«Что день грядущий мнѣ готовить?
«Его мой взоръ напрасно ловить,
«Въ глубокой мглѣ таится онъ.
«Нѣть нужды; правъ судьбы законъ.
«Паду ли я, стрѣлой пронзенный,
«Иль мимо пролетитъ она,
«Все благо: бдѣнія и сна
«Приходитъ часъ опредѣленный;
«Благословенъ и день заботъ,
«Благословенъ и тмы приходъ!

XXII.

«Блеснетъ заутра лучъ денницы
«И заиграетъ яркій день;
«А я — быть можетъ, я гробницы
«Сойду въ таинственную сѣнь,
«И память юнаго поэта
«Поглотить медленная Лета,
«Забудетъ міръ меня; но ты
«Придешь ли, дѣва красоты!
«Слезу пролить надъ ранней урной
«И думать: онъ меня любилъ,
«Онъ мнѣ единой посвятилъ
«Разсвѣтъ печальный жизни бурной!...
«Сердечный другъ, желанный другъ,
«Приди, приди: я твой супругъ!...»

XXIII.

Такъ онъ писалъ *темно и ялло*
(Что романтизмомъ мы зовёмъ,
Хоть романтизма тутъ ни мало
Не вижу я; да что намъ въ томъ?)
И наконецъ передъ зарёю,
Склоняясь усталой головою,

На модномъ словѣ *идеалъ*
Тихонько Ленскій задремаль;
Но только соннымъ обаяньемъ
Онъ позабылся, ужъ сосѣдъ
Въ безмолвный входитъ кабинетъ
И будитъ Ленскаго воззваньемъ:
«Пора вставать: седьмой ужъ часъ.
«Онѣгинъ вѣрно ждетъ ужъ насъ.»

XXIV.

Но ошибался онъ: Евгений
Спалъ въ это время мертвымъ сномъ.
Уже рѣдѣютъ ночи тѣни
И встрѣченъ Весперъ пѣтухомъ;
Онѣгинъ спитъ себѣ глубоко.
Ужъ солнце катится высоко
И перелетная мятель
Блеститъ и вѣтъ; но постель
Еще Евгений не покинулъ,
Еще надъ нимъ летаетъ сонъ.
Вотъ наконецъ проснулся онъ
И полы завѣса раздвинулъ;
Глядить — и видитъ, что пора
Давно ужъ ѣхать со двора.

XXV.

Онъ поскорѣй звонить. Вѣтъ гаетъ
Къ нему слуга Французъ Гильо,
Халатъ и туфли предлагаетъ
И подаетъ ему ћльё.
Спѣшитъ Онѣгинъ одѣваться,
Слугѣ велитъ приготовляться
Съ нимъ вмѣстѣ ѻхать и съ собой
Взять также ящикъ боевой.

Готовы санки бѣговыя.
Онъ сѣлъ, на мельницу летить.
Примчались. Онъ слугѣ велитъ
*Лепажа*³⁹ стволы роковые
Нести за нимъ, а лошадямъ
Отъѣхать въ поле къ двумъ дубкамъ.

XXVI.

Опершись на плотину, Ленскій
Давно нетерпѣливо ждалъ;
Межъ тѣмъ, механикъ деревенскій,
Зарѣцкій жорновъ осуждалъ.
Идетъ Онѣгинъ съ извиненiemъ.
«Но гдѣ же, молвиль съ изумленiemъ
Зарѣцкій, гдѣ вашъ секундантъ?»
Въ дуэляхъ классикъ и педантъ,
Любиль методу онъ изъ чувства,
И человѣка растянуть
Онъ позволяль — не какъ нибудь,
Но въ строгихъ правилахъ искусства
По всѣмъ преданьямъ старины
(Что похвалить мы въ немъ должны).

XXVII.

— «Мой секундантъ?» сказалъ Евгеній:
«Вотъ онъ: мой другъ, *monsieur Guillot*.
Я не предвижу возраженій
На представлениe мое:
Хоть человѣкъ онъ неизвѣстный,
Но ужъ конечно малый честный.» —
Зарѣцкій губу закусилъ.
Онѣгинъ Ленскаго спросилъ:
« — Что жъ, начинать?» — Начнемъ,
пожалуй»,
Сказалъ Владиміръ. И пошли

За мельницу. Пока вдали
Зарѣцкій нашъ и честный малый
Вступили въ важный договоръ,
Враги стоятъ, потупя взоръ.

XXVIII.

Враги! Давно ли другъ отъ друга
Ихъ жажда крови отвела?
Давно ль они часы досуга,
Трапезу, мысли и дѣла
Дѣлили дружно? Нынѣ злобно,
Врагамъ наслѣдственнымъ подобно,
Какъ въ страшномъ, непонятномъ снѣ,
Они другъ другу въ тишинѣ
Готовятъ гибель хладнокровно...
Не засмѣяться ль имъ, пока
Не обагрилась ихъ рука,
Не разойтиться ль полюбовно?...
Но дико свѣтская вражда
Боится ложнаго стыда.

XXIX.

Вотъ пистолеты ужъ блеснули.
Гремитъ о шомполъ молотокъ.
Въ граненый стволъ уходятъ пули
И щелкнулъ въ первый разъ курокъ.
Вотъ порохъ струйкой сѣроватой
На полку сыплется. Зубчатый,
Надежно ввинченный кремень
Взведенъ еще. За ближній пень
Становится Гильо смущенный.
Плащи бросаютъ два врага.
Зарѣцкій тридцать два шага
Отмѣряль съ точностью отмѣнной,

Друзей развелъ по крайній слѣдъ,
И каждый взялъ свой пистолетъ.

XXX.

«Теперь сходитесь.»

Хладнокровно,

Еще не цѣля, два врага
Походкой твердой, тихо, ровно
Четыре перешли шага,
Четыре смертныя ступени.
Свой пистолетъ тогда Евгений,
Не преставая наступать,
Сталъ первый тихо подымать.
Вотъ пять шаговъ еще ступили,
И Ленскій, жмуя лѣвый глазъ,
Сталъ также цѣлить — но какъ разъ
Онѣгинъ выстрѣлилъ... Пробили
Часы урочные: поэтъ
Роняетъ, молча, пистолетъ,

XXXI.

На грудь кладеть тихонько руку
И падаетъ. Туманный взоръ
Изображаетъ смерть, не муку.
Такъ медленно по скату горъ,
На солнцѣ искрами блистая,
Спадаетъ глыба снѣговая.
Мгновеннымъ холодомъ облить,
Онѣгинъ къ юношѣ спѣшитъ,
Глядитъ, зоветъ его... напрасно:
Его ужъ нѣтъ. Младой пѣвецъ
Нашелъ безвременный конецъ!
Дохнула буря, цвѣтъ прекрасной
Увялъ на утренней зарѣ,
Потухъ огонь на алтарѣ!...

XXXII.

Недвижимъ онъ лежалъ, и страненъ
Былъ томный миръ его чela.
Подъ грудь онъ былъ на вылетъ раненъ:
Дымясь, изъ раны кровь текла.
Тому назадъ одно мгновенье,
Въ семъ сердцѣ билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипѣла кровь:
Теперь какъ въ домъ опустѣломъ,
Все въ немъ и тихо, и темно;
Замолкло навсегда оно.
Закрыты ставни, окны мѣломъ
Забѣлены. Хозяйки нѣтъ.
А гдѣ, Богъ вѣсть. Пропалъ и слѣдъ.

XXXIII.

Пріятно дерзкой эпиграммой
Взбѣсить оплошнаго врага;
Пріятно зрѣть, какъ онъ, упрямо
Склонивъ бодливые рога,
Невольно въ зеркало глядится
И узнавать себя стыдится;
Пріятнѣй, если онъ, друзья,
Завоетъ сдуру: это я!
Еще пріятнѣе въ молчаныи
Ему готовить честный гробъ
И тихо цѣлить въ блѣдный лобъ
На благородномъ разстояньяи;
Но отослать его къ отцамъ
Едва ль пріятно будетъ вамъ?

XXXIV.

Что жъ, если вашимъ пистолетомъ
Сраженъ пріятель молодой,

Нескромнымъ взглядомъ, иль отвѣтомъ
Или бездѣлицей иной
Васъ оскорбившій за бутылкой,
Иль даже самъ въ досадѣ пылкой
Васъ гордо вызвавшій на бой,
Скажите: вашею душой
Какое чувство овладѣеть,
Когда недвижимъ, на землѣ,
Предъ вами съ смертью на челѣ,
Онъ постепенно костенѣеть;
Когда онъ глухъ и молчаливъ
На вашъ отчаянный призывъ?

XXXV.

Въ тоскѣ сердечныхъ угрозеній
Рукою стиснувъ пистолетъ,
Глядитъ на Ленскаго Евгений.
«Ну, что жъ? убитъ», рѣшилъ сосѣдъ.
Убитъ!.. Симъ страшнымъ восклицаньемъ
Сраженъ, Онѣгинъ съ содроганьемъ
Отходитъ и людей зоветъ.
Зарѣцкій бережно кладетъ
На сани трупъ оледенѣлый;
Домой везетъ онъ страшный кладъ.
Почуя мертваго, храпятъ
И боятся кони, пѣной бѣлой
Стальнага мочатъ удила,
И полетѣли, какъ стрѣла.

XXXVI.

Друзья мои, вамъ жаль поэта;
Во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ,
Ихъ не свершивъ еще для свѣта,
Чуть изъ младенческихъ одеждъ,

Увяль! гдѣ жаркое волненье,
Гдѣ благородное стремленье
И чувствъ и мыслей молодыхъ,
Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ?
Гдѣ бурныя любви желанья,
И жажда знаній и труда,
И страхъ порока и стыда,
И вы, завѣтныя мечтанья,
Вы, призракъ жизни неземной,
Вы, сны поэзіи святой!

XXXVII.

Быть можетъ, онъ для блага міра,
Иль хоть для славы былъ рожденъ;
Его умолкнувшая лира
Гремучій, непрерывный звонъ
Въ вѣкахъ поднять могла. Поэта,
Быть можетъ, на ступеняхъ свѣта
Ждала высокая ступень.
Его страдальческая тѣнь,
Быть можетъ, унесла съ собою
Святую тайну, и для насъ
Погибъ животворящій гласъ,
И за могильною чертою
Къ ней не домчится гимнъ племенъ,
Благословеніе временъ.

XXXVIII. XXXIX.

А можетъ быть и то: поэта
Обыкновенный ждалъ удѣлъ.
Прошли бы юношества лѣта:
Въ немъ пылъ души бы охладѣлъ.
Во многомъ онъ бы измѣнился,
Разстался бъ съ музами, женился,

Въ деревнѣ, счастливъ и рогатъ,
Носиль бы стеганый халатъ;
Узналь бы жизнь на самомъ дѣлѣ,
Подагру бѣ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
Пилъ, ълъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ,
И наконецъ въ своей постелѣ
Скончался бѣ посреди дѣтей,
Плаксивыхъ бабъ и лекарей.

XL.

Но что бы ни было, — читатель,
Увы, любовникъ молодой,
Поэтъ, задумчивый мечтатель,
Убить пріятельской рукой!
Есть мѣсто: влѣво отъ селенья,
Гдѣ жилъ питомецъ вдохновенія,
Двѣ сосны корнями срослись;
Подъ ними струйки извились.
Ручья сосѣдственной долины.
Тамъ пахарь любить отдыхать,
И жницы въ волны погружать
Приходятъ звонкіе кувшины;
Тамъ у ручья въ тѣни густой
Поставленъ памятникъ простой.

XLI.

Подъ нимъ (какъ начинаетъ капать
Весенній дождь на злакъ полей)
Пастухъ, плетя свой пестрый лапоть,
Поетъ про Волжскихъ рыбарей;
И горожанка молодая,
Въ деревнѣ лѣто провождая,
Когда стремглавъ верхомъ она
Несется по полямъ одна,

Коня предъ нимъ остановлять,
Ремянный поводъ натянувъ,
И, флеръ отъ шляпы отвернувъ,
Глазами бѣглыми читаетъ
Простую надпись — и слеза
Туманить нѣжные глаза.

XLII.

И шагомъ єдетъ въ чистомъ полѣ,
Въ мечтанье погрузясь, она;
Душа въ ней долго поневолѣ
Судьбою Ленского полна;
И мыслить: «что-то съ Ольгой стало?»
Въ ней сердце долго ли страдало,
Иль скоро слезъ прошла пора?
И гдѣ теперь ея сестра?
И гдѣ жъ бѣглецъ людей и свѣта,
Красавица модныхъ модный врагъ,
Гдѣ этотъ пасмурный чудакъ,
Убийца юнаго поэта?»
Современемъ отчетъ я вамъ
Подробно обо всемъ отдамъ;

XLIII.

Но не теперь. Хоть я сердечно
Люблю героя моего,
Хоть возвращусь къ нему конечно,
Но мнѣ теперь не до него.
Лѣта къ суровой прозѣ клонять,
Лѣта шалунью риѣму гонять,
И я — со вздохомъ признаюсь —
За ней лѣнивѣй волочусь.
Перу старинной нѣтъ охоты
Маратъ летучіе листы;

Другія, хладныя мечты,
Другія, строгія заботы
И въ шумѣ свѣта и въ тиши
Тревожатъ сонъ моей души.

XLIV.

Позналъ я гласъ иныхъ желаній,
Позналъ я новую печаль;
Для первыхъ нѣтъ мнѣ упований,
А старой мнѣ печали жаль.
Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость?
Гдѣ, вѣчная къ ней риома, младость?
Ужель и вправду наконецъ
Увялъ, увялъ ея вѣнецъ?
Ужель и впрямъ и въ самомъ дѣлѣ,
Безъ элегическихъ затѣй,
Весна моихъ промчалась дней
(Что я, шутя, твердилъ доселѣ)?
И ей ужель возврата нѣтъ?
Ужель мнѣ скоро тридцать лѣтъ?

XLV.

Такъ, полдень мой насталъ, и нужно
Мнѣ въ томъ сознаться, вижу я.
Но, такъ и быть, простимся дружно,
О юность легкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милыя мученья,
За шумъ, за бури, за пиры,
За всѣ, за всѣ твои дары;
Благодарю тебя. Тобою,
Среди тревогъ и въ тишинѣ,
Я насладился... и вполнѣ;
Довольно! Съ ясною душою

Пускаюсь нынѣ въ новый путь
Отъ жизни прошлой отдохнуть.

XLVI.

Дай оглянусь. Простите жъ, сѣни,
Гдѣ дни мои текли въ глухи,
Исполненны страстей и лѣни
И сновъ задумчивой души.
А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
Въ мой уголъ чаще прилетай,
Не дай остыть душѣ поэта,
Ожесточиться, очерствѣть,
И наконецъ окаменѣть
Въ мертвящемъ упоены свѣта,
Въ семъ омутѣ, гдѣ съ вами я
Купаюсь, милые друзья!⁴⁰

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Москва, Россіи дочь любима,
Гдѣ равную тебѣ сыскать ?

Димитріевъ.

Какъ не любить родной Москвы ?

Баратынскій.

Гоненье на Москву ? что значить
видѣть свѣтъ !

Гдѣ жъ лучше ?

Гдѣ насы иѣтъ.

Грибоѣдовъ.

I.

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
Синѣя, блещутъ небеса.
Еще прозрачные, лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ.
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой.
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.

II.

Какъ грустно мнѣ твое явленье,
Весна, весна! пора любви!
Какое темное волненье
Въ моей душѣ, въ моей крови!
Съ какимъ тяжелымъ умиленьемъ
Я наслаждаюсь дуновенiemъ
Въ лице мнѣ вѣющей весны,
На лонѣ сельской тишины!
Или мнѣ чуждо наслажденье,
И все, что радуетъ, живитъ,
Все, что ликуетъ и блеститъ,
Наводитъ скуку и томленье
На душу мертвую давно,
И все ей кажется темно?

III.

Или, не радуясь возврату
Погибшихъ осенью листовъ,
Мы помнимъ горькую утрату,
Внимая новый шумъ лѣсовъ;
Или, съ природой оживленной
Сближаемъ думою смущенной
Мыувяданье нашихъ лѣтъ,
Которымъ возрожденья нѣтъ?
Быть можетъ, въ мысли намъ приходитъ
Средь поэтическаго сна
Иная, старая весна,
И въ трепетъ сердце намъ приводитъ
Мечтой о дальней сторонѣ,
О чудной ночи, о лунѣ....

IV.

Вотъ время: добрые лѣнивцы,
Эпикурейцы-мудрецы,

Вы, равнодушные счастливцы,
Вы, школы Левшина⁴ птенцы,
Вы, деревенские Пріамы,
И вы, чувствительные дамы,
Весна въ деревню васъ зоветъ,
Пора тепла, цвѣтовъ, работъ,
Пора гуляній вдохновенныхъ
И соблазнительныхъ ночей.
Въ поля, друзья! скорѣй, скорѣй,
Въ каретахъ, тяжко нагруженныхъ,
На долгихъ иль на почтовыхъ
Тянитесь изъ заставъ градскихъ.

V.

И вы, читатель благосклонный,
Въ своей коляскѣ выписной,
Оставьте градъ неугомонный,
Гдѣ веселились вы зимой;
Съ моей музой своенравной
Пойдемте слушать шумъ дубравной
Надъ безъименною рѣкой,
Въ деревнѣ, гдѣ Евгений мой,
Отшельникъ праздный и унылой,
Еще недавно жилъ зимой
Въ сосѣдствѣ Тани молодой,
Моей мечтательницы милой;
Но гдѣ его теперь ужъ нѣть...
Гдѣ грустный онъ оставилъ слѣдъ.

VI.

Межъ горъ, лежащихъ полукругомъ,
Пойдемъ туда, гдѣ ручеекъ,
Віась, бѣжитъ зеленымъ лугомъ
Къ рѣкѣ сквозь липовой лѣсокъ.

Тамъ соловей, весны любовникъ,
Всю ночь поетъ; цвѣтеть шиповникъ,
И слышенъ говоръ ключевой —
Тамъ виденъ камень гробовой
Въ тѣни двухъ сосенъ устарѣлыхъ.
Пришельцу надпись говоритъ:
«Владимиръ Ленской здѣсь лежитъ,
«Погибшій рано смертью смѣлыхъ,
«Въ такой-то годъ, такихъ-то лѣтъ.
«Покойся, юноша-поэтъ!»

VII.

На вѣтви сосны приклоненной,
Бывало, ранній вѣтерокъ
Надъ этой урною смиренной
Качаль таинственный вѣнокъ;
Бывало, въ поздніе досуги
Сюда ходили двѣ подруги,
И на могилѣ при лунѣ,
Обнявшись, плакали онѣ.
Но нынѣ... памятникъ унылой
Забытъ. Къ нему привычный слѣдъ
Заглохъ. Вѣнка на вѣтви нѣтъ;
Одинъ, надъ нимъ, сѣдой и хилой,
Пастухъ по прежнему поетъ
И обувь бѣдную плететъ.

VIII. IX. X.

Мой бѣдный Ленской! изнывая,
Не долго плакала она.
Увы! невѣста молодая
Своей печали не вѣрна.
Другой увлекъ ея вниманье,
Другой успѣлъ ея страданье

Любовной лестью усыпить,
Уланъ умѣлъ ее плѣнить,
Уланъ любимъ ея душою...
И вотъ ужъ съ нимъ предъ алтаремъ
Она стыдливо подъ вѣнцомъ
Стоитъ съ поникшой головою,
Съ огнемъ въ потупленныхъ очахъ,
Съ улыбкой легкой на устахъ.

XI.

Мой бѣдный Ленской! за могилой,
Въ предѣлахъ вѣчности глухой,
Смутился ли, пѣвецъ унылой,
Измѣны вѣстью роковой,
Или надъ Летой усыпленной
Поэтъ, безчувствіемъ блаженной,
Ужъ не смущается ничѣмъ,
И міръ ему закрыть и нѣмъ?...
Такъ! равнодушное забвенье
За гробомъ ожидаетъ нась.
Враговъ, друзей, любовницъ гласъ
Вдругъ молкнетъ. Про одно имѣнье
Наслѣдниковъ сердитый хоръ
Заводить непристойный споръ.

XII.

И скоро звонкій голосъ Оли
Въ семействѣ Лариныхъ умолкъ.
Уланъ, своей невольникъ доли,
Былъ долженъ ъхать съ нею въ полкъ.
Слезами горько обливаясь,
Старушка, съ дочерью прощаясь,
Казалось, чуть жива была,
Но Таня плакать не могла;

Лишь смертной блѣдностью покрылось
Ея печальное лицо.

Когда всѣ вышли на крыльцо
И все, прощаясь, суетилось
Вокругъ кареты молодыхъ,
Татьяна проводила ихъ.

XIII.

И долго, будто сквозь тумана,
Она глядѣла имъ во слѣдъ...
И вотъ одна, одна Татьяна!
Увы! подруга столькихъ лѣтъ,
Ея голубка молодая,
Ея наперсница родная,
Судьбою вдалъ занесена,
Съ ней навсегда разлучена.
Какъ тѣнь, она безъ цѣли бродить;
То смотритъ въ опустѣлый садъ...
Нигдѣ, ни въ чемъ ей нѣть отрадъ,
И облегченья не находитъ
Она подавленнымъ слезамъ —
И сердце рвется пополамъ.

XIV.

И въ одиночествѣ жестокомъ
Сильнѣе страсть ея горитъ,
И объ Онѣгинѣ далекомъ
Ей сердце громче говоритъ.
Она его не будетъ видѣть;
Она должна въ немъ ненавидѣть
Убийцу брата своего;
Поэтъ погибъ... но ужъ его
Никто не помнить, ужъ другому
Его невѣста отдалась.

Поэта память пронеслась
Какъ дымъ по небу голубому,
О немъ два сердца, можетъ быть,
Еще грустятъ... На что грустить?

XV.

Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.
Ужъ расходились хороводы;
Ужъ за рѣкой, дымясь, пылалъ
Огонь рыбачій. Въ полѣ чистомъ,
Луны при свѣтѣ серебристомъ,
Въ свои мечты погружена
Татьяна долго шла одна.
Шла, шла. И вдругъ передъ собою
Съ холма господскій видѣть домъ,
Селенье, рощу подъ холмомъ
И садъ надъ свѣтлою рѣкою.
Она глядитъ — и сердце въ ней
Забилось чаще и сильнѣй.

XVI.

Ее сомнѣнія смущаютъ:
«Пойду ль впередъ, пойду ль назадъ?...
Его здѣсь нѣтъ. Меня не знаютъ...
Взгляну на домъ, на этотъ садъ.»
И вотъ съ холма Татьяна сходитъ,
Едва дыша; кругомъ обводитъ
Недоумѣнія полный взоръ....
И входить на пустынныій дворъ.
Къ ней, лая, кинулись собаки.
На крикъ испуганный ея
Ребята дворовая семья
Сбѣжалась шумно. Не безъ драки

Мальчишки разогнали псовъ,
Взявъ барыню подъ свой покровъ.

XVII.

«Увидѣть барской домъ не лъзя ли?»
Спросила Таня. Поскорѣй
Къ Анисьѣ дѣти побѣжали,
У ней ключи взять отъ сѣней;
Анисья тотчасъ къ ней явилась
И дверь предъ ними отворилась,
И Таня входить въ домъ пустой,
Гдѣ жилъ недавно нашъ герой.
Она глядитъ: забытый въ залѣ
Кій на бильярдѣ отдыхалъ,
На смятомъ канапѣ лежалъ
Манежный хлыстикъ. Таня далѣ;
Старушка ей: — «а вотъ каминъ;
Здѣсь баринъ сиживалъ одинъ.

XVIII.

«Здѣсь съ нимъ обѣдывалъ зимою
Покойный Ленскій, нашъ сосѣдъ.
Сюда пожалуйте, за мною.
Вотъ это барскій кабинетъ;
Здѣсь почивалъ онъ, кофе кушалъ,
Прикашика доклады слушалъ
И книжку по утру читалъ....
И старый баринъ здѣсь живалъ;
Со мной, бывало, въ воскресенье,
Здѣсь подъ окномъ, надѣвъ очки,
Играть изволилъ въ дурачки.
Дай Богъ душѣ его спасенье,
А косточкамъ его покой
Въ могилѣ, въ мать-землѣ сырой!» —

XIX.

Татьяна взоромъ умиленнымъ
Вокругъ себя на все глядить,
И все ей кажется безцѣннымъ,
Все душу томную живить
Полумучительной отрадой:
И столь съ померкшою лампадой,
И груда книгъ, и подъ окномъ
Кровать покрытая ковромъ,
И видъ въ окно сквозь сумракъ лунной,
И этотъ блѣдный полусвѣтъ,
И Лорда Байрона портретъ,
И столбикъ съ куклою чугунной
Подъ шляпой съ пасмурнымъ челомъ,
Съ руками, сжатыми крестомъ.

XX.

Татьяна долго въ кельѣ модной
Какъ очарована стоитъ.
Но поздно. Вѣтеръ всталъ холодной.
Темно въ долинѣ. Роща спитъ
Надъ отуманенной рѣкою;
Луна сокрылась за горою,
И пилигримкѣ молодой
Пора, давно пора домой.
И Таня, скрывъ свое волненье,
Не безъ того, чтобы не вздохнуть,
Пускается въ обратный путь.
Но прежде просить позволенья
Пустынный замокъ навѣщать,
Чтобъ книжки здѣсь одной читать.

XXI.

Татьяна съ ключницей простилась
За воротами. Черезъ день

Ужъ утромъ рано вновь явилась
Она въ оставленную сѣнь,
И въ молчаливомъ кабинетѣ
Забывъ на время все на свѣтѣ,
Осталась наконецъ одна,
И долго плакала она.
Потомъ за книги принялася.
Сперва ей было не до нихъ,
Но показался выборъ ихъ
Ей страненъ. Чтенью предалася
Татьяна жадною душой;
И ей открылся міръ иной.

XXII.

Хотя мы знаемъ, что Евгений
Издавна чтенья разлюбилъ,
Однако жъ нѣсколько твореній
Онъ изъ опалы исключилъ:
Пѣвца Гяура и Жуана,
Да съ нимъ еще два-три романа,
Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

XXIII.

Храли многія страницы
Отмѣтку рѣзкую ногтей;
Глаза внимательной дѣвицы
Устремлены на нихъ живѣй.

Татьяна видить съ трепетаньемъ,
Какою мыслю, замѣчаньемъ,
Бываль Онѣгинъ пораженъ,
Въ чёмъ молча соглашался онъ.
На ихъ поляхъ она встрѣчаетъ
Черты его карандаша.
Вездѣ Онѣгина душа
Себя невольно выражаетъ,
То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ.

XXIV.

И начинаетъ понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснѣе — слава Богу —
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбою властной:
Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада иль небесь,
Сей ангель, сей надменный бѣсь,
Что жъ онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?...
Ужъ не пародія ли онъ?

XXV.

Ужель загадку разрѣшила?
Ужели слово найдено?
Часы бѣгутъ; она забыла,
Что дома ждутъ ее давно,
Гдѣ собралися два сосѣда
И гдѣ обѣ ней идетъ бесѣда.

«Какъ быть? Татьяна не дитя»,
Старушка молвила крехтя.
«Вѣдь Олинька ея моложе.
Пристроить дѣвушку, ей-ей,
Пора; а что мнѣ дѣлать съ ней?
Всѣмъ наотрѣзъ одно и то же:
Нейду. И все грустить она,
Да бродить по лѣсамъ одна».

XXVI.

«Не влюблена ль она? Въ кого же?
Буяновъ сватался: отказъ.
Ивану Пѣтушкову — тоже.
Гусаръ Пыхтинъ гостиль у насъ;
Ужъ какъ онъ Танею прельщался,
Какъ мелкимъ бѣсомъ разсыпался!
Я думала: пойдетъ авось;
Куда! и снова дѣло врозь.»
— «Что жъ, матушка? за чѣмъ же стало?
Въ Москву, на ярмарку невѣсть!
Тамъ, слышно, много праздныхъ мѣсть.»
— «Охъ, мой отецъ! доходу мало.»
— «Довольно для одной зимы,
Не то ужъ дамъ хоть я въ займы.»

XXVII.

Старушка очень полюбила
Совѣтъ разумный и благой;
Сочлась — и тутъ же положила
Въ Москву отправиться зимой, —
И Таня слышить новость эту.
На судъ взыскательному свѣту
Представить ясныя черты
Провинціальной простоты,

И запоздалые наряды,
И запоздалый складъ рѣчей;
Московскихъ франтовъ и цирцей
Привлечь насмѣшливые взгляды!...
О, страхъ! нѣть, лучше и вѣрнѣй
Въ глуши лѣсовъ осться ей.

XXVIII.

Вставая съ первыми лучами,
Теперь она въ поля спѣшить
И, умиленными очами
Ихъ озирая, говоритъ:
«Простите, мирныя долины,
И вы, знакомыхъ горъ вершины,
И вы, знакомые лѣса!
Прости, небесная краса,
Прости, веселая природа!
Мѣняю милый, тихій свѣтъ
На шумъ блестательныхъ суетъ!...
Прости жъ и ты, моя свобода!
Куда, зачѣмъ стремлюся я?
Что мнѣ сулитъ судьба моя?» —

XXIX.

Ея прогулки длятся долѣ.
Теперь то холмикъ, то ручей
Останавливаютъ поневолѣ
Татьяну прелестью своей.
Она, какъ съ давними друзьями,
Съ своими рощами, лугами,
Еще бесѣдовать спѣшить,
Но лѣто быстрое летитъ,
Настала осень золотая.
Природа трепетна, блѣдна,

Какъ жертва, пышно убрана...
Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,
Дохнулъ, завылъ — и вотъ сама
Идетъ волшебница Зима.

XXX.

Пришла, разсыпалась; клоками
Повисла на сухахъ дубовъ;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснулъ морозъ. И рады мы
Проказамъ матушки Зимы.
Не радо ей лишь сердце Тани.
Нейдетъ она зиму встрѣчать,
Морозной пылью подышать
И первымъ снѣгомъ съ кровли бани
Умыть лицо, плеча и грудь:
Татьянѣ страшень зімній путь.

XXXI.

Отъѣзда день давно просроченъ,
Проходитъ и послѣдній срокъ.
Осмотрѣнъ, вновь обить, упроченъ
Забвенью брошенный возокъ.
Обозъ обычный, три кибитки
Везутъ домашніе пожитки,
Кастрюльки, стулья, сундуки,
Варенье въ банкахъ, тюфяки,
Перины, клѣтки съ пѣтухами,
Горшки, тазы *et cetera*,
Ну, много всякаго добра.
И вотъ въ избѣ между слугами

Поднялся шумъ, прощальный плачъ:
Ведутъ на дворъ осмнадцать клячъ,

XXXII.

Въ возокъ боярскій ихъ впряжены,
Готовятъ завтракъ повара,
Горой кибитки нагружаютъ,
Бранятся бабы, кучера.
На клячѣ тощей и косматой
Сидитъ форрейторъ бородатый.
Сбѣжалась челядь у воротъ
Прощаться съ барами. И вотъ
Усѣлись, и возокъ почтенный,
Скользя, ползетъ за ворота.
«Простите, мирныя мѣста!
«Прости, пріютъ уединенный!
«Увижу ль васъ?...» И слезъ ручей
У Тани льется изъ очей.

XXXIII.

Когда благому просвѣщенью
Отдвинемъ болѣе границъ,
Современемъ (по расчисленью
Философическихъ таблицъ,
Лѣтъ чрезъ пятьсотъ) дороги вѣрно
У насъ измѣнятся безмѣрно:
Шоссе Россію здѣсь и тутъ,
Соединивъ, пересѣкутъ.
Мосты чугунные чрезъ воды
Шагнуть широкою дугой,
Раздвинемъ горы, подъ водой
Пророемъ дерзостные своды,
И заведеть крещеный міръ
На каждой станціи трактиръ.

XXXIV.

Теперь у насъ дороги плохи,[“]
Мосты забытые гніютъ,
На станціяхъ клопы да блохи
Заснуть минуты не даютъ;
Трактировъ нѣть. Въ избѣ холодной
Высокопарный, но голодной
Для виду прейскурантъ висить
И тщетный дразнить апетитъ,
Межъ тѣмъ, какъ сельскіе циклопы
Передъ медлительнымъ огнемъ
Россійскимъ лечать молоткомъ
Издѣлье легкое Европы,
Благословляя колеи
И рвы отеческой земли.

XXXV.

За то зимы порой холодной
Ѣзда пріятна и легка.
Какъ стихъ безъ мысли въ пѣснѣ модной—
Дорога зимняя гладка.
Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки,
И версты, тѣша праздный взоръ,
Въ глазахъ мелькаютъ какъ заборъ.[“]
Къ несчастью, Ларина тащилась,
Боясь прогоновъ дорогихъ,
Не на почтовыхъ, на своихъ,
И наша дѣва насладилась
Дорожной скучкою вполнѣ:
Семь сутокъ ъхали онѣ.

XXXVI.

Но вотъ ужъ близко. Передъ ними
Ужъ бѣлокаменной Москвы,

Какъ жаръ крестами золотыми
Горятъ стариныя главы.
Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!
Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца Русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!

XXXVII.

Вотъ, окруженъ своей дубравой,
Петровскій замокъ. Мрачно онъ
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенной,
Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами старого Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою.
Не праздникъ, не пріемный даръ,
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою.
Отселѣ въ думу погружёнъ,
Глядѣль на грозный пламень онъ.

XXXVIII.

Прощай, свидѣтель падшей славы,
Петровскій замокъ. Ну! не стой,
Пошоль! Уже столпы заставы
Бѣлѣютъ: вотъ ужъ по Тверской

Возокъ несется чрезъ ухабы.
Мелькаютъ мимо бутки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротахъ
И стаи галокъ на крестахъ.

XXXIX. XL.

Въ сей утомительной прогулкѣ
Проходитъ часъ, другой, и вотъ
У Харитонья въ переулкѣ
Возокъ предъ домомъ у воротъ
Остановился. Къ старой теткѣ,
Четвертый годъ больной въ чахоткѣ,
Онѣ пріѣхали теперь.
Имъ настежь отворяетъ дверь
Въ очкахъ, въ изорванномъ кафтанѣ,
Съ чулкомъ въ рукѣ, съдой Калмыкъ.
Встрѣчаетъ ихъ въ гостинной крикъ
Княжны, простертой на диванѣ.
Старушки съ плачемъ обнялись,
И восклицанья полились.

XLI.

Княжна, *mon ange!* — *Pachette!* — Алина!
— Кто бъ могъ подумать? — Какъ давно!
— На долго ль? — Милая! Кузина!
Садись — какъ это мудрено!
Ей Богу, сцена изъ романа...
— А это дочь моя, Татьяна. —

Ахъ, Таня! подойди ко мнѣ —
Какъ будто брежу я во снѣ...
Кузина, помнишь Грандисона? —
Какъ, Грандисонъ?... а, Грандисонъ!
Да, помню, помню. Гдѣ же онъ? —
«Въ Москвѣ, живетъ у Симеона;
Меня въ сочельникъ навѣстилъ:
Недавно сына онъ женилъ.

XLII.

А тотъ... но послѣ все расскажемъ.
Не правда ль? Всей ея роднѣ
Мы Таню завтра же покажемъ.
Жаль, разѣзжать нѣтъ мочи мнѣ;
Едва, едва таскаю ноги.
Но вы замучены съ дороги;
Пойдемте вмѣстѣ отдохнуть...
Охъ, силы нѣтъ... устала грудь...
Мнѣ тяжела теперь и радость,
Не только грусть... душа моя,
Ужъ никуда не годна я...
Подъ старость жизнь такая гадость...»
И тутъ, совсѣмъ утомлена,
Въ слезахъ раскашлялась она.

XLIII.

Больной и ласки и веселье
Татьяну трогаютъ; но ей
Не хорошо на новосельѣ,
Привыкшей къ горницѣ своей.
Подъ занавѣскою шелковой
Не спится ей въ постелѣ новой,
И ранній звонъ колоколовъ,
Предтеча утреннихъ трудовъ,

Ее съ постели подымаетъ.
Садится Таня у окна.
Рѣдѣеть сумракъ, но она
Своихъ полей не различаетъ:
Предъ нею незнакомый дворъ,
Конюшня, кухня и заборъ.

XLIV.

И вотъ: по родственнымъ обѣдамъ
Развозять Таню каждый день
Представить бабушкамъ и дѣдамъ
Ея разсѣянную лѣнъ.
Роднѣ, прибывшей издалеча,
Повсюду ласковая встрѣча,
И восклицанья, и хлѣбъ-солъ.
«Какъ Таня выросла! Давно ль
Я, кажется, тебя крестила?
А я такъ на руки брала!
А я такъ за уши драла!
А я такъ пряникомъ кормила!»
И хоромъ бабушки твердятъ:
«Какъ наши годы-то летятъ!»

XLV.

Но въ нихъ не видно перемѣны;
Все въ нихъ на старый образецъ:
У тетушки Княжны Елены
Все тотъ же тюлевый чепецъ;
Все бѣлится Лукерья Львовна,
Все то же лжетъ Любовь Петровна,
Иванъ Петровичъ такъ же глупъ,
Семенъ Петровичъ такъ же скупъ,
У Палагѣи Николавны
Все тотъ же другъ, мосье Финмушъ,

И тотъ же шпицъ, и тотъ же мужъ,
А онъ, все клуба членъ исправный,
Все также смиренъ, также глухъ,
И также ъстъ и пьеть за двухъ.

XLVI.

Ихъ дочки Таню обнимаютъ.
Младыя граціи Москвы
Сначала молча озираютъ
Татьяну съ ногъ до головы;
Ее находятъ что-то странной,
Провинціальной и жеманной,
И что-то блѣдной и худой,
А впрочемъ очень недурной;
Потомъ, покорствуя природѣ,
Дружатся съ ней, къ себѣ ведутъ,
Цѣлуютъ, нѣжно руки жмутъ,
Взбиваются кудри ей по модѣ,
И повѣряютъ нараспѣвъ
Сердечны тайны, тайны дѣвъ,

XLVII.

Чужія и свои побѣды,
Надежды, шалости, мечты.
Текутъ невинныя бесѣды
Съ прикрасой легкой клеветы.
Потомъ, въ отплату лепетанья,
Ея сердечнаго признанья
Умилъно требуютъ онѣ.
Но Таня, точно какъ во снѣ,
Ихъ рѣчи слышитъ безъ участья,
Не понимаетъ ничего,
И тайну сердца своего,
Завѣтный кладъ и слезъ и счастья,

Хранитъ безмолвно между тѣмъ,
И имъ не дѣлится ни съ кѣмъ.

XLVIII.

Татьяна вслушаться желаетъ
Въ бесѣды, въ общій разговоръ:
Но всѣхъ въ гостиной занимаетъ
Такой безсвязный, пошлый вздоръ,
Все въ нихъ такъ блѣдно, равнодушно;
Они клевещутъ даже скучно;
Въ безплодной сухости рѣчей,
Распросовъ, сплетень и вѣстей,
Не вспыхнетъ мысли въ цѣлы сутки,
Хоть невзначай, хоть наобумъ;
Не улыбнется томный умъ,
Не дрогнетъ сердце, хоть для шутки.
И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

XLIX.

Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядятъ,
И про нее между собою
Неблагосклонно говорятъ.
Одинъ какой-то шутъ печальной
Ее находить идеальной,
И, прислонившись у дверей,
Элегію готовить ей.
У скучной тетки Таню встрѣтъ,
Къ ней какъ-то В.... (Вяземскій) подсѣль
И душу ей занять успѣлъ.
И близъ него ее замѣтъ,
Объ ней, поправя свой парикъ,
Освѣдомляется старикъ.

L.

Но тамъ, гдѣ Мельпомены бурной
Протяжный раздается вой,
Гдѣ машетъ мантіей мишурной
Она предъ хладною толпой,
Гдѣ Талія тихонько дремлетъ
И плескамъ дружескимъ не внемлетъ,
Гдѣ Терпсихорѣ лишь одной
Дивится зритель молодой
(Что было также въ прежни лѣты,
Во время ваше и мое),
Не обратились на нее
Ни дамъ ревнивые лорнеты,
Ни трубки модныхъ знатоковъ
Изъ ложъ и кресельныхъ рядовъ.

LI.

Ее привозятъ и въ Собранье.
Тамъ тѣснота, волненье, жаръ,
Музыки грохотъ, свѣчъ блистанье,
Мельканье, вихорь быстрыхъ паръ,
Красавицъ легкіе уборы,
Людьми пестрѣющіе хоры,
Невѣсть обширный полукругъ,
Всѣ чувства поражаетъ вдругъ.
Здѣсь кажутъ францы записные
Свое нахальство, свой жилетъ
И невнимательный лорнетъ.
Сюда гусары отпускные
Спѣшать явиться, прогремѣть,
Блеснуть, плѣнить и улетѣть.

LII.

У ночи много звѣздъ прелестныхъ,
Красавицъ много на Москвѣ.

Но ярче всѣхъ подругъ небесныхъ
Луна въ воздушной синевѣ.
Но та, которую не смѣю
Тревожить лирою мою,
Какъ величавая луна
Средь женъ и дѣвъ блеститъ одна.
Съ какою гордостью небесной
Земли касается она!
Какъ нѣгой грудь ея полна!
Какъ томенъ взоръ ея чудесной!...
Но полно, полно; перестань:
Ты заплатилъ безумству дань.

LIII.

Шумъ, хохотъ, бѣготня, поклоны,
Галопъ, мазурка, вальсъ.... Межъ тѣмъ,
Между двухъ тетокъ, у колонны,
Не замѣчаема никѣмъ,
Татьяна смотрить и не видить,
Волненье свѣта ненавидитъ;
Ей душно здѣсь.... она мечтой
Стремится къ жизни полевой,
Въ деревню, къ бѣднымъ поселянамъ,
Въ уединенный уголокъ,
Гдѣ льется свѣтлый ручеёкъ;
Къ своимъ цвѣтамъ, къ своимъ романамъ,
И въ сумракъ липовыхъ аллей,
Туда, гдѣ онъ являлся ей.

LIV.

Такъ мысль ея далече бродить:
Забыть и свѣтъ, и шумный балъ,
А глазъ межъ тѣмъ съ нея не сводить
Какой-то важный Генераль.

Другъ другу тетушки мигнули,
И локтемъ Таню вразъ толкнули,
И каждая шепнула ей:
— «Взгляни на лѣво поскорѣй.»
— «На лѣво? гдѣ? что тамъ такое?»
— «Ну, что бы ни было, гляди...
Въ той кучкѣ; видишь? впереди,
Тамъ, гдѣ еще въ мундирахъ двое...
Вотъ отошелъ... вотъ бокомъ сталъ...»
— «Кто? толстый этотъ Генераль?» —

LV.

Но здѣсь съ побѣдою поздравимъ
Татьяну милую мою.
И въ сторону свой путь направимъ,
Чтобъ не забыть, о комъ пою...
Да кстати здѣсь, о томъ два слова:
Пою пріятеля младова
И множество его причудъ.
Благослови мой долгий трудъ,
О ты, эпическая Муза!
И вѣрный посохъ мнѣ вручивъ,
Не дай блуждать мнѣ вкосъ и вкривъ,
Довольно. Съ плечь долой обуза!
Я классицизму отдалъ честь:
Хоть поздно, а вступленье есть.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Fare thee well, and if far ever,
Still for ever fare thee well.

Byron.

I.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно расцвѣталь,
Читалъ охотно Апулея,
А Цицерона не читалъ,
Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
Весной, при кликахъ лебединыхъ,
Близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
Являясь Муза стала мнѣ.
Моя студенческая келья
Вдругъ озарилась: Муза въ ней
Открыла пиръ младыхъ затѣй,
Воспѣла дѣтскія веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.

II.

И свѣтъ ее съ улыбкой встрѣтилъ:
Успѣхъ нась первый окрылилъ;

Старикъ Державинъ нась замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ.

.....

III.

И я, въ законъ себѣ вмѣня
Страстей единый произволъ,
Съ толпою чувства раздѣляя,
Я Музу рѣзвую привѣль
На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ,
Грозы полуночныхъ дозоровъ:
И къ нимъ въ безумные пиры
Она несла свои дары,
И какъ Вакханочка рѣзвилась,
За чашей пѣла для гостей,
И молодежь минувшихъ дней
За нею буйно волочиласъ —
А я гордился межъ друзей
Подругой вѣтреной моей.

IV.

Но я отсталъ отъ ихъ союза
И вдали бѣжалъ... она за мной.
Какъ часто ласковая Муза
Мнѣ услаждала путь нѣмой

Волшебствомъ тайного разсказа!
Какъ часто, по скаламъ Кавказа,
Она Ленорой, при лунѣ,
Со мной скакала на конѣ!
Какъ часто по брегамъ Тавриды
Она меня во мглѣ ночной
Водила слушать шумъ морской,
Немолчный шопотъ Нереиды,
Глубокій вѣчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнъ Отцу міровъ.

V.

И позабывъ столицы дальней
И блескъ, и шумные пиры,
Въ глухи Молдавіи печальной
Она смиренные шатры
Племенъ бродящихъ посещала,
И между ними одичала,
И позабыла рѣчь боговъ
Для скучныхъ, странныхъ языковъ,
Для пѣсенъ степи ей любезной...
Вдругъ измѣнилось все кругомъ:
И вотъ она въ саду моемъ
Явилась барышней уѣздной,
Съ печальной думою въ очахъ,
Съ Французской книжкою въ рукахъ.

VI.

И нынѣ Музу я впервыя
На свѣтскій раутъ“ привожу;
На прелести ея степная
Съ ревнивой робостью гляжу.
Сквозь тѣсный рядъ Аристократовъ,
Военныхъ франтовъ, дипломатовъ

И гордыхъ дамъ она скользить,
Вотъ сѣла тихо и глядитъ,
Любуясь шумной тѣснотою,
Мельканьемъ платьевъ и рѣчей,
Явленьемъ медленныхъ гостей
Передъ хозяйкой молодою,
И темной рамою мужчинъ
Вокругъ дамъ, какъ около картинъ.

VII.

Ей нравится порядокъ стройной
Олигархическихъ бесѣдъ,
И холодъ гордости спокойной,
И эта смѣсь чиновъ и лѣтъ.
Но это кто въ толпѣ избранной
Стоитъ безмолвный и туманной?
Для всѣхъ онъ кажется чужимъ.
Мелькаютъ лица передъ нимъ,
Какъ рядъ докучныхъ привидѣній?
Что, сплинъ иль страждущая спѣсь
Въ его лицѣ? Зачѣмъ онъ здѣсь?
Кто онъ таковъ? Уже ль Евгений?
Уже ли онъ?... Такъ, точно онъ.
— Давно ли къ намъ онъ занесёнъ?

VIII.

Все тотъ же ль онъ иль усмирился?
Иль корчитъ также чудака?
Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
Что намъ представить онъ пока?
Чѣмъ нынѣ явится? Мельмотомъ,
Космополитомъ, патріотомъ,
Гарольдомъ, квакеромъ, ханжей,
Иль маской щегольнетъ иной.

Иль просто будетъ добрый малой,
Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ?
По крайней мѣрѣ мой совѣтъ:
Отстать отъ моды обветшалой.
Довольно онъ морочилъ свѣтъ...
— Знакомъ онъ вамъ? — И да и нѣтъ.

IX.

— Зачѣмъ же такъ неблагосклонно
Вы отзываетесь о немъ?
За то ль, что мы неугомонно
Хлопочемъ, судимъ обо всемъ,
Что пылкихъ душъ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ иль смѣшилъ,
Что умъ, любя просторъ, тѣснить,
Что слишкомъ часто разговоры
Принять мы рады за дѣла,
Что глупость вѣтрена и зла,
Что важнымъ людямъ важны вздоры
И что посредственность одна
Намъ по плечу и не странна?

X.

Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ,
Блаженъ, кто въ время созрѣлъ,
Кто постепенно жизни холодъ
Съ лѣтами вытерпѣть умѣлъ,
Кто страннымъ снамъ не предавался,
Кто черни свѣтской не чуждался,
Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ иль
хватъ,
А въ тридцать выгодно женатъ;
Кто въ пятьдесятъ освободился

Отъ частныхъ и другихъ долговъ,
Кто славы, денегъ и чиновъ
Спокойно въ очередь добился,
О комъ твердили цѣлый вѣкъ:
N. N. прекрасный человѣкъ.

XI.

Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,
Что измѣняли ей всечасно,
Что обманула насть она;
Что наши лучшія желанья,
Что наши свѣжія мечтанья
Истлѣли быстрой чередой,
Какъ листья осенью гнилой.
Несносно видѣть предъ собою
Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
Глядѣть на жизньь, какъ на обрядъ,
И вслѣдъ за чинною толпою
Итти, не раздѣляя съ ней
Ни общихъ мнѣній, ни страстей.

XII.

Предметомъ ставъ сужденій шумныхъ,
Несносно (согласитесь въ томъ)
Между людей благоразумныхъ
Прослыть притворнымъ чудакомъ,
Или печальнымъ сумасбродомъ,
Иль катаническимъ уродомъ,
Иль даже Демономъ моимъ.
Онѣгинъ (вновь займуся имъ),
Убивъ на поединкѣ друга,
Доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ
До двадцати шести годовъ,

Томясь въ бездѣйствіи досуга
Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
Ничѣмъ заняться не умѣлъ.

XIII.

Имъ овладѣло беспокойство,
Охота къ перемѣнѣ мѣстъ
(Весьма мучительное свойство,
Немногихъ добровольный крестъ).
Оставилъ онъ свое селенье,
Лѣсовъ и нивъ уединенъе,
Гдѣ окровавленная тѣнь
Ему являлась каждый день,
И началъ странствія безъ цѣли,
Доступный чувству одному;
И путешествія ему,
Какъ все на свѣтѣ, надоѣли;
Онъ возвратился и попалъ,
Какъ Чацкій, съ корабля на балъ.

XIV.

Но вотъ толпа заколебалась,
По залѣ шопотъ пробѣжалъ...
Къ хозяйкѣ дама приближалась,
За нею важный Генералъ.
Она была не тороплива,
Не холодна, не говорлива,
Безъ взора наглаго для всѣхъ,
Безъ притязаній на успѣхъ,
Безъ этихъ маленькихъ ужимокъ,
Безъ подражательныхъ затѣй...
Все тихо, просто было въ ней.
Она казалась вѣрный снимокъ
Du comme il faut... ****, прости:
Не знаю, какъ перевести.

XV.

Къ ней дамы подвигались ближе;
Старушки улыбались ей;
Мужчины кланялися ниже,
Ловили взоръ ея очей;
Дѣвицы проходили тише
Предъ ней по залѣ; и всѣхъ выше
И нось и плеча подымалъ
Вошедшій съ нею Генераль.
Никто бъ не могъ ёе прекрасной
Назвать; но съ головы до ногъ
Никто бы въ ней найти не могъ
Того, что модой самовластной
Въ высокомъ, Лондонскомъ кругу
Зовется *vulgar*. Не могу...

XVI.

Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести:
Оно у насъ покамѣстъ ново,
И врядъ ли быть ему въ чести.
Оно бъ годилось въ эпиграммѣ...
Но обращаюсь къ нашей дамѣ.
Безпечной прелестью мила,
Она сидѣла у стола
Съ блестящей Ниной Воронскою,
Сей Клеопатрою Невы:
И вѣрно бъ согласились вы,
Что Нина мраморной красою
Затмить сосѣдку не могла,
Хоть ослѣпительна была.

XVII.

«Уже ли», думаетъ Евгений:
«Ужель она? Но точно... Нѣтъ...

Какъ! изъ глуши степныхъ селеній...»
 И неотвязчивый лорнетъ
 Онъ обращаетъ поминутно
 На ту, чей видъ напомнилъ смутно
 Ему забытыя черты.
 «Скажи мнѣ, Князь, не знаешь ты,
 Кто тамъ въ малиновомъ беретѣ
 Съ Посломъ Испанскимъ говоритъ?»
 Князь на Онѣгина глядитъ.
 — «Ага! давно жъ ты не былъ въ свѣтѣ.
 Постой, тебя представлю я.»
 «Да кто жъ она?» — «Жена моя».

XVIII.

— «Такъ ты женатъ! не зналъ я ранѣ!
 Давно ли?» — «Около двухъ лѣтъ.»
 «На комъ?» — «На Лариной». —
 «Татьянѣ!»
 — «Ты ей знакомъ?» — «Я имъ сосѣдъ.»
 — «О, такъ пойдемъ же». — Князь
 подходитъ
 Къ своей женѣ, и ей подводить
 Родню и друга своего.
 Княгиня смотритъ на него...
 И что ей душу ни смутило,
 Какъ сильно ни была она
 Удивлена, поражена,
 Но ей ничто не измѣнило:
 Въ ней сохранился тотъ же тонъ,
 Быть также тихъ ея поклонъ.

XIX.

Ей-ей! не то, чтобы содрогнулась,
 Иль стала вдругъ блѣдна, красна...

У ней и бровь не шевельнулась;
Не сжала даже губъ она.
Хоть онъ глядѣлъ нельзя прилежнѣй,
Но и слѣдовъ Татьяны прежней
Не могъ Онѣгинъ обрѣсти.
Съ ней рѣчъ хотѣлъ онъ завести
И — и не могъ. Она спросила,
Давно ль онъ здѣсь, откуда онъ
И не изъ ихъ ли ужъ сторонъ?
Потомъ къ супругу обратила
Усталый взглядъ; скользнула вонъ...
И недвижимъ остался онъ.

XX.

Ужель та самая Татьяна,
Которой онъ наединѣ,
Въ началѣ нашего романа,
Въ глухой, далекой сторонѣ,
Въ благомъ пылу нравоученья,
Читалъ когда-то наставленья, —
Та, отъ которой онъ хранить
Письмо, гдѣ сердце говорить,
Гдѣ все наружѣ, все на волѣ,
Та дѣвочка... иль это сонъ?...
Та дѣвочка, которой онъ
Пренебрегалъ въ смиренной долѣ,
Ужели съ нимъ сейчасъ была
Такъ равнодушна, такъ смѣла?

XXI.

Онъ оставляетъ раутъ тѣсный.
Домой задумчивъ ёдетъ онъ;
Мечтой то грустной, то прелестной
Его встревоженъ первый сонъ.

Проснулся онъ: ему приносятъ
Письмо: Князь Н. покорно проситъ
Его на вечеръ. — «Боже! къ ней!..
О! буду, буду!» — и скорѣй
Мараестъ онъ отвѣтъ учтивый.
Что съ нимъ? въ какомъ онъ странномъ
снѣ!

Что шевельнулось въ глубинѣ
Души холодной и лѣнивой?
Досада? суетность? иль вновь
Забота юности — любовь?

XXII.

Онѣгинъ вновь часы считаетъ,
Вновь не дождется дню конца.
Но десять бьетъ; онъ выѣзжаетъ,
Онъ полетѣлъ, онъ у крыльца,
Онъ съ трепетомъ къ Княгинѣ входитъ;
Татьяну онъ одну находитъ,
И вмѣстѣ нѣсколько минутъ
Они сидятъ. Слова нейдутъ
Изъ устъ Онѣгина. Угрюмой,
Неловкій, онъ едва, едва
Ей отвѣчаетъ. Голова
Его полна упрямой думой.
Упрямо смотрить онъ: она
Сидѣть покойна и вольна.

XXIII.

Приходитъ мужъ. Онъ прерываетъ
Сей непріятный tête à tête;
Съ Онѣгинымъ онъ вспоминаетъ
Проказы, шутки прежнихъ лѣтъ.
Они смѣются. Входять гости.

Вотъ крупной солью свѣтской злости
Сталъ оживляться разговоръ;
Передъ хозяйкой легкій вздоръ
Сверкалъ безъ глупаго жеманства,
И прерывалъ его межъ тѣмъ
Разумный толкъ безъ пошлыхъ темъ,
Безъ вѣчныхъ истинъ, безъ педанства,
И не пугалъ ни чьихъ ушей
Свободной живостью своей.

XXIV.

Тутъ былъ однако цвѣть столицы,
И знать и моды образцы,
Вездѣ встрѣчаемыя лица,
Необходимые глупцы;
Тутъ были дамы пожилыя
Въ чепцахъ и въ розахъ, съ виду злые;
Тутъ было нѣсколько дѣвицъ,
Не улыбающихся лицъ;
Тутъ былъ Посланникъ, говорившій
О государственныхъ дѣлахъ;
Тутъ былъ въ душистыхъ сѣдинахъ
Старикъ, постарому шутившій,
Отмѣнно тонко и умно,
Что нынче нѣсколько смѣшно!

XXV.

Тутъ былъ на эпиграммы падкій,
На все сердитый господинъ:
На чай хозяйскій слишкомъ сладкій,
На плоскость дамъ, на тонъ мужчинъ,
На толки про романъ туманный,
На вензель, двумъ сестрицамъ данный,
На ложь журналовъ, на войну,
На снѣгъ и на свою жену.

.....
.....
.....
.....
.....
.....

XXVI.

Тутъ былъ ***, заслужившій
Извѣстность низостью души,
Во всѣхъ альбомахъ притупившій
St.-Р.**, твои карандаши;
Въ дверяхъ другой диктаторъ бальной
Стоялъ картинкою журнальной,
Румянъ — какъ вербный херувимъ,
Затянутъ, нѣмъ и недвижимъ,
И путешественникъ залётной,
Перекрахмаленный нахалъ,
Въ гостяхъ улыбку возбуждалъ
Своей осанкою заботной,
И молча обмѣненный взоръ
Ему былъ общій приговоръ.

XXVII.

Но мой Онѣгинъ вечеръ цѣлой
Татьяной занять былъ одной,
Не этой дѣвочкой несмѣлой,
Влюбленной, бѣдной и простой,
Но равнодушною Княгиней,
Но неприступною богиней
Роскошной, царственной Невы.
О, люди! всѣ похожи вы
На прародительницу Эву:
Что вамъ дано, то не влечеть;

Васъ непрестанно змій зоветъ
Къ себѣ, къ таинственному древу:
Запретный плодъ вамъ подавай,
А безъ того вамъ рай не рай.

XXVIII.

Какъ измѣнилася Татьяна!
Какъ твердо въ роль свою вошла!
Какъ утѣшительнаго сана
Пріемы скоро приняла!
Кто бъ смѣлъ искать дѣвочонки нѣжной
Въ сей величавой, въ сей небрежной
Законодательницѣ залъ?
И онъ ей сердце волновалъ!
Объ немъ она во мракѣ ночи,
Пока Морфей не прилетитъ,
Бывало, дѣвственно грустить,
Къ лунѣ подъемлетъ томны очи,
Мечтая съ нимъ когда нибудь
Свершить смиренный жизни путь!

XXIX.

Любви всѣ возрасты покорны;
Но юнымъ, дѣвственнымъ сердцамъ
Ея порывы благотворны,
Какъ бури вешняя полямъ.
Въ дождѣ страстей они свѣжѣютъ,
И обновляются, и зреютъ —
И жизнь могущая даетъ
И пышный цвѣтъ, и сладкій плодъ.
Но въ возрастъ поздній и бесплодной,
На поворотѣ нашихъ лѣтъ,
Печаленъ страсти мертвой слѣдъ:
Такъ бури осени холодной

Въ болото обращаютъ лугъ
И обнажаютъ лѣсъ вокругъ.

XXX.

Сомнѣнья нѣтъ: увы! Евгений
Въ Татьяну какъ дитя влюбленъ;
Въ тоскѣ любовныхъ помышленій
И день и ночь проводить онъ.
Ума не внемля строгимъ пѣнямъ,
Къ ея крыльцу, стекляннымъ сѣнямъ
Онъ подъѣзжаетъ каждый день;
За ней онъ гонится какъ тѣнь;
Онъ счастливъ, если ей накинетъ
Боа пушистый на плечо,
Или коснется горячо
Ея руки, или раздвинетъ
Предъ нею пестрый полкъ ливреи,
Или платокъ подыметъ ей.

XXXI.

Она его не замѣчаетъ,
Какъ онъ ни бейся, хоть умри.
Свободно дома принимаетъ,
Въ гостяхъ съ нимъ молвитъ слова три,
Порой однимъ поклономъ встрѣтить,
Порою вовсе не замѣтить:
Кокетства въ ней ни капли нѣтъ —
Его не терпитъ высшій свѣтъ.
Блѣдиѣть Онѣгинъ начинаетъ:
Ей иль не видно, иль не жаль;
Онѣгинъ сохнетъ, и едва ль
Ужъ не чахоткою страдаетъ.
Всѣ шлютъ Онѣгина къ врачамъ,
Тѣ хоромъ шлютъ его къ водамъ.

XXXII.

А онъ не Ѱдетъ; онъ заранѣ
Писать ко прадѣдамъ готовъ
О скорой встрѣчѣ; а Татьянѣ
И дѣла нѣтъ (ихъ поль таковъ);
А онъ упрямъ, отстать не хочетъ,
Еще надѣется, хлопочеть;
Смѣлый здороваго, больной
Княгинѣ слабою рукой
Онъ пишеть страстное посланье.
Хоть толку мало вообще
Онъ въ письмахъ видѣлъ не вотще;
Но, знать, сердечное страданье
Уже пришло ему не въ мочь.
Вотъ вамъ письмо его точь въ точь.

Письмо Онѣгина къ Татьянѣ.

«Предвижу все: васъ оскорбить
Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презрѣніе
Вашъ гордый взглядъ изобразитъ!
Чего хочу? съ какою цѣлью
Открою душу вамъ свою?
Какому злобному веселью,
Быть можетъ, поводъ подаю!

«Случайно васъ когда-то встрѣтия,
Въ васъ искру нѣжности замѣтия,
Я ей повѣрить не посмѣль:
Привычкѣ милой не даль ходу;
Свою постылую свободу
Я потерять не захотѣлъ.
Еще одно нась разлучило....
Несчастной жертвой Ленскій палъ....

Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвалъ;
Чужой для всѣхъ, ничѣмъ не связанъ,
Я думалъ: вольность и покой
Замѣна счастью. Боже мой!
Какъ я ошибся, какъ наказанъ!

«Нѣть, поминутно видѣть васъ,
Повсюду слѣдовать за вами,
Улыбку усть, движенье глазъ
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вамъ долго, понимать
Душой все ваше совершенство,
Предъ вами въ мукахъ замирать,
Блѣдиеть и гаснуть.... вотъ блаженство!

«И я лишенъ того: для васъ
Ташусь повсюду наудачу;
Мнѣ дорогъ день, мнѣ дорогъ часъ:
А я въ напрасной скукѣ трачу
Судьбой отсчитанные дни.
И такъ ужъ тягостны они.
Я знаю: вѣкъ ужъ мой измѣренъ;
Но, чтобъ продлилась жизнь моя,
Я утромъ долженъ быть увѣренъ,
Что съ вами днемъ увижуясь я....

«Боюсь: въ мольбѣ моей смиренной
Увидитъ вашъ суровый взоръ
Затѣи хитрости презрѣнной —
И слышу гнѣвный вашъ укоръ.
Когда бъ вы знали, какъ ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать — и разумомъ всечасно
Смирять волненіе въ крови;
Желать обнять у васъ колѣни,

И, зарыдавъ, у вашихъ ногъ
Излить мольбы, признанья пѣни,
Все, все, что выразить бы могъ,
А между тѣмъ притворнымъ хладомъ
Вооружать и рѣчъ и взоръ,
Вести спокойный разговоръ,
Глядѣть на васъ веселымъ взглядомъ!...

«Но такъ и быть: я самъ себѣ
Противиться не въ силахъ болѣ;
Все рѣшено: я въ вашей волѣ,
И предаюсь моей судьбѣ.» —

XXXIII.

Отвѣта нѣтъ. Онъ вновь посланье:
Второму, третьему письму
Отвѣта нѣтъ. Въ одно собранье
Онъ єдетъ; лишь вошелъ... ему
Она на встрѣчу. Какъ сурова!
Его не видяты, съ нимъ ни слова;
У! какъ теперь окружена
Крещенскимъ холодомъ она!
Какъ удержать негодованье
Уста упрямая хотятъ!
Вперилъ Онѣгинъ зоркій взглядъ:
Гдѣ, гдѣ смятенье, состраданье?
Гдѣ пятна слезъ?... Ихъ нѣтъ, ихъ нѣтъ!
На семъ лицѣ лишь гнѣва слѣдъ...

XXXIV.

Да, можетъ быть, боязни тайной,
Чтобъ мужъ иль свѣтъ не угадалъ
Проказы, слабости случайной...
Всего, что мой Онѣгинъ зналъ...

Надежды нѣтъ! Онъ уѣзжаетъ,
Свое безумство проклинаетъ —
И, въ немъ глубоко погруженъ,
Отъ свѣта вновь отрекся онъ.
И въ молчаливомъ кабинетѣ
Ему припомнилась пора,
Когда жестокая хандра
За нимъ гналася въ шумномъ свѣтѣ,
Поймала, за воротъ взяла
И въ темный уголъ заперла.

XXXV.

Сталъ вновь читать онъ безъ разбора.
Прочелъ онъ Гиббона, Руссо,
Манзони, Гердера, Шамфора,
Madame de Staël, Биша, Тиссо,
Прочелъ скептическаго Беля,
Прочелъ творенья Фонтенеля,
Прочелъ изъ нашихъ кой-кого,
Не отвергая ничего:
И альманахи, и журналы,
Гдѣ поученья намъ твердятъ,
Гдѣ нынче такъ меня бранятъ,
А гдѣ такіе мадригалы
Себѣ встрѣчалъ я иногда,
E sempre bene, господа.

XXXVI.

И что жъ? Глаза его читали,
Но мысли были далеко;
Мечты, желанія, печали
Тѣснились въ душу глубоко.
Онъ межъ печатными строками ·
Читаль духовными глазами

Другія строки. Въ нихъ-то онъ
Былъ совершенно углубленъ.
То были тайныя преданья
Сердечной, темной старины,
Ни съ чѣмъ несвязанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздоръ живой,
Иль письма дѣвы молодой.

XXXVII.

И постепенно въ усыпленье
И чувствъ и думъ впадаетъ онъ,
А передъ нимъ Воображенье
Свой пестрый мечеть фараонъ.
То видитъ онъ: на таломъ снѣгѣ,
Какъ будто спящїй наnochлегѣ,
Недвижимъ юноша лежитъ,
И слышитъ голосъ: что жъ? убить!
То видитъ онъ враговъ забвенныхъ,
Клеветниковъ, и трусовъ злыхъ,
И рой измѣнницъ молодыхъ,
И кругъ товарищей презрѣнныхъ,
То сельскій домъ — и у окна
Сидитъ она..... и все она!... .

XXXVIII.

Онъ такъ привыкъ теряться въ этомъ,
Что чуть съ ума не своротилъ
Или не сдѣлался поэтомъ.
Признаться: то-то бѣ одолжилъ!
А точно: силой магнетизма
Стиховъ Россійскихъ механизма
Едва въ то время не постигъ
Мой безтолковый ученикъ.

Какъ походилъ онъ на поэта,
Когда въ углу сидѣлъ одинъ,
И передъ нимъ пыпалъ каминъ,
И онъ мурлыкалъ: *Benedetta*
Иль *Idol mio*, и ронялъ
Въ огонь то туфлю, то журналъ.

XXXIX.

Дни мчались; въ воздухѣ нагрѣтомъ
Ужъ разрѣшалася зима;
И онъ не сдѣлался поэтомъ,
Не умеръ, не сошелъ съ ума.
Весна живить его: впервые
Свои покой запертые,
Гдѣ зимовалъ онъ какъ сурокъ,
Двойныя окна, камелекъ,
Онъ яснымъ утромъ оставляетъ,
Несется вдоль Невы въ саняхъ.
На синихъ, изсѣченныхъ льдахъ
Играетъ солнце; грязно таетъ
На улицахъ разрытый снѣгъ.
Куда по немъ свой быстрый бѣгъ

XL.

Стремитъ Онѣгинъ? Вы заранѣ
Ужъ угадали; точно такъ:
Примчался къ ней, къ своей Татьянѣ,
Мой неисправленный чудакъ.
Идетъ, на мертвца похожій.
Нѣть ни одной души въ прихожей.
Онъ въ залу; дальше: никого.
Дверь отворилъ онъ. Что жъ его
Съ такою силой поражаетъ?
Княгиня передъ нимъ, одна,

Сидить, не убрана, блѣдна,
Письмо какое-то читаетъ,
И тихо слезы льетъ рѣкой,
Опершись на руку щекой.

XLI.

О, кто бъ нѣмыхъ ея страданій
Въ сей быстрый мигъ не прочиталь!
Кто прежней Тани, бѣдной Тани
Теперь въ Княгинѣ бъ не узналь!
Въ тоскѣ безумныхъ сожалѣній
Къ ея ногамъ упалъ Евгений;
Она вздрогнула, и молчитъ;
И на Онѣгина глядить
Безъ удивленія, безъ гнѣва...
Его больной, угасшій взоръ,
Молящій видъ, нѣмой укоръ,
Ей внятно все. Простая дѣва,
Съ мечтами, сердцемъ прежнихъ дней,
Теперь опять воскресла въ ней.

XLII.

Она его не подымаетъ,
И, не сводя съ него очей,
Отъ жадныхъ устъ не отымаеть
Безчувственной руки своей...
О чемъ теперь ея мечтанье?...
Проходитъ долгое молчанье,
И тихо наконецъ она:
«Довольно; встаньте. Я должна
Вамъ объясниться откровенно.
Онѣгинъ, помните ль тотъ часъ,
Когда въ саду, въ аллеѣ нась
Судьба свела, и такъ смиренno

Урокъ вашъ выслушала я?
Сегодня очередь моя.

XLIII.

«Онѣгинъ, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила васъ; и что же?
Что въ сердцѣ вашемъ я нашла?
Какой отвѣтъ? одну суровость.
Не правда ль? Вамъ была не новость
Смиренной дѣвочки любовь?
И нынче — Боже! — стынетъ кровь,
Какъ только вспомню взглядъ холодной
И эту проповѣдь.... Но васъ
Я не виню: въ тотъ страшный часъ
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной:
Я благодарна всей душой...

XLIV.

«Тогда — не правда ли? — въ пустынѣ,
Вдали отъ суетной Молвы,
Я вамъ не нравилась... Что жъ нынѣ
Меня преслѣдуете вы?
Зачѣмъ у васъ я на примѣтѣ?
Не потому ль, что въ высшемъ свѣтѣ
Теперь являюсь я должна;
Что я богата и знатна;
Что мужъ въ сраженьяхъ изувѣченъ;
Что нась за то ласкаетъ Дворъ?
Не потому ль, что мой позоръ
Теперь бы всѣми былъ замѣченъ,
И могъ бы въ обществѣ принести
Вамъ соблазнительную честь?

XLV.

«Я плачу... Если вашей Тани
Вы не забыли до сихъ поръ,
То знайте: колкость вашей брани,
Холодный, строгій разговоръ,
Когда бъ въ моей лишь было власти,
Я предпочла бъ обидной страсти
И этимъ письмамъ и слезамъ.
Къ моимъ младенческимъ мечтамъ
Тогда имѣли вы хоть жалость,
Хоть уваженіе къ лѣтамъ...
А нынче! — что къ моимъ ногамъ
Васъ привело? какая малость!
Какъ съ вашимъ сердцемъ и умомъ
Быть чувства мелкаго рабомъ?

XLVI.

«А мнѣ, Онѣгинъ, пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успѣхи въ вихрѣ свѣта,
Мой модный домъ и вечерѣ,
Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
За полку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище,
За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
Онѣгинъ, видѣла я васъ,
Да за смиренное кладбище,
Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной нянею моей...

XLVII.

«А счастье было такъ возможно,
Такъ близко!... Но судьба моя

Ужъ рѣшена. Неосторожно,
Быть можетъ, поступила я:
Меня съ слезами заклинаній
Молила мать; для бѣдной Тани
Всѣ были жребіи равны...
Я вышла замужъ. Вы должны,
Я васъ прошу, меня оставить;
Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть
И гордость, и прямая честь.
Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду вѣкъ ему вѣрна.» —

XLVIII.

Она ушла. Стоитъ Евгений,
Какъ будто громомъ пораженъ.
Въ какую бурю ощущеній
Теперь онъ сердцемъ погруженъ!
Но шпоръ незапный звонъ раздался,
И мужъ Татьянинъ показался,
И здѣсь героя моего,
Въ минуту злую для него,
Читатель, мы теперь оставимъ,
Надолго.... навсегда. За нимъ
Довольно мы путемъ однимъ
Бродили по свѣту. Поздравимъ
Другъ друга съ берегомъ. Ура!
Давно бѣ (неправда ли?) пора!

XLIX.

Кто бѣ ни былъ ты, о мой читатель,
Другъ, недругъ, я хочу съ тобой
Разстаться нынче какъ пріятель.
Прости. Чего бы ты за мнай

Здѣсь ни искалъ въ строфахъ небрежныхъ,
Воспоминаній ли мятеjныхъ,
Отдохновеня ль отъ трудовъ,
Живыхъ картинъ, иль острыхъ словъ,
Иль грамматическихъ ошибокъ,
Дай Богъ, чтобъ въ этой книжкѣ ты,
Для развлеченья, для мечты,
Для сердца, для журнальныхъ сшибокъ,
Хотя крупицу могъ найти.
Засимъ разстанемся, прости!

L.

Прости жъ и ты, мой спутникъ странный,
И ты, мой вѣрный идеаль,
И ты, живой и постоянный,
Хоть малый трудъ. Я съ вами зналъ
Все, что завидно для поэта:
Забвенье жизни въ буряхъ свѣта,
Бесѣду сладкую друзей.
Промчалось много, много дней
Съ тѣхъ поръ, какъ юная Татьяна
И съ ней Онѣгинъ въ смутномъ снѣ
Явилися впервые мнѣ —
И даль свободного романа
Я сквозь магическій кристаль
Еще не ясно различалъ.

LI.

Но тѣ, которымъ въ дружной встрѣчѣ
Я строфы первыя читалъ...
Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Сади нѣкогда сказалъ.
Безъ нихъ Онѣгинъ дорисованъ.
А та, съ которой образованъ

Татьяны милый идеалъ...
О, много, много рокъ отъялъ!
Блаженъ, кто праздникъ жизни рано
Оставилъ, не допивъ до дна
Бокала полнаго вина,
Кто не дочель ея романа
И вдругъ умѣль разстаться съ нимъ,
Какъ я съ Онѣгинымъ моимъ.

Конецъ.

lib.pushkinskijdom.ru

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ЕВГЕНІЮ ОНѢГИНУ.

1. Писано въ Бессарабіи.
2. Dandy, франтъ.
3. Шляпа à la Bolivar.
4. Извѣстный рестораторъ.
5. Черта охлажденнаго чувства, достойная Чальдъ-Гарольда. Балеты Г. Дидло исполнены живости воображенія и прелести необыкновенной. Одинъ изъ нашихъ романтическихъ писателей находилъ въ нихъ гораздо болѣе Поэзіи, нежели во всей Французской литературѣ.

6. Tout le monde sut qu'il mettait du blanc ; et moi, qui n'en croyois rien, je commençai de le croire, non seulement par l'embellissement de son teint et pour avoir trouvé des tasses de blanc sur sa toilette, mais sur ce qu'entrant un matin dans sa chambre, je le trouvai brossant ses ongles avec une petite vergette faite exprès, ouvrage qu'il continua fléirement devant moi. Je jugeai qu'un homme qui passe deux heures tous les matins à brosser ses ongles, peut bien passer quelques instants à remplir de blanc les creux de sa peau.

(Confessions de J. J. Rousseau.)

Гrimъ опередилъ свой вѣкъ: нынѣ во всей просвѣщенной Европѣ чистятъ ногти особеною щеткой.

7. Вся сія ироническая строфа не что иное, какъ тон-

кая похвала прекраснымъ нашимъ соотечественницамъ. Такъ Буало, подъ видомъ укоризны, хвалить Лудовика XIV. Наши дамы соединяютъ просвѣщеніе съ любезностю и строгую чистоту нравовъ съ этою восточною прелестію, столь плѣнившую Г-жу Сталь.

(См. *Dix ans d'exil.*)

8. Читатели помнятъ прелестное описаніе Петербургской ночи въ идилліи Гнѣдича:

«Воть ночь: но не меркнутъ златистыя полосы облакъ. Безъ звѣздъ и безъ мѣсяца вся озаряется дальность. На взморье далекомъ сребристыя видны вѣтрила Чуть видныхъ судовъ, какъ по синему небу плывущихъ. Сіяньють безсумрачнымъ небо ночное сіаетъ, И пурпуръ заката сливается съ златомъ востока: Какъ будто денница за вечеромъ слѣдомъ выводить Румяное утро. Была то година златая, Какъ лѣтніе дни похищаютъ владычество ночи; Какъ взоръ иноземца на сѣверномъ небѣ плѣняетъ Сліянье волшебное тѣни и сладкаго свѣта, Какимъ иногда не украшено небо полудня; Та ясность, подобная прелестямъ сѣверной дѣвы, Которой глаза голубые и алые щеки Едва отѣняются русыми локонъ волнами. Тогда надъ Невой и надъ пышнымъ Петрополемъ видять Безъ сумрака вечеръ и быстрыя ночи безъ тѣни; Тогда Филомела полночныя пѣсни лишь кончить, И пѣсни заводить, привѣтствуя день восходящій. Но поздно; повѣяла свѣжесть на Невскія тундры; Роса опустилась; Воть полночь; шумѣвшая вечеромъ тысячью весель, Нева не колыхнетъ; разъѣхались гости градскіе; Ни гласа на брегѣ, ни зыби на влагѣ, все тихо: Лишь изрѣдка гуль отъ мостовъ пробѣжитъ надъ водою, Лишь крикъ протяженный изъ дальней промчится деревни, Гдѣ въ ночь окликается ратная стража со стражей. Все спить »

9. Въявь богиню благосклонну
Зрить восторженный пійтъ,

Что проводить ночь безсонну,
Опершися на гранитъ.

(Муравьевъ. Богинѣ Невы).

10. Писано въ Одессѣ.

11. Авторъ, со стороны матери, происхожденія Африканскаго. Его прадѣдъ, Абрамъ Петровичъ Аннибалъ на 8 году своего возраста былъ похищенъ съ береговъ Африки и привезенъ въ Константинополь. Россійскій посланникъ, выручивъ его, послалъ въ подарокъ Петру Великому, который крестиль его въ Вильнѣ. Вслѣдъ за нимъ братъ его пріѣзжалъ сперва въ Константинополь, а потомъ и въ Петербургъ, предлагая за него выкупъ; но Петръ I не согласился возвратить своего крестника. До глубокой старости Аннибалъ помнилъ еще Африку, роскошную жизнь отца, 19 братьевъ, изъ коихъ онъ былъ меньшой; помнилъ, какъ ихъ водили къ отцу, съ руками, связанными за спину, между тѣмъ, какъ онъ одинъ былъ свободенъ и плавалъ подъ фонтанами отеческаго дома; помнилъ также любимую сестру свою Лагань, плывшую издали за кораблемъ, на которомъ онъ удалялся.

18-ти лѣтъ отъ роду, Аннибалъ посланъ былъ Царемъ во Францію, гдѣ и началъ свою службу въ арміи Регента; онъ возвратился въ Россію съ разрубленной головой и съ чиномъ французскаго лейтенанта. Съ тѣхъ поръ находился онъ неотлучно при особѣ Императора. Въ царствованіе Анны, Аннибалъ, личный врагъ Бирона, посланъ былъ въ Сибирь подъ благовиднымъ предлогомъ. Наскуча безлюдствомъ и жестокостю климата, онъ самовольно возвратился въ Петербургъ и явился къ своему другу Миниху. Минихъ изумился и совѣтовалъ ему скрыться немедленно. Аннибалъ удалился въ свои помѣстья, гдѣ и жилъ во все время царствованія Анны, считаясь въ службѣ и въ Сибири. Елизавета, вступивъ на престолъ, осыпала его своими милостями. А. П. Аннибалъ умеръ уже въ царствованіе Екатерины,уволенный отъ важныхъ занятій службы съ чиномъ Генераль-Аншефа, на 92 г. отъ рожденія.*

*) Мы современемъ надѣемся издать полную его біографію.

Въ Россіи, гдѣ память замѣчательныхъ людей скоро исчезаетъ по причинѣ недостатка историческихъ записокъ, странная жизнь Аннибала извѣстна только по се-мейственнымъ преданіямъ.

Сынъ его Генералъ-Лейтенантъ И. А. Аннибалъ при-надлежитъ безспорно къ числу отличнѣйшихъ людей Екатерининскаго вѣка (ум. въ 1800 г.).

12. Изъ первой части Днѣпровской Русалки.

13. Сладкозвучнѣйшія Греческія имена, каковы, на-примѣръ: Агаѳонъ, Филатъ, Федора, Фекла и проч., употребляются у насъ только между простолюдинами.

14. Грандисонъ и Ловласъ, герои двухъ славныхъ романовъ.

15. *Si j'avois la folie de croire encore au bonheur, je le chercherois dans l'habitude.* (Шатобранъ).

16. Бѣдный Іорикъ! — восклицаніе Гамлета надъ че-реопомъ шута. (См Шекспира и Стерна).

17. Въ прежнемъ изданіи, вмѣсто д о м о й л е т я тъ, было ошибкою напечатано з и м о й л е т я тъ (что не имѣло никакого смысла). Критики, того не разобравъ, находили анахронизмъ въ слѣдующихъ строфахъ. Смѣ-емъ увѣрить, что въ нашемъ романѣ время расчислено по календарю.

18. Юлія Вольмаръ, Новая Элоиза, Малекъ-Адель, ге-рой посредственного романа М-е С o t t i n . Густавъ де-Линаръ, герой прелестной повѣсти Баронессы Крюд-неръ.

19. Вампиръ, повѣсть, неправильно приписанная Лор-ду Байрону. Мельмотъ, геніальное произведение Матю-рина. *J e a n S b o g a g ,* извѣстный романъ Карла Нодье.

20. *Lasciate ogni speranza voi ch' n trate .* Скромный Авторъ перевѣль только первую половину славнаго стиха.

21. Журналъ, нѣкогда издаваемый покойнымъ А. Из-майлловымъ довольно неисправно. Издатель однажды печатно извинился передъ публикою тѣмъ, что онъ на праздникахъ г у л я л ъ .

22. Е. А. Баратынскій.

23. Въ журналахъ удивлялись, какъ можно было назвать дѣвою простую крестьянку, между тѣмъ какъ благородныя барышни, немного ниже, названы дѣвочкиами!

24. «Это значитъ», замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ критиковъ: «что мальчишки катаются на конькахъ». Справедливо.

25. Въ лѣта красная мои
Поэтическій Аи
Нравился мнѣ пѣной шумной,
Симъ подобіемъ любви
Или юности безумной, и проч.

(*Посланіе къ Л. П.*).

26. Августъ Лафонтенъ, Авторъ множества семейственныхъ романовъ.

27. Смотри: Первый Снѣгъ, стихотвореніе Князя Вяземскаго.

28. См. описанія Финляндской Зимы въ Эдѣ Бартынскаго.

29. Зоветъ котъ кошурку
Въ печурку спать.

Предвѣщаніе свадьбы; первая пѣсня предрекаетъ смерть.

30. Такимъ образомъ узнаютъ имя будущаго жениха.
31. Въ журналахъ осуждали слова: хлопъ, мольвъ и топъ, какъ неудачное нововведеніе. Слова сіи коренные Русскія. «Вышелъ Бова изъ шатра прохладиться и услышалъ въ чистомъ полѣ людскую мольву и кенскій топъ.» (*Сказка о Бовѣ Королевичѣ*.) Хлопъ употребляется въ просторѣчіи вмѣсто хлопаніе, какъ шипъ вмѣсто шинія.

Онъ шипъ пустилъ по змѣиному.

(*Древнія Русскія стихотворенія*).

Не должно мѣшать свободѣ нашего богатаго и прекраснаго языка.

32. Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется находить въ этихъ стихахъ непонятную для насъ неблагоприятность.

33. Гадательные книги издаются у насъ подъ фирмою
Мартына Задеки, почтенного человѣка, не писавшаго
никогда гадательныхъ книгъ, какъ замѣчаетъ Б. М.
Федоровъ.

34. Пародія извѣстныхъ стиховъ Ломоносова.

Заря багряною рукою
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
Выводить съ солнцемъ за собою, — и проч.

35. Буяновъ мой сосѣдъ,

.....
Пришелъ ко мнѣ вчера съ небритыми усами,
Растрапанный, въ пуху, въ картузѣ
съ козырькомъ...
(Опасный Сосѣдъ).

36. Наши критики, вѣрные почитатели прекраснаго по-
ла, сильно осуждали неприличіе сего стиха.

37. Парижскій рестораторъ.

38. Стихъ Грибоѣдова.

39. Славный ружейный мастеръ.

40. Въ первомъ изданіи шестая Глава оканчивалась
слѣдующимъ образомъ:

А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
Въ мой уголъ чаще прилетай,
Не дай остыть душѣ поэта,
Ожесточиться, очерствѣть,
И наконецъ окаменѣть
Въ мертвящемъ упоены свѣта,
Среди бездушныхъ гордецовъ,
Среди блестательныхъ глупцовъ,

XLVII.

Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
Шальныхъ, балованныхъ дѣтей,
Злодѣевъ и смѣшныхъ и скучныхъ,
Тупыхъ, привязчивыхъ судей,
Среди кокетокъ богомольныхъ,
Среди холопьевъ добровольныхъ,

Среди вседневныхъ, модныхъ сценъ
Учтивыхъ, ласковыхъ измѣнъ,
Среди холодныхъ приговоровъ
Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Расчетовъ, думъ и разговоровъ,
Въ семъ омутѣ, гдѣ съ вами я
Купаюсь, милые друзья.

41. Левшинъ, авторъ многихъ сочиненій по части хо-
зяйственной.

42. Дороги наши — садъ для глазъ:
Деревья, съ дерномъ валъ, канавы;
Работы много, много славы,
Да жаль, проѣзда нѣть подъ часъ.
Съ деревьевъ, на часахъ стоящихъ,
Проѣжимъ мало барыша;
Дорога, скажешь, хороша —
И вспомнишь стихъ: для проходящихъ !
Свободна Русская Ѣзда
Въ двухъ только случаяхъ: когда
Нашъ Макъ - Адамъ, или Макъ - Ева
Зима свершитъ, треща отъ гнѣва,
Опустошительный набѣгъ,
Путь окуетъ чугуномъ льдистымъ,
И запорошитъ ранній снѣгъ
Слѣды ея пескомъ пушистымъ.
Или когда поля проймѣтъ
Такая знойная засуха,
Что черезъ лужу можетъ въ бродъ
Пройти, глаза зажмуря, муха.

(С танція. Князь Вяземскій).

45. Сравненіе, заимствованное у К***, столь извѣст-
наго игривостію воображенія. К... рассказывалъ, что буду-
учи однажды посланъ курьеромъ отъ Князя Потемкина
къ Императрицѣ, онъ Ѣхалъ такъ скоро, что шпага его,
высунувшись концемъ изъ телѣжки, стучала по вер-
стамъ, какъ по частоколу.

47. Rout, вечернее собраніе безъ танцевъ, собственно
значить толпа.

lib.pushkinskijdom.ru

Отрывки изъ путешествія Онѣгина.

Послѣдняя Глава Евгенія Онѣгина издана была особо, съ слѣдующимъ предисловіемъ:

«Пропущенные строфы подавали неоднократно поводъ къ порицанію и насмѣшкамъ (впрочемъ весьма справедливымъ и остроумнымъ). Авторъ чистосердечно признается, что онъ выпустилъ изъ своего романа цѣлую Главу, въ коей описано было путешествіе Онѣгина по Россіи. Отъ него зависѣло означить сю выпущенную Главу точками или цифромъ; но въ избѣжаніе соблазна, рѣшился онъ лучше выставить, вмѣсто девятаго нумера, осьмой надъ послѣдней Главою Евгенія Онѣгина, и по-жертвовать одною изъ окончательныхъ строфъ:

Пора: перо покоя просить;
Я девять пѣсенъ написалъ;
На берегъ радостный выносить
Мою ладью девятый валъ —
Хвала вамъ, девяти Каменамъ, и проч.»

П. А. Катенинъ (коему прекрасный поэтическій талантъ не мѣшаетъ быть и тонкимъ критикомъ) замѣтилъ намъ, что сіе исключеніе, можетъ быть и

выгодное для читателей, вредить однако жъ плану цѣлаго сочиненія; ибо чрезъ то переходъ отъ Татьяны, уѣздной барышни, къ Татьянѣ, знатной дамѣ, становится слишкомъ неожиданнымъ и необыкновеннымъ. — Замѣчаніе, обличающее опытнаго художника. Авторъ самъ чувствовалъ справедливость онаго, но рѣшился выпустить эту Главу по причинамъ, важнымъ для него, а не для публики. Нѣкоторые отрывки были напечатаны; мы здѣсь ихъ помѣщаемъ, присовокупивъ къ нимъ еще нѣсколько строфъ.

Е. Онѣгинъ изъ Москвы ёдетъ въ Нижній Новгородъ:

..... . передъ нимъ
Макарьевъ суетно хлопочетъ,
Кипитъ обиліемъ своимъ.
Сюда жемчугъ привезъ Индеецъ,
Поддѣльны вины Европеецъ,
Табунъ бракованныхъ коней
Пригналь заводчикъ изъ степей;
Игрокъ привезъ свои колоды
И горсть услужливыхъ костей,
Помѣщикъ спѣлыхъ дочерей,
А дочки — прошлогодни моды.
Всякъ суетится, лжеть за двухъ,
И всюду меркантильный духъ.

**
*

Тоска!...

Онѣгинъ ёдетъ въ Астрахань, и оттуда на Кавказъ.

Онъ видитъ, Терекъ своенравный
Крутые роетъ берега;
Предъ нимъ паритъ орелъ державный,
Стоитъ олень, склонивъ рога;
Верблюдъ лежитъ въ тѣни утеса,

Въ лугахъ несется конь Черкеса,
И вкругъ кочующихъ шатровъ
Пасутся овцы Калмыковъ.
Въ дали — Кавказскія громады:
Къ нимъ путь открытъ. Пробилась брань
За ихъ естественную грань,
Чрезъ ихъ опасныя преграды;
Брега Арагвы и Куры
Узрѣли Русскіе шатры.

**
*

Уже пустыни сторожъ вѣчный,
Стѣсненный холмами вокругъ,
Стоитъ Бешту остроконечный
И зеленѣющій Машукъ,
Машукъ, податель струй цѣлебныхъ;
Вокругъ ручьевъ его волшебныхъ
Больныхъ тѣснится блѣдный рой;
Кто жертва чести боевой,
Кто Почечуя, кто Киприды;
Страдалецъ мыслить жизни нить
Въ волнахъ чудесныхъ укрѣпить,
Кокетка, злыхъ годовъ обиды
На днѣ оставить, а старикъ
Помолодѣть — хотя на мигъ.

**

Питая горьки размышленья,
Среди печальной ихъ семьи,
Онѣгинъ взоромъ сожалѣнья
Глядитъ на дымныя струи,
И мыслить, грустью отуманенъ:
Заѣмъ я пулей въ грудь не раненъ?
Зачѣмъ не хилой я старикъ,
Какъ этотъ бѣдный откупщикъ?
Зачѣмъ, какъ Тульскій Засѣдатель,

Я не лежу въ параличѣ?
Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
Хоть ревматизма? — Ахъ, Создатель!
Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка;
Чего мнѣ ждать? тоска, тоска!...

Онѣгинъ посѣщаетъ потомъ Тавриду;
Воображенью край священный:
Съ Атридомъ спорилъ тамъ Пиладъ,
Тамъ закололся Митридатъ,
Тамъ пѣлъ Мицкевичъ вдохновенный
И, посреди прибрежныхъ скалъ,
Свою Литву воспоминалъ.

**

Прекрасны вы, брѣга Тавриды,
Когда васть видишь съ корабля
При свѣтѣ утренней Киприды,
Какъ васть впервой увидѣлъ я;
Вы мнѣ предстали въ блескѣ брачномъ:
На небѣ синемъ и прозрачномъ
Сіяли груды вашихъ горъ,
Долинъ, деревьевъ, сель узоръ
Разостланъ быль передо мною.
А тамъ, межъ хижинокъ Татаръ....
Какой во мнѣ проснулся жаръ!
Какой волшебною тоскою
Стѣснялась пламенная грудь!
Но, Муза! прошлое забудь.

**

Какія бѣ чувства ни таились
Тогда во мнѣ — теперь ихъ нѣть:
Они прошли иль измѣнились....
Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
Въ ту пору мнѣ казались нужны

Пустыни, волнъ края жемчужны,
И моря шумъ, и груды скаль,
И гордой дѣвы идеалъ,
И безъименные страданья...
Другіе дни, другіе сны;
Смирились вы, моей весны
Высокопарныя мечтанья,
И въ поэтическій бокаль
Воды я много подмѣшалъ.

**

Иныя нужны мнѣ картины:
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренкія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи —
Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ,
Раздолье утокъ молодыхъ;
Теперь мила мнѣ балалайка
Да пьяный топотъ трепака
Передъ порогомъ кабака.
Мой идеалъ теперь — хозяйка,
Мои желанія — покой,
Да щей горшокъ, да самъ большой.

**

Порой дождливою намедни
Я, завернувъ на скотный дворъ...
Тьфу! прозаическая бредни,
Фламандской школы пестрый соръ!
Таковъ ли былъ я, разцвѣтая?
Скажи, Фонтанъ Бахчисарая!
Такія ль мысли мнѣ на умъ
Навелъ твой безконечный шумъ,
Когда безмолвно предъ тобою

Зарему я воображалъ....
Средь пышныхъ, опустѣлыхъ залъ,
Спустя три года, вслѣдъ за мною,
Скитаясь въ той же сторонѣ,
Онѣгинъ вспомнилъ обо мнѣ.

**

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной...
Тамъ долго ясны небеса,
Тамъ хлопотливо торгъ обильной
Свои подъемлетъ паруса;
Тамъ все Европой дышеть, вѣеть,
Все блещетъ Югомъ и пестрѣеть
Разнообразностю живой.
Языкъ Италіи златой
Звучить по улицѣ веселой,
Гдѣ ходитъ гордый Славянинъ,
Французъ, Испанецъ, Армянинъ,
И Грекъ, и Молдаванъ тяжелой,
И сынъ Египетской земли,
Корсаръ въ отставкѣ, Морали.

**

Одессу звучными стихами
Нашъ другъ Туманскій описалъ,
Но онъ пристрастными глазами
Въ то время на нее взиралъ.
Пріѣхавъ онъ прямымъ Поэтомъ,
Пошелъ бродить съ своимъ лорнетомъ
Одинъ надъ моремъ — и потомъ
Очаровательнымъ перомъ
Сады Одесскіе прославилъ.
Все хорошо, но дѣло въ томъ,
Что степь нагая тамъ кругомъ;
Кой-гдѣ недавный трудъ заставилъ
Младыя вѣтви въ знойный день
Давать насильственную тѣнь.

**

А гдѣ, бишь, мой разсказъ несвязной?
Въ Одессѣ пыльной, я сказалъ.
Я бѣ могъ сказать: въ Одессѣ грязной —
И тутъ бы право не солгалъ.
Въ году недѣль пять-шесть Одесса,
По волѣ бурнаго Зевеса,
Потоплена, запруженна,
Въ густой грязи погружена.
Всѣ дома на аршинъ загрязнутъ,
Лишь на ходуляхъ пѣшеходъ
По улицѣ дерзаетъ въ бродъ;
Кареты, люди тонутъ, вязнутъ,
И въ дрожкахъ воль, рога склоня,
Смѣняетъ хилаго коня.

**

Но ужъ дробитъ каменья молотъ,
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный городъ,
Какъ будто кованной броней.
Однако въ сей Одессѣ влажной
Еще есть недостатокъ важной;
Чего бѣ вы думали? — воды.
Потребны тяжкіе труды....
Что жъ? это небольшое горе?
Особенно, когда вино
Безъ пошлины привезено.
Но солнце южное, но море....
Чего жъ вамъ болѣе, друзья?
Благословенные края!

**

Бывало, пушка заревая
Лишь только грянетъ съ корабля,
Съ крутаго берега сбѣгая,

Ужъ къ морю отправляюсь я.
Потомъ за трубкой раскаленной,
Волной соленої оживленной,
Какъ Мусульманъ въ своеемъ раю,
Съ Восточной гущей кофе пью.
Иду гулять. Ужъ благосклонный
Открыть Casino; чашекъ звонъ
Тамъ раздается; на балконъ
Маркёръ выходитъ полусонный
Съ метлой въ рукахъ, и у крыльца
Уже сошлися два купца.

* * *

Глядишь и площадь запестрѣла.
Все оживилось; здѣсь и тамъ
Бѣгутъ за дѣломъ и безъ дѣла,
Однако больше по дѣламъ.
Дитя расчета и отваги,
Идетъ купецъ взглянуть на флаги,
Провѣдать, шлютъ ли небеса
Ему знакомы паруса.
Какіе новые товары
Вступили нынче въ карантинъ?
Пришли ли бочки жданныхъ винъ?
И что чума? и гдѣ пожары?
И нѣтъ ли голода, войны,
Или подобной новизны?

* * *

Но мы, ребята безъ печали,
Среди заботливыхъ купцовъ,
Мы только устрицъ ожидали
Отъ Цареградскихъ береговъ.
Что устрицы? пришли! О радость!
Летить обжорливая младость
Глотать изъ раковинъ морскихъ

Затворницъ жирныхъ и живыхъ,
Слегка обрызгнутыхъ лимономъ.
Шумъ, споры — легкое вино
Изъ погребовъ принесено
На столъ услужливымъ Отономъ;*
Часы летятъ, а грозный счетъ
Межъ тѣмъ невидимо растетъ.

**

Но ужъ темнѣеть вечеръ синій,
Пора намъ въ Оперу скорѣй:
Тамъ упоительный Россини,
Европы баловень — Орфей.
Не внемля критикѣ суровой,
Онъ вѣчно тотъ же, вѣчно новой,
Онъ звуки льетъ — они кипятъ,
Они текутъ, они горятъ,
Какъ поцѣлуи молодые,
Всѣ въ нѣгѣ, въ пламени любви,
Какъ зашипѣвшаго Аи
Струя и брызги золотые...
Но, господа, позволено ль
Съ виномъ равнять do-re-mi-sol?

**

А только ль тамъ очарованій?
А разыскательный лорнетъ?
А закулисныя свиданья?
А *prima dona*? а балетъ?
А ложа, гдѣ, красой блестая,
Негоціантка молодая,
Самолюбива и томна,
Толпой рабовъ окружена?
Она и внемлетъ и не внемлетъ

* Извѣстный рестораторъ въ Одессѣ.

И каватинъ, и мольбамъ,
И шуткѣ съ лестью пополамъ...
А мужъ — въ углу за нею дремлетъ,
Въ просонкахъ форы закричитъ,
Зѣвнетъ — и снова захрапитъ.

* *

Финалъ гремитъ; пустѣетъ зала;
Шумя, торопится разъѣздъ;
Толпа на площадь побѣжала
При блескѣ фонарей и звѣздъ.
Сыны Авзоніи счастливой
Слегка поютъ мотивъ игривой,
Его невольно затвердивъ,
А мы ревемъ речитативъ.
Но поздно. Тихо спить Одесса;
И бездыханна и тепла.
Нѣмая ночь. Луна взошла,
Прозрачно-легкая завѣса
Объемлетъ небо. Все молчитъ;
Лишь море Черное шумитъ...

* *

И такъ я жилъ тогда въ Одессѣ...

Многим
из читателей.

—

lib.pushkinskijdom.ru

Исторія создания „Евгения Онѣгина“.

4 ноября 1823 года, тогда, когда уже была закончена первая глава и написано не меньше половины второй главы «Евгения Онѣгина», Пушкинъ писалъ князю П. А. Вяземскому: «Что касается до моихъ занятій, я теперь пишу не романъ, а романъ въ стихахъ — дьявольская разница. Въ родѣ Донъ-Жуана. — О печати и думать нечего; пишу спустя рукава. Цензура наша такъ своенравна, что съ нею невозможно и размѣрить круга своего дѣйствія — лучше обѣ ней и не думать — а если братъ, такъ братъ, — не то что и когтей марать.» «Не романъ, а романъ въ стихахъ — дьявольская разница»... Въ предисловіи къ первому изданію первой главы Пушкинъ говорилъ: «Вотъ начало большаго стихотворенія, которое, вѣроятно, не будетъ окончено.... Дальновидные критики замѣтятъ конечно недостатокъ плана..... Но да будетъ намъ позволено обратить вниманіе читателей на достоинства, рѣдкія въ сатирическомъ писателѣ: отсутствіе оскорбительной личности и наблюденіе строгой благопристойности въ шуточномъ описаніи нравовъ.» А въ предпослѣдней строфѣ послѣдней главы поэтъ вспоминалъ о томъ, какъ

Промчалось много, много дней
Съ тѣхъ поръ, какъ юная Татьяна
И съ ней Онѣгинъ въ смутномъ снѣ
Явилися впервые мнѣ —
И даль свободного романа
Я сквозь магическій кристалъ
Еще не ясно различалъ.

Все говорить о томъ, что приступая къ своему роману (и даже уже работая надъ нимъ), Пушкинъ менѣе всего думалъ о самомъ «романѣ», о его планѣ, о герояхъ, объ интригѣ, о развитіи сюжета: не о романѣ, а о романѣ «въ стихахъ» (удареніе на «стихахъ» — «дьявольская разница!») думаетъ онъ, допускаеть, что это «большое стихотвореніе» не будетъ окончено и еще не различаетъ (да и не заботится объ этомъ) « даль свободного романа». Содержаніе «большого стихотворенія»? — Въ предисловіи къ своему роману (прежнемъ посвященіи П. А. Плетневу) поэтъ исчерпывающе опредѣляетъ его:

Собранье пестрыхъ главъ,
Полу-смѣшныхъ, полу-печальныхъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Бессонницъ, легкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Ума холодныхъ наблюдений
И сердца горестныхъ замѣтъ.

«Въ родѣ Донъ-Жуана» — въ родѣ пестрыхъ строфъ поэмъ Байрона съ частыми отступленіями. Первоначально романъ и былъ задуманъ въ качествѣ сатирическаго «стихотворенія», и въ первыхъ двухъ главахъ поэтъ дѣйствительно «захлебывался желчью», но съ третьей главы сатира все болѣе и болѣе вытѣснялась чистой лирикой, лирика — Татьяна (въ третьей главѣ находится письмо ея) побѣждала сатиру — Онѣгина (въ томъ, что касается до развитія психологического романа, «Евгений Онѣгинъ» болѣе еще, чѣмъ съ поэмами Байрона, связанъ съ «Рене» Шатобріана и — еще болѣе — съ «Адольфомъ» Бенжамена Констана). Въ 1823-1824 г.г. Пушкинъ говорилъ о сатирѣ и «цинизмѣ» «Евгения Онѣгина», въ 1825 году онъ иначе уже писалъ (А. А. Бестужеву): «....все-таки ты не правъ, все-таки ты смотришь на Онѣгина не съ той точки, все-таки онъ лучшее произведеніе мое. Ты сравниваешь первую главу съ Д. Ж. — Никто болѣе меня не уважаетъ Д. Ж. (первая 5 пѣсень — другихъ не читаль), но въ немъ нѣтъ ничего общаго съ Онѣг. Ты говоришь о сатирѣ англичанина Байрона и сравниваешь ее съ мою, и требуешь отъ меня таковой же! Нѣтъ, моя душа, многаго хочешь. Гдѣ у меня сатира? о ней и помину нѣтъ въ Евг. Он. У меня бы затрещала

набережная, если бъ коснулся я сатиры. Самое слово сатирическій не должно бы находиться въ предисловіи. Дождись другихъ пѣсенъ....»

При томъ отсутствіи плана, съ которымъ Пушкинъ приступалъ къ созданію «Евгенія Онѣгина» («и даль свободного романа я сквозь магической кристаль еще не ясно различалъ»), при той борьбѣ сатирическаго замысла съ побѣждавшей его чистой лирикой, при той и длительности времени писанія и при большихъ перерывахъ въ писаніи романа, и двойственности романа и «пестрыхъ строфъ», приходится поражаться цѣльности «Евгенія Онѣгина». «Евгений Онѣгинъ», самое значительное (и любимое) произведеніе Пушкина, конечно, цѣленъ, но цѣленъ не строгой проведенностю плана, не соразмѣрностью частей и элементовъ (какъ можно говорить о соразмѣрности частей романа, задуманного въ трехъ частяхъ, когда первая часть занимаетъ шесть главъ, а двѣ другія части — всего двѣ главы, когда медленность развитія романа въ первыхъ главахъ вдругъ замѣняется стремительностью повѣствованія — досказыванія романа въ послѣднихъ главахъ, когда лирическія отступленія такъ неравномѣрно распределены, что однѣ главы состоять почти сплошь изъ однихъ лирическихъ отступленій, а въ другихъ главахъ почти вовсе нѣтъ отступленій!), — цѣльность «Евгенія Онѣгина» заключается не въ строго обдуманномъ и проведенномъ планѣ, а въ отсутствіи всякаго плана, въ особыхъ условіяхъ, въ особенной формѣ свободнаго лирическаго романа. Цѣльность поэтическаго созданія, гармонія разнообразнаго цѣлаго объясняется единствомъ и цѣльностью поэтической личности Пушкина, выраженной въ романѣ.

Поэтическая личность Пушкина въ теченіе того десятилѣтія, въ которое создавался «Евгений Онѣгинъ», постоянно измѣнялась, росла и развивалась, но и въ своемъ развитіи, порой чудесно стремительномъ, оставалась цѣльной и единой. Поэтическая личность Пушкина, такъ полно выраженная въ романѣ, нашла для себя лучшую форму свободного лирическаго романа, и только эта форма могла обеспечить поэтическую цѣльность «Евгенія Онѣгина», несмотря на то, что онъ создавался въ теченіе десятилѣтія, несмотря даже на невыдержанность плана. Не ходъ романа, не нить его и интрига создали единство и цѣльность, а лирика Пушкина, ор-

ганически единая и цѣльная въ своемъ могучемъ геніальномъ развитіи лирика, которая органически связана съ романомъ и которая составляетъ едва-ли не самую существенную часть романа — душу «Евгения Онѣгина», въ то время, какъ сюжетная рамка романа составляетъ всего на всѣго рамку, канву, которой суждено было съ самаго начала играть композиціонную роль скрѣпленія, сцѣпленія лирическихъ отступленій (правда, «Евгений Онѣгинъ» часто выходилъ изъ своей рамки, и самый романъ начинай порой играть доминирующую роль). Такъ органически связана лирика Пушкина съ его романомъ, что нельзя изучать «Евгения Онѣгина» внѣ связи съ его лирическимъ творчествомъ.

«Въ родѣ Донъ-Жуана».... «Донъ-Жуанъ» Байрона состоитъ изъ ряда строфъ; изъ ряда строфъ, «онѣгинскихъ» строфъ, состоитъ «Евгений Онѣгинъ», — и изобрѣтенная Пушкинымъ строфа въ большой степени обусловила характеръ его произведенія. Эта строфа была впервые найдена поэтомъ въ апрѣлѣ 1822 года, когда онъ задумывалъ лирический романъ «Таврида» (начало «Тавриды» впослѣдствіи вошло въ «Евгения Онѣгина») и, съ очень незначительными измѣненіями, Пушкинъ принялъ ее для «Евгения Онѣгина». Обозначая ударяемые слоги значкомъ —, неударяемые о, прописной буквой женскія риѳмы и маленькой мужскія, мы получаемъ такую схему строфы изъ 14 стиховъ, заключающей въ себѣ три четверостишия, построенные каждое по-особому, и заключительное двустишіе:

1-ое четверостишіе: о — о — о — о — о А

о — о — о — о — а

о — о — о — о — о А

о — о — о — о — а

2-ое четверостишіе: о — о — о — о — о Б

о — о — о — о — о Б

о — о — о — о — б

о — о — о — о — б

3-ье четверостишіе: о — о — о — о — о В

о — о — о — о — в

о — о — о — о — в

о — о — о — о — о В

Двустишіе. о — о — о — о — г

о — о — о — о — г

Это разнообразіе строфы оживило обыкновенный четырехстопный ямбъ, это разнообразіе въ строеніи стро-

фы сдѣлало то, что стихъ «Евгения Онѣгина» не утомляетъ и не надоѣдаетъ, несмотря на видимое однообразіе размѣра — весь романъ написанъ четырехстопнымъ ямбомъ¹⁾), одинаковыми музикально богато и разнообразно построенными строфами.

Каждая строфа распадается на три маленькия строфы и коду, заканчивающую строфу. Такимъ образомъ каждая строфа представляетъ собой нѣчто музикально и, что естественно влечетъ за собою, логически законченное и самостоятельное цѣлое. Законченность, самостоятельность строфы, распаденіе главы на цѣлый рядъ какъ бы самостоятельныхъ стихотвореній способствовало лирическимъ отступленіямъ и «пестротѣ» строфъ, ихъ разнообразію (что было бы гораздо затруднительнѣе, если бы поэтъ взялъ, допустимъ, форму терцины, музикальное строеніе которой, цѣпь связанныхъ риѳмою трехстишій, влечетъ за собою и логическую непрерывную цѣпь разсказа; рядъ одинаковыхъ четверостишій также затруднилъ бы лирическія отступленія). Музикальное разнообразіе внутри строфы (см. выше чередованіе мужскихъ и женскихъ риѳмъ) позволяло поэту разнообразить музы-

¹⁾ Нужно, впрочемъ, замѣтить, что въ «Евгениѣ Онѣгинѣ» не столько соблюдаются система четырехстопнаго ямба, сколько разрушается. Въ качествѣ образца приведемъ вторую строфиу первой главы, которая имѣеть такой рисунокъ (и у каждой строфы свой рисунокъ), не позволяющій ее читать такъ, какъ мы скандируемъ чистый ямбъ «Такъ думалъ молодой повѣса»):

о — о | о о — | о — о
о — | о — | о о о —
о — о | — о о | о — о
о — о | — о о | о —
о — | о — о | о о — о
о — о | о о — | о — о
о о о — о | о о —
о — о | о о — о | -
о — о | — о | о — о
о — о | о о — | о —
о — о о | о — о |
о о о — о | о о — о
о — о о | о — | о —
о — о | — о | о о —

кально-ритмическую и логическую рѣчь рассказа, давало ему возможность и среди строфы дѣлать переходы и повороты мысли; такие повороты поэту дѣлаетъ въ разныхъ четверостишияхъ, но чаще всего логическая точки (законченность мысли) находятся послѣ восьмого стиха, что вполнѣ естественно, такъ какъ наиболѣе рѣзко строфа распадается на двѣ части (первые два четверостишия съ чередованіями двухъ мужскихъ и двухъ женскихъ риомъ и шесть заключительныхъ стиховъ съ двумя женскими и четырьмя мужскими риомами). «Онѣгинская строфа» позволяла Пушкину «забалтываться до нельзяя», и эта «болтовня» и лирически прекрасный образъ Татьяны¹⁾ явились причиной того,

¹⁾ Вполнѣ соглашаясь съ оцѣнкой С. Лифаря объективного образа Татьяны, мы считаемъ, что онъ недостаточно подчеркнулъ значеніе въ творчествѣ Пушкина лирическаго образа Татьяны — музы поэта: авторъ очерка «Герои «Евгения Онѣгина» не обратилъ достаточнаго вниманія на первые строфы восьмой главы, въ которыхъ Пушкинъ говоритъ о своей Музѣ:

Вдругъ измѣнилось все кругомъ:
И вотъ она въ саду моемъ
Явилась барышней уѣздной,
Съ печальной думою въ очахъ,
Съ французской книжкою въ рукахъ.

С. Лифарь не затрагиваетъ и другого важнаго вопроса, касающагося героевъ «Евгения Онѣгина» — ихъ житейскихъ прототиповъ. Вопросъ о прототипахъ вообще очень трудный и сложный — и гѣмъ болѣе важный, что онъ вводить въ творческую лабораторію поэта, вскрываетъ его творческий процессъ и говорить объ особенностяхъ творческихъ приемовъ. Выводы, которые мы можемъ сдѣлать на основаніи изученія прототиповъ «Евгения Онѣгина», показательны не только для «Евгения Онѣгина», но и для всего творчества Пушкина. Съ полной опредѣленностью можно говорить только о двухъ прототипахъ и — случайно ли это? — какъ разъ второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ — няни Татьяны, няни самого поэта, Арины Родионовны, и Зарѣцкаго — давняго врага Пушкина, «американца» Толстого. И даже въ этихъ двухъ портретахъ, какъ будто списанныхъ, по свидѣтельству самого автора, съ натуры, мы съ большимъ трудомъ узнаемъ ихъ ориги-

что «Евгений Онѣгинъ» былъ любимымъ трудомъ Пушкина, вѣрнымъ спутникомъ большей половины его поэтической жизни-творчества, съ которымъ ему было трудно разставаться:

Прости жъ и ты, мой спутникъ странный,
И ты, мой вѣрный идеаль,
И ты, живой и постоянный,
Хоть малый трудъ. Я съ вами зналъ
Все, что завидно для поэта....

налы: въ прекрасномъ образѣ няни не осталось индивидуальныхъ чертъ Арины Родіоновны, и она превратилась въ типической образѣ русской помѣщичьей няни (сливающейся, между прочимъ, съ образомъ няни въ «Дубровскомъ»), а сатирическая переработка, обострившая рѣзкія черты Зарѣцкаго, сдѣлала его совершенно новымъ лицомъ, въ которомъ трудно узнать знаменитаго бретера 20-хъ годовъ прошлаго вѣка. Такова особенность творческаго процесса Пушкина, кото-раго творческое воображеніе уводить далеко отъ простого копированія зоркимъ глазомъ наблюдаемой имъ жизни: и тогда, когда Пушкинъ пишетъ съ натуры, онъ не можетъ подрѣзать крылья своего вдохновенія и всегда не копируетъ, не списываетъ, а образы вѣаетъ.

А тѣ, съ которыхъ образованъ
Татьяны милый идеаль....

Въ этомъ двустишии послѣдней строфы послѣдней главы «Евгения Онѣгина» (какъ оно читается въ чистовой рукописи) мы подчеркиваемъ слово «образованъ» (говорящее о творческомъ созданіи поэтическихъ образовъ), а не слово «тѣ», какъ будто бы свидѣтельствующее (и въ известной степени подкрѣпляющее мнѣніе С. Лифаря о двойственности и даже множественности образа Татьяны) о томъ, что создавая образъ Татьяны, Пушкинъ имѣлъ не одинъ, а нѣсколько прототиповъ. Такое утвержденіе было бы слишкомъ рискованнымъ, ибо въ этой же рукописи первоначально было написано иначе — и такъ Пушкинъ и печаталъ во всѣхъ изданіяхъ:

А та, съ которой образованъ
Татьяны милый идеаль....

Можно гадать о томъ, въ какомъ чтеніи нужно видѣть признаніе и въ какомъ желаніе скрыть житейскую ос-

Разставаясь съ своимъ любимымъ трудомъ, поэтъ
посвятилъ ему и стихотвореніе «Трудъ»:
Мигъ вожделѣнныій насталъ: оконченъ мой трудъ
многолѣтній.

Что жъ непонятная грусть тайно тревожитъ меня?
Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ поденщикъ
ненужный,

Плату пріявшій свою, чуждый работѣ другой;
Или жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатовъ святыхъ?
Такъ писалъ Пушкинъ въ 1830 году, заканчивая девя-
тую главу романа (и, очевидно, прервавъ тогда же на-
чатую десятую), — о своемъ семилѣтнемъ трудѣ. Но

нову. Но что совершенно, абсолютно несомнѣнно, это то, что образъ любимой героини Пушкина ни съ кого не списанъ, а образованъ — и образованъ такъ творчески ново, что до сихъ поръ всѣ не много-
численныя, а безчисленныя попытки назвать ту, съ которой образованъ «Татьяны милый идеалъ» (а кого только ни называли наши пушкинисты, пушкиніанцы и пушкиновѣды!) терпѣли полнѣйшую неудачу; да и самая двойственность образа Татьяны обрекаетъ на неудачи и впредь подобного рода попытки съ явно негодными средствами (ибо онъ зиждятся на заблужденіи — на той предпосылкѣ, что Пушкинъ съ кого-то списывалъ своихъ героеvъ). И то же самое можно сказать объ Онѣгинѣ, Ленскомъ и Ольгѣ (любопытная вещь: даже едва набросанный и заимствованный изъ «Опаснаго сосѣда» В. Л. Пушкина Буяновъ мало похожъ на героя знаменитой поэмы-повѣсти дяди Пушкина!). Въ качествѣ прототиповъ Евгения Онѣгина называли и Чаадаева, и Каверина, и самого Пушкина..... Но самое большее, что можно сказать объ Онѣгинѣ, это то, что онъ той или другой чертой напоминаетъ того или другого знакомца и пріятеля Пушкина, но что и Онѣгинъ ни съ кого не списанъ. Назывались прототипы и для Ленскаго — и настойчивѣе всего фигурировало имя В. К. Кюхельбекера. Принявъ это мнѣніе (равно какъ и другія — о другихъ прототипахъ), мы придемъ къ тѣмъ же самымъ выводамъ (и это только и важно для разрѣшенія вопросовъ, касающихся психологии творчества Пушкина), что и отвергнувъ его: такъ непохожъ В. К. Кюхельбекеръ на Ленскаго, что

«Евгенію Онѣгину» суждено было занимать творческое воображение Пушкина не семь лѣтъ, а гораздо больше. Поторопившись въ 1830 году кончить романъ (о чёмъ впослѣдствіи онъ не могъ не жалѣть), поэтъ въ слѣдующемъ же, 1831 году снова обратился къ своему труду: исключивъ для печати восьмую главу (и сохранивъ ее только въ качествѣ «Отрывковъ изъ путешествія Онѣгина»), онъ принужденъ былъ передѣлать и девятую главу, ставшую теперь восьмой. Бодро-грустно распрошавшись со своимъ романомъ —

Блаженъ, кто праздникъ жизни рано
Оставилъ, не допивъ до дна
Бокала полнаго вина,
Кто не дочель ея романа
И вдругъ умѣль разстаться съ нимъ,
Какъ я съ Онѣгинымъ моимъ, —

Пушкинъ скоро почувствовалъ незаконченность своего романа, своего любимаго и самаго большого труда и неоднократно дѣлалъ попытки его продолжать, то связывая его съ другими своими замыслами (такъ, имѣется рукопись «Родословной моего героя», въ которой поэтъ началъ замѣнять «Езерскихъ» — «Онѣгиными»), то — какъ это было въ 1835 году — начиная самостоятельное продолженіе романа, и наталкиваясь на не преоборимыя трудности. 16 сентября 1835 года Пушкинъ написалъ слѣдующія двѣ вступительныя строфы къ продолженію «Евгенія Онѣгина» (такимъ образомъ съ «Евгеніемъ Онѣгинымъ» связано четырнадцать лѣтъ жизни Пушкина, принимая во вниманіе,

если онъ даже и послужилъ натурой для созданія образа Ленскаго, то и послѣдній, какъ и Татьяна, какъ и Онѣгинъ, ни съ кого не списанъ. Кажется, можно не ставить вопроса о прототипѣ Ольги — рисуя этотъ образъ, Пушкинъ старательно стираетъ въ немъ всѣ индивидуальные черты:

Улыбка, локоны льняные,
Движенія, голосъ, легкій станъ,
Все въ Ольгѣ.... но любой романъ
Возьмите, и найдете вѣрно
Ея портретъ: онъ очень милъ;
Я прежде самъ его любилъ,
Но надоѣль онъ мнѣ безмѣрино.....

что въ первой главѣ есть строфа, написанная еще весною 1822 года):

Въ мои осенніе досуги,
Въ тѣ дни, какъ любо мнѣ писать,
Вы мнѣ совѣтуете, други,
Разсказъ забытый продолжать.
Вы говорите справедливо,
Что странно, даже неучтиво
Романъ не кончивъ перервать,
Отдавъ его уже въ печать;
Что должно своего Героя
Какъ бы то ни было женить,
По крайней мѣрѣ, уморить, —
И лица прочія пристроя,
Отдавъ имъ дружескій поклонъ,
Изъ лабиринта высдать вонъ.

**

Вы говорите: слава Богу,
Покамѣстъ твой Онѣгинъ живъ,
Романъ не конченъ, понемногу
Пиши жъ его: не будь лѣнивъ.
Со славы, внявъ ея призванью,
Сбирай оброкъ хвалой и бранью;
Рисуй и франтовъ городскихъ,
И милыхъ барышень своихъ,
Войну и балъ, дворецъ и хату,
Чердакъ и келью и гаремъ, —
И съ нашей публики межъ тѣмъ
Бери умѣренную плату:
За книжку по пяти рублей —
Налогъ не тѣгостный, ей-ей.

И въ 1835 году Пушкинъ предполагалъ писать такія же «пестрыя строфы» самаго разнообразнаго содержанія, — и въ этихъ строфахъ отчетливо видно, что Пушкинъ сознавалъ, что его романъ не конченъ, а прерванъ. Казалось бы, разъ Онѣгинъ остался живъ въ послѣдней главѣ, легко было бы и продолжать романъ о немъ (въ томъ, что касается до Татьяны, то ея романъ настолько законченъ, ея рѣшеніе такое категорическое, ея слова — «Я буду вѣкъ ему вѣрна» — звучать такъ финально, что послѣ нихъ «она ушла» изъ романа навсегда и вернуть ее въ романъ больше уже невозможно). Но помимо того, что изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ «Евгения

Онѣгина» въ романѣ оставался одинъ Евгеній Онѣгинъ (а окружать его новыми дѣйствующими лицами значило бы писать новый романъ о томъ же героѣ), перерывы въ седьмой и восьмой главахъ не могли быть восполнены безъ нарушенія хронологического плана и хронологического единства. Какъ бы то ни было, несмотря на свое желаніе и попытки продолжать романъ, Пушкинъ не могъ этого сдѣлать, и «Евгеній Онѣгинъ» остался въ сущности неоконченнымъ произведеніемъ.

Рукописи Пушкина обнаруживаютъ громадную, хотя и не непрерывную работу поэта надъ романомъ, — Пушкинъ писалъ свой романъ полосами, «онѣгинскими» периодами (но не въ разбивку, какъ это раньше думали на основаніи свидѣтельства П. В. Анненкова, плохо разобравшагося въ черновикахъ «Евгения Онѣгина»). Однѣ главы, однѣ строфы давались поэту легко, надъ созданіемъ другихъ ему приходилось много работать; работа не прекращалась и послѣ переписки главы въ чистовую тетрадь: и послѣ этого поэтъ не переставалъ измѣнять однѣ, вычеркивать другія и писать третьи строфы.

Первая мысль лирическаго романа относится, какъ мы уже говорили выше, къ 16 апрѣля 1822 года, когда Пушкинъ написалъ вчернѣ строфи, включенную въ 1824 году, уже по окончаніи первой главы, въ «Евгения Онѣгина» (XXXII строфа первой главы), но этотъ романъ еще не былъ замысломъ «Евгения Онѣгина», задуманного только 9 мая 1823 года. Первые строфы первой главы были начаты въ Кишиневѣ ночью 28 мая. Вскорѣ, въ связи съ переѣздомъ въ Одессу, поэтъ прервалъ первую главу до осени 1823 года. 22 октября этого года въ Одессѣ первая глава была окончена, и, повидимому, на слѣдующій же день была начата вторая глава. Осень 1823 года была благотворная для «Евгения Онѣгина», — Пушкинъ, какъ онъ говорилъ, писалъ съ упоеніемъ и «захлебывался желчью»: въ это время были созданы главнѣйшая композиціонныя установки романа (въ то время еще сатирическаго), предопредѣлившія дальнѣйшее развитіе «Евгения Онѣгина» («далъ романа» уже начала «проясняться», хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ такъ, какъ потомъ «прояснилась»). Въ частности, вторая глава писалась особенно скоро: къ 3 ноября было готово уже больше 15 строфъ, а 8 декабря ночью была написана и послѣдняя строфа второй главы. Скорость въ писаніи второй главы, упоеніе имѣли

то дѣйствіе, что Пушкинъ въ ней «забалтывался до нельзя» и, при холодной провѣркѣ аналитического ума, многія строфы нашелъ лишними и исключилъ ихъ изъ романа, сокративъ почти на одну третью главу.

Третью главу Пушкинъ началъ только въ слѣдующемъ году — ночью 8 февраля 1824 года — и къ веснѣ этого года написалъ половину главы (до письма Татьяны). Начавшіяся вскорѣ послѣ этого непріятности съ графомъ Воронцовымъ разстраивали поэта и отрывали его отъ поэтическаго творчества. Только въ августѣ 1824 года, прѣхавъ въ Михайловское, Пушкинъ вновь обратился къ «Евгению Онѣгину» и ко 2 октября окончилъ третью главу: романъ начинай пріобрѣтать иной характеръ — сатира уступила мѣсто чистой лирикѣ (очевидно, большую роль въ этомъ сыграло письмо Татьяны). Вскорѣ по окончаніи третьей главы Пушкинъ началъ четвертую главу и къ 1 января 1825 года написалъ половину главы, кончая XXIII строфой («Что было слѣдствіемъ свиданья?»): такимъ образомъ за первые полтора года было написано немногимъ меньше половины всего романа. Въ то время, какъ первыя три главы (особенно, вторая) были написаны легко и просто, скоро и почти безъ переработокъ и передѣлокъ, созданіе четвертой главы отличалось большой сложностью. Въ первой половинѣ сентября 1825 года Пушкинъ писалъ П. А. Катенину: «4 пѣсни Онѣгина готовы и еще множество отрывковъ; но мнѣ не до нихъ» (подъ «множествомъ отрывковъ» слѣдуетъ разумѣть строфы обѣ Одессы, вошедшия въ первоначальную восьмую главу, напечатанную впослѣдствіи въ «Отрывкахъ изъ путешествія Онѣгина»): въ 1825 году Пушкинъ былъ слишкомъ поглощенъ работой надъ «Борисомъ Годуновымъ» (и задумывалъ и другія произведенія), и переломная глава «Евгения Онѣгина» явно не клеилась. И хотя, повидимому, къ началу сентября 1825 года Пушкинъ дѣйствительно уже окончилъ вчернѣ четвертую главу, но не переставалъ работать надъ нею и вскорѣ принялъся за основательную передѣлку, которую и закончилъ 3 января 1826 года. Передѣлка коснулась и начала главы, первоначально открывавшейся непосредственно исповѣдью Онѣгина, въ уста которого Пушкинъ вкладывалъ то, что впослѣдствіи выдѣлилъ въ лирическое вступленіе къ главѣ; много работалъ поэтъ и надъ серединой главы, которая была собственно заново написана, при чемъ Пушкинъ встап-

виль повѣствованіе объ Ольгѣ и Ленскомъ (послѣ разсказа о печальныхъ слѣдствіяхъ свиданья Татьяны съ Онѣгинымъ) вмѣсто повѣствованія объ отъѣздѣ Ларинныхъ въ Москву (что вошло впослѣдствіи въ седьмую главу).

3 января 1826 года — въ новомъ видѣ — четвертая глава была вполнѣ закончена, и на другой же день — 4 января — поэтъ приступилъ къ пятой главѣ. Созданіе пятой главы представляло полную противоположность четвертой: въ то время, какъ четвертая глава подвергалась постояннымъ кореннымъ измѣненіямъ, пятая глава почти вовсе не испытывала колебаній (едва ли не единственное колебаніе — въ томъ, что первоначально Татьяна падала въ обморокъ, увидѣвъ за столомъ противъ себя Онѣгина), не имѣла «лишнихъ» строфъ и сразу вылилась въ готовомъ видѣ. Пятая глава была написана въ нѣсколько пріемовъ (собственно, если не ошибаемся, въ два периода), при чмъ поэтъ писалъ порою въ одно утро большое количество строфъ.

Не многое знаемъ мы о созданіи шестой главы, т.-к. отъ нея дошли до насъ черновики только трехъ строфъ. Изъ того, что она была окончена въ Михайловскому 10 авгуаста 1826 года, приходится признать, что шестая глава создавалась и легко, и скоро.

Иначе обстояло дѣло съ седьмой главой, планъ которой неоднократно мѣнялся (въ седьмой главѣ предполагалось путешествіе Онѣгина и его альбомъ; Москва и Одесса — вотъ двѣ главныя составныя части первоначальной седьмой главы). Седьмая глава была начата въ Москвѣ 18 марта 1827 года (т. е. послѣ семимѣсячнаго перерыва — въ это время Пушкинъ вообще мало писалъ), и тогда, весною 1827 года, въ Петербургѣ и въ Москвѣ, поэтъ написалъ строфы, посвященные описанію Москвы (понятно, что «московскія» строфы, написанныя подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ въѣзда въ Москву и жизни въ московскомъ обществѣ, имѣютъ опредѣленно выраженный автобіографическій характеръ; въ черновикахъ путешествія есть и горкіе стихи о томъ, какъ закончилась жизнь поэта въ Москвѣ, такъ радостно и радушно принялъ его):

Его шпіономъ именуетъ,
Слагаетъ въ честь его стихи
И производить въ женихи.)

Вскорѣ Пушкинъ оторвался отъ «Евгенія Онѣгина» и вернулся къ седьмой главѣ въ самомъ началѣ 1828 года (или, что менѣе вѣроятно, въ самомъ концѣ 1827 года), обратившись на этотъ разъ къ созданію седьмой главы съ первой строфы. Къ 19 февраля 1828 года были написаны первыя 12 строфъ, а 5 апрѣля поэтъ уже писалъ альбомъ Онѣгина. Такимъ образомъ весною 1828 года было готово ядро седьмой главы — и начало, и московскія строфы. Въ ночь на 20 октября 1828 года Пушкинъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Малинники (тверское имѣніе Вульфовъ) и взялъ съ собою седьмую главу, а 4 ноября уже окончилъ работу надъ седьмой главой, написавъ новыя, недостававшія строфы и связавъ прежде написанныя.

Повидимому, прошелъ годъ, въ который Пушкинъ не касался своего романа. Первоначальную восьмую главу поэтъ началъ осенью 1829 года, но еще раньше — лѣтомъ 1825 года — онъ написалъ строфы, посвященные описанію Одессы. Къ 30 октября было готово уже все начало главы до строфы: «Онъ видить Терекъ своимравный», въ октябрѣ и ноябрѣ Пушкинъ продолжалъ писать главу и въ декабрѣ вполнѣ закончилъ ее (осенью 1830 года поэтъ, повидимому, только приводилъ въ порядокъ написанную въ разное время главу и написалъ одну строфиу — «И берегъ Сороти отлогій»).

Послѣдняя, въ то время девятая глава была начата 24 декабря 1829 года и создавалась въ теченіе зимы и весны 1830 года. Осенью Пушкинъ привезъ ее въ Болдино почти въ готовомъ видѣ и тамъ ее заканчивалъ и отдѣлывалъ. 25 сентября 1830 года поэтъ написалъ послѣднюю строфиу — романъ въ первоначальной редакціи былъ оконченъ. Вскорѣ послѣ этого, въ Болдинѣ же, въ октябрѣ 1830 года, Пушкинъ началъ и десятую главу, въ которой Онѣгинъ долженъ быть столкнуться съ декабристами, но на XVII-ой строфиѣ прервалъ свою работу — очевидно, потому, что не могъ надѣяться на возможность напечатанія ея (да и хранить въ рукописи ее было не безопасно), — и сжегъ начало главы, записавъ его особымъ шифромъ.

Въ 1831 году Пушкинъ уничтожилъ восьмую главу, черезъ что девятая глава стала восьмой и вслѣдствіе этого потребовала нѣкоторой переработки. Къ этой переработкѣ Пушкинъ и обратился лѣтомъ 1831 года (въ юлѣ-августѣ), когда онъ жилъ въ Царскомъ Селѣ: по-

этъ не ограничилъ необходи́мой переработкой, вызванной исключениемъ главы съ путешествіемъ Евгения Онѣгина (написаніемъ XIII-ой строфы — пересказомъ исключенного путешествія Онѣгина и вставкой нѣсколькихъ строфъ изъ путешествія) и очень существенно измѣнилъ первоначальную редакцію главы, ставшей теперь восьмой (переработка коснулась и начала — первыхъ четырехъ строфъ, и середины — кореннымъ образомъ была переработана картина петербургскаго высшаго свѣта и написано письмо Онѣгина къ Татьянѣ, — и послѣднихъ строфъ). Письмо Онѣгина къ Татьянѣ было написано 5 октября 1831 года — 5 октября 1831 послѣдня извѣстная намъ дата въ созданіи «Евгения Онѣгина».

Прежде, чѣмъ обратиться къ самой работѣ Пушкина надъ «Евгениемъ Онѣгина», необходимо сказать нѣсколько словъ о пропущенныхъ строфахъ, о систематическомъ искаженіи въ теченіе цѣлаго ряда десятилѣтій текста любимѣйшаго произведенія Пушкина. Пушкинъ писалъ: «Пропущенные строфы подавали неоднократно поводъ къ порицанію. Что есть строфы въ «Евгении Онѣгинѣ», которыхъ я не могъ или не хотѣлъ напечатать — этому дивиться нечего. Но будучи выпущены, онѣ прерываютъ связь рассказа, и поэту означается мѣсто, гдѣ быть имъ надлежало. Лучше было бы замѣнять эти строфы другими, или переправлять и сплавливать мною сохраненные. Но, виновать, на это я слишкомъ лѣнивъ. Смиренно сознаюсь также, что въ «Д. Жуанѣ» есть II выпущенные строфы». Эти слова Пушкина были поняты очень упрощенно — въ томъ смыслѣ, что Пушкинъ «не могъ» по цензурнымъ соображеніямъ и «не хотѣлъ» по временнымъ, личнымъ, интимнымъ причинамъ печатать нѣкоторыя строфы, и потому довоенные издатели «Евгения Онѣгина» во всѣхъ случаяхъ, когда могли (и когда не могли — нѣкоторыя строфы печатались въ фантастически безграмотномъ видѣ) вставляли выпущенная поэтомъ строфы «на свои мѣста». Отъ этой операциіи надъ художественной волей Пушкина происходили не только большія текстовыя ошибки, но, что гораздо важнѣе, искажалась художественная композиція романа, ибо, какъ это обнаруживаетъ изслѣдованіе пропущенныхъ строфъ, исключение Пушкинами строфъ съ обозначеніемъ цифрами мѣста, «гдѣ быть имъ надлежало», является чисто композиціоннымъ пріемомъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ какой бы то ни было цензурѣ.

Въ приведенной замѣткѣ Пушкинъ говорить о пропущенныхъ строфахъ, которая имѣютъ въ романѣ цифру, означающую «мѣсто, гдѣ быть имъ надлежало», но ничего не говорить о тѣхъ (гораздо болѣе многочисленныхъ) строфахъ, которая безслѣдно исчезли изъ романа, не оставивъ по себѣ никакой памяти въ видѣ римской цифры и многоточія (эти строфы, въ качествѣ черновыхъ, печатались обыкновенно среди примѣчаній, дополненій и проч.). Какова природа этихъ двухъ родовъ пропущенныхъ строфъ? Апріорное предположеніе о большей художественной завершенности и отдѣланности первого рода строфъ, о ихъ большей цѣнности по сравненію съ пропущенными строфами второго рода разбивается тотчасъ же при обращеніи къ рукописямъ Пушкина: какъ можно говорить о большей отдѣланности, когда нѣкоторая пропущенная строфа (какъ напр., XXXIX, XL и XLI-ая первой главы), никогда и не были написаны?! Очевидно, что отличіе ихъ заключается не въ этомъ, а совсѣмъ въ другомъ. Пушкинъ означалъ мѣсто пропущенной строфи даже въ тѣхъ случаяхъ (очень рѣдкихъ), когда строфы и вовсе не были написаны, но, по его мнѣнію, между строфами образовывался перерывъ, ходъ романа какъ будто требовалъ промежуточной строфи. Поэтъ ставилъ цифру пропущенной строфи и въ тѣхъ случаяхъ, когда строфа была только набросана, но осталась незаконченной и неотдѣленной (возможно, что поэтъ могъ наѣсться впослѣдствіи закончить ее и тогда вставить на свое мѣсто), между тѣмъ какъ безъ нея въ романѣ получались нѣкоторая неясности или перерывъ. Такъ, Пушкинъ только набросаль XIII и XIV строфы первой главы (при чемъ въ XIII-ой строфе даже только начало), а потому и въ чистовой рукописи, и въ печатной редакціи романа строфы эти отсутствуютъ, и вмѣсто нихъ поставлены цифры — XIII. XIV. Цифра замѣняла строфи и въ тѣхъ случаяхъ, когда строфа, необходимая (или желательная) для хода романа, была вполнѣ закончена, но или 1) все же не удовлетворяла взыскательного художника своею формою и требовала исправленія, или 2) выражала мысль, содержала описание, которое Пушкинъ считалъ неподходящимъ. Рукописи Пушкина говорятъ и о такихъ, наиболѣе сложныхъ случаяхъ, когда поэтъ замѣнялъ цифрой строфи вполнѣ отдѣленную, которою онъ былъ настолько удовлетворенъ, что даже печаталъ ее, но отдѣльно отъ

романа. Такъ, напр., Пушкинъ напечаталъ первыя четыре строфы четвёртой главы въ «Московскомъ Вѣстникѣ», при изданіи же романа замѣнилъ эти четыре строфы цифрами. Чѣмъ объясняется пропускъ такихъ, вполнѣ законченныхъ и отдѣланныхъ строфъ? — Очевидно, Пушкинъ не считалъ ихъ лишними для романа, такъ какъ сохранилъ память о нихъ цифрами (а, по объясненію Пушкина, цифрами обозначаются тѣ строфы, которыя, «будучи выпущены, прерываются связь разсказа»). Почему же поэть тѣмъ не менѣе исключилъ эти строфы? — Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ рукописи «Евгения Онѣгина»: первоначально четвертая глава начиналась съ того момента, на которомъ обрывался ходъ романа въ третьей главѣ, — на встрѣчѣ Татьяны съ Онѣгинымъ въ саду и на слѣдствіяхъ этой «нежданной встрѣчи». Четвертая глава непосредственно примыкала къ третьей главѣ, и первая строфа четвертой главы начиналась словами: «Минуты двѣ они молчали, но къ ней Онѣгинъ подошелъ и молвилъ» и т. д.; дальше слѣдовала проповѣдь-исповѣдь, въ которой Онѣгинъ говорилъ о своей жизни, о томъ, какъ «въ началѣ жизни имъ «правиль» прелестный, хитрый, слабый поль», какъ онъ былъ «жертвой долгихъ заблужденій», какъ онъ разочаровался въ своихъ увлеченіяхъ, въ убиваніи жизни, какъ разгадалъ немудрую загадку милыхъ дамъ. Этотъ планъ подвергся значительнымъ измѣненіямъ, и Пушкинъ выдѣлилъ большую часть исповѣди Онѣгина, перенеся ее въ начало главы и пріурочивъ ее къ себѣ. Исповѣдь Онѣгина отъ такого измѣненія плана можетъ быть выиграла въ психологической правдѣ, но связь начальныхъ строфъ (изъ которыхъ двѣ при этомъ остались неотдѣланными) оказалась мало понятной: Пушкинъ началъ главу стихами —

Въ началѣ жизни мною правиль
Прелестный, хитрый, слабый поль
а послѣ этого продолжалъ (въ IX-ой строфѣ):

Такъ точно думалъ мой Евгений....

Какъ Пушкинъ могъ поступить для устраненія этой неясности? — Говоря словами поэта, «лучше было бы замѣнить эти строфы другими, или переправлять и сплавливать мною сохраненныя», «но, говоритъ поэтъ, виновать, на это я слишкомъ лѣнивъ» (тѣмъ не менѣе Пушкинъ часто занимался «переправленіемъ и сплав-

леніемъ»), и Пушкинъ предпочелъ вмѣсто начальныхъ строфъ (не только содержащихъ лирическое отступление, но и дающихъ освѣщеніе жизни Онѣгина до встрѣчи съ Татьяной и его отношенію къ письму Татьяны) поставить цифры I. II. III. IV. V. VI. Возстановлять эти пропущенные строфы — не значитъ ли создавать въ читателѣ то впечатлѣніе, котораго Пушкинъ сознательно старался избѣжать?

Пушкинъ объясняетъ пропускъ строфъ съ сохраненіемъ цифры; объясненіе его даетъ руководящую нить и для выясненія причинъ пропуска строфъ, безслѣдно исчезнувшихъ изъ романа. Слова Пушкина о строфахъ, которыя «будучи выпущены, прерываютъ связь разсказа», почему и «означается мѣсто, гдѣ быть имъ надлежало», даютъ возможность сдѣлать и обратное заключеніе: не «означается мѣсто, гдѣ быть имъ надлежало» тѣхъ строфъ, которыя, «будучи выпущены», не «прерываютъ связь разсказа.» Иначе говоря, Пушкинъ, выпуская строфы, ставилъ римскую цифру въ тѣхъ случаяхъ, когда, по его мнѣнію, образовывался извѣстный пропускъ въ ходѣ разсказа; въ тѣхъ же случаяхъ, когда строфа являлась лишней для хода разсказа или даже противорѣчила ему, поэтъ исключалъ ее, не оставляя о ней никакого слѣда въ романѣ. Пропущенныхъ строфъ такого рода большое количество, и это понятно, такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ Пушкинъ началъ «Евгенія Онѣгина» и до окончанія его, «промчалось много, много дней»: приступая къ своему «многолѣтнему труду», Пушкинъ «сквозь магическій кристаль еще не ясно различалъ» «далъ свободнаго романа» и часто въ процессѣ повѣствованія мѣнялъ его ходъ. Такія пропущенные строфы даютъ возможность слѣдить за ростомъ и измѣненіями романа, за процессомъ творчества, за тѣмъ, какъ разяснялась для поэта «далъ свободнаго романа»; пропущенные строфы говорять о громадномъ трудѣ поэта, о колебаніяхъ его въ томъ или иномъ веденіи романа, о смѣнѣ поэтическихъ замысловъ; пропущенные строфы даютъ, наконецъ, обширный и самый надежный комментарій къ пониманію текста романа.

Въ виду различного характера и различного значенія двухъ родовъ пропущенныхъ строфъ, мы отдельно приводимъ ихъ, начавъ съ пропущенныхъ строфъ съ обозначеніемъ цифрой ихъ мѣста въ романѣ и присо-

единивъ пропущенные строфы другого рода къ творческому материалу «Евгения Онѣгина».

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Строфа IX:

Насъ пыль сердечный рано мучитъ.
Очаровательный обманъ,
Любви насъ не природа учитъ
А Сталь или Шатобріанъ.
Мы алчемъ жизнь узнать заранѣ,
Мы узнаемъ ее въ романѣ
Мы все узнали между тѣмъ
Не насладились мы ни чемъ —
Природы гласъ предупреждая
Мы только щастію вредимъ
И поздно, поздно вслѣдъ за нимъ
Летить горячность молодая.
Онѣгинъ это испыталъ
За то какъ женщинъ онъ узналъ.

Строфы XIII-XIV (тринадцатая строфа была только вчернѣ набросана Пушкинымъ):

Какъ онъ умѣлъ вдовы смиренной
Привлечь благочестивый взоръ
И съ нею скромный и смятенный
Начать краснѣя (заговоръ)
Плѣнять (неопытностью мнимой)
И вѣрностью — — —
(Любви) которой (въ мірѣ) нѣть
И пылкостью невинныхъ лѣть
Какъ онъ умѣлъ съ любою дамой
(Судить) (въ любви) — — —
О платонизмѣ разсуждать
И вдругъ нежданной эпиграммой
Ее смутить и наконецъ
Сорвать торжественный (?) вѣнецъ

Такъ рѣзвый баловень служанки
Анбара стражъ, усатый котъ
За мышью крадется съ лежанки
Протяняется идетъ, идетъ
Полузажмуряясь, (отдыхаетъ)
Свернется въ комъ, хвостомъ играеть
Готовить когти хитрыхъ лапъ —

И вдругъ бѣдняжку цапъ-царапъ¹⁾
Такъ хищный волкъ томясь отъ глада
Выходитъ изъ глухи лѣсовъ
И рыщетъ близъ беспечныхъ псовъ
Вокругъ неопытнаго стада
Все спить и вдругъ свирѣпый воръ
Ягненка мчитъ въ дремучій боръ.

Строфы XXXIX, XL и XLI не были не только написаны, но даже набросаны.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Строфа VIII (заключительные шесть стиховъ):

Что есть избранные судьбами
Что жизнь ихъ — лучшій неба даръ —
И мыслей неподкупный жаръ
И Геній власти надъ умами
Добру людей посвящены,
И славѣ доблестью равны.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Строфа III (заключительные шесть стиховъ):

(Въ деревнѣ день есть цѣль) обѣда
Поджавши руки у дверей
Сбѣжались дѣвушки скорѣй
Взглянуть на новаго сосѣда
А на дворѣ толпа людей
Критиковала ихъ коней

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

Строфы I. II. III. IV.:

I.

Въ началѣ жизни мною правилъ
Прелестный, хитрый, слабый полъ;

¹⁾ Эти восемь стиховъ, въ слегка измѣненномъ видѣ, вошли въ «Графа Нулина» — какъ послѣ этого они могли бы быть возстановлены въ текстѣ «Евгения Онѣгина»!

Тогда въ законъ себѣ я ставилъ
Его единый произволъ.
Душа лишь только разгаралась,
И сердцу женщина являлась
Какимъ-то чистымъ божествомъ.
Владѣя чувствами, умомъ,
Она сияла совершенствомъ.
Предъ ней я таялъ въ тишинѣ:
Ея любовь казалась мнѣ
Недосягаемымъ блаженствомъ.
Жить, умереть у милыхъ ногъ —
Иного я желать не могъ.

II.

То вдругъ ее я ненавидѣлъ,
И трепеталъ и слезы лилъ,
Съ тоской и ужасомъ въ ней видѣлъ
Созданье злобныхъ, тайныхъ силъ,
Ея пронзительные взоры,
Улыбка, голосъ, разговоры —
Все было въ ней отравлено,
Измѣнной злой напоено,
Все въ ней алкало слезъ и стона,
Питалось кровію моей...
То вдругъ я мраморъ видѣлъ въ ней
Передъ мольбой Пигмаліона,
Еще холодный и нѣмой,
Но вскорѣ жаркій и живой.

III.

Словами вѣща го поэта
Сказать и мнѣ позволено:
Темира, Дафна и Лилета
Какъ сонъ, забыты мной давно.¹
Но есть одна... межъ ихъ толпою
Я долго былъ плѣненъ одною —

¹) Пушкинъ перефразируетъ лицейскую оду барона А. А. Дельвига:

Темира, Дафна и Лилета
Давно, какъ сонъ, забыты мной,
И ихъ для памяти поэта
Хранить лишь стихъ удачный мой.

Но былъ-ли я любимъ, и кѣмъ,
И гдѣ, и долго-ли?... зачѣмъ
Вамъ это знать? не въ этомъ дѣло!
Что было, то прошло, то вздоръ.
А дѣло въ томъ, что съ этихъ поръ
Во мнѣ ужъ сердце охладѣло,
Закрылось для любви оно,
И все въ немъ пусто и темно.

IV.

Дознался я, что дамы сами,
Душевной тайнѣ измѣня,
Не могутъ надивиться нами,
Себя по совѣсти цѣня.
Восторги наши своюнравны
Имъ очень кажутся забавны;
И право, съ нашей стороны
Мы непростительно смѣшны.
Закабался неосторожно
Мы ихъ любви въ награду ждемъ,
Любовь въ безуміи зовемъ,
Какъ будто требовать возможно
Отъ мотыльковъ иль отъ лилей
И чувствъ глубокихъ и страстей!

Строфы V-VI (только вчернѣ набросаны):

Признаться-ль вамъ — я наслажденье
Въ то время лишь и разумѣль —
Мнѣ было мило ослѣплење —
Объ немъ я нынѣ пожалѣль —
Но я заманчивой загадкой
Не долго мучился украдкой...
И какъ же помогли онѣ —
Шепнули сами слово мнѣ
Давно извѣстное по свѣту —
И даже никому давно
Ужъ не казалось (и) смѣшно
(Я разгадалъ загадку эту)
Сказалъ я: только то друзья
Куда какъ недогадливъ я!

Страстей мятежныя заботы
Прошли, не возвратятся вновь!
Души безчувственной дремоты

Не возмутить уже любовь
Пустыя красоты порока
Блестять и нравятся до срока
Пора проступки юныхъ дней
Загладить жизню моей!
Молва играя очернила
Мои начальныя лѣта
Ей подмогала клевета
И дружбу только что смѣшила
Но къ щастью судъ [молвы] слѣпой
Оправдывается порой!....

Строфа XXXVI (входила еще въ первое изданіе — 1828 года):

Ужъ ихъ далече взоръ мой ищеть...
А лѣсомъ кравшайся стрѣлокъ
Поэзію клянетъ и свищетъ,
Спуская бережно курокъ.
У всякаго своя охота,
Своя любимая забота:
Кто цѣлитъ въ утокъ изъ ружья,
Кто бредитъ риѣмами, какъ я,
Кто бѣть хлопушкой мухъ нахальныхъ,
Кто правитъ въ замыслахъ толпой,
Кто забавляется войной,
Кто въ чувствахъ нѣжится печальныхъ,
Кто занимается виномъ:
И благо смѣшано со зломъ.

Строфа XXXVII (заключительное двустишие):

И одѣвался — только врядъ
Вы носите ль такой нарядъ

Строфа XXXVIII:

Носиль онъ русскую рубашку
Платокъ шелковый кушакомъ
Армякъ татарской на разпашку
И шляпу съ кровлею какъ домъ
Подвижный — Симъ уборомъ чуднымъ
Безнравственнымъ и
безразсуднымъ
Была весьма огорчена
Псковская дама Дурина
А съ ней Мизинчиковъ — Евгений
Быть можетъ толки презиралъ

А вѣроятно ихъ не зналъ
Но все жъ своихъ обыкновеній
Не измѣнялъ въ угоду имъ
За что былъ ближнимъ нетерпимъ.

ПЯТАЯ ГЛАВА.

Строфы XXXVII и XXXVIII (были напечатаны въ первомъ изданіи — 1828 года):

XXXVII.

Въ пирахъ готовъ я непослушно
Съ твоимъ бороться божествомъ;
Но, признаюсь великодушно,
Ты побѣдилъ меня въ другомъ.
Твои свирѣпые герои,
Твои неправильные бои,
Твоя Киприда, твой Зевесъ
Большой имѣютъ перевѣсъ
Передъ Онѣгинымъ холоднымъ,
Передъ — — —¹⁾ моей,
Предъ сонной скучою полей,
Предъ нашимъ воспитаньемъ моднымъ;
Но Таня (присягну) милѣй
Елены пакостной твоей.

XXXVIII.

Никто и спорить тутъ не станетъ,
Хоть за Елену Менелай
Сто лѣтъ еще не перестанетъ
Казнить Фригійскій бѣдный край,
Хоть вокругъ почтенного Пріама
Собранье старииковъ Пергама,
Ее завидя, вновь рѣшить:
Правъ Менелай, и правъ Паридъ.
Что жъ до сраженій, то немного
Я попрошу васъ подождать:
Извольте далѣе читать:
Начала не судите строго;
Сраженье будетъ. Не солгу,
Честное слово дать могу.

¹⁾ Т. е. Истоминой.

Строфа XLIII (въ первомъ изданіи она печаталась, но безъ первыхъ четырехъ стиховъ):

Какъ гонитъ бичъ въ песку манежномъ
По кордѣ рѣзвыхъ кобылицъ
Мушкины въ округѣ мятеjномъ
Погнали, дернули дѣвицъ —
Подковы, шпоры Пѣтушкова
(Канцеляриста отставнаго)
Стучать; Буянова каблукъ
Такъ и ломаетъ полъ вокругъ;
Трескъ, топотъ, грохотъ по порядку:
Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ;
Теперь пошло на молодцовъ;
Пустились, только не въ присядку.
Ахъ, легче, легче: каблуки
Отдаваятъ дамскіе носки!

ШЕСТАЯ ГЛАВА.¹⁾

Строфы XV и XVI:

Да, да, вѣдь ревности припадки —
Болѣзнь, такъ точно какъ чума,
Какъ черный сплинъ, какъ лихорадка,
Какъ поврежденіе ума.
Она горячкой пламенѣетъ,
Она свой жаръ, свой бредъ имѣетъ,
Сны злые, призраки свои.
Помилуй Богъ, друзья мои!
Мучительнѣй нѣтъ въ мірѣ казни
Ея терзаній роковыхъ.
Повѣрьте мнѣ: кто вынесъ ихъ,
Тотъ ужъ конечно безъ боязни
Взойдетъ на пламенный костеръ,
Иль шею склонить подъ топоръ.

Я не хочу пустой укорой
Могилы возмущать покой;
Тебя ужъ нѣтъ, о ты, которой

¹⁾ Рукописи шестой главы не сохранились; мы приводимъ пропущенные строфы по списку князя В. Ф. Одоевского, сообщенному Я. К. Гротомъ, и не можемъ быть увѣрены въ его точности (м. п., въ XXXVIII-ой строфѣ недостаетъ заключительнаго двустишия).

Я въ буряхъ жизни молодой
Обязанъ опытомъ ужаснымъ
И рая мигомъ сладострастнымъ.
Какъ учать слабое дитя,
Ты душу нѣжную, мутя,
Учила горести глубокой.
Ты нѣгой волновала кровь,
Ты воспаляла въ ней любовь
И пламя ревности жестокой;
Но онъ прошелъ, сей тяжкій день:
Почай, мучительная тѣнь.

Строфа XXXVIII:

Исполня жизнь свою отравой,
Не сдѣлавъ многаго добра,
Увы, онъ могъ бессмертной славой
Газеть наполнить нумера.
Уча людей, мороча братій,
При громѣ плесковъ иль проклятій,
Онъ совершить могъ грозный путь,
Дабы въ послѣдній разъ дохнуть
Въ виду торжественныхъ трофеевъ
Какъ нашъ Кутузовъ иль Нельсонъ,
Иль въ ссылкѣ, какъ Наполеонъ,
Иль быть повѣшенъ, какъ Рылѣевъ.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА.

Строфа VIII:

(Но) разъ вечернею порою
Одна изъ дѣвъ сюда пришла
Казалось — тайною тоскою
Она встревожена была —
Какъ бы волнуемая страхомъ
Она въ слезахъ предъ милимъ прахомъ
Стояла, голову склонивъ
И руки съ трепетомъ сложивъ
Но тутъ поспѣшными шагами
Ее настигъ младой Уланъ
Затянутъ, статенъ и румянъ
Красуясь черными усами
Нагнувъ широкія плеча
И гордо шпорами звука.

Строфа IX:

Она на воина взглянула
Горѣлъ досадой взоръ его
И поблѣднѣвъ [она] вздохнула
Но не сказала ничего —
И молча Ленскаго невѣста
Отъ сиротѣющаго мѣста
Съ нимъ удалилась — и съ тѣхъ поръ
Ужъ не являлась изъ за горъ
Такъ равнодушное забвенье
За гробомъ настигаетъ насъ
Враговъ, друзей, любовницъ гласъ
Умолкнетъ — про одно имѣніе
Наслѣдниковъ сердитый хоръ
Заводить непристойный споръ.¹⁾)

ВОСЬМАЯ ГЛАВА.

Строфа II (съ пятаго стиха):

И Дмитревъ не быль нашъ хулитель
И быта Русскаго хранитель
Скрижалъ оставя, намъ внималъ
И Музу робкую ласкалъ —
И ты, глубоко вдохновенный,
Всего прекраснаго пѣвецъ,
Ты, Идолъ дѣвственныхыхъ сердецъ,
Не ты ль, пристрастъемъ увлеченныи
Не ты ль мнѣ руку подаваль
И къ Славѣ чистой призывалъ

Строфа XXV (послѣдніе 6 стиховъ — въ первона-
чальной редакціи строфы):

Тутъ быль одинъ диктаторъ бальной
Прыгунъ суровый должностной;

¹⁾) Заключительные шесть стиховъ Пушкинъ перенесъ въ XI-ую строфу, которая первоначально оканчивалась иначе, чѣмъ въ печатной редакціи:

По крайней мѣрѣ изъ могилы
Не вышла въ сей печальный день
Его ревнующая тѣнь
И въ поздній часъ — Гимену милый
Не испугали молодыхъ
Слѣды явленій гробовыхъ.

У стѣнки фертикъ молодой
Стоялъ картинкою журнальной
Румянъ какъ вербный херувимъ
Затянутъ, нѣмъ и недвижимъ.

Переходя къ пропущеннымъ строфамъ другого ро-
да — иначе говоря, къ черновой работѣ Пушкина
надъ романомъ, сдѣлаемъ необходимое предваритель-
ное замѣчаніе: мы обладаемъ такимъ большимъ количе-
ствомъ рукописей «Евгения Онѣгина», что не имѣемъ
возможности познакомить читателя со всѣмъ громад-
нымъ материаломъ, заключающимся въ нихъ, и, огра-
ниченные мѣстомъ, принуждены выбирать только изъ
бѣловыхъ рукописей, да и то не все, а лишь наиболѣе
интересное и отдѣланное поэтомъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Строфа IV. Первоначально Monsieur l' Abbé не «слег-
ка за шалости бранилъ» Онѣгина, а

Съ нимъ о Парижѣ говорилъ

Строфа V. Къ этой строфѣ относятся, между прочимъ,
слѣдующіе наброски:

Онъ зналъ нѣмецкую словесность
По книгѣ Госпожи де Сталь —

(Конфуцій) мудрецъ Китая
Насъ учитъ юность уважать,
Не торопиться осуждать.
Она одна даетъ надежды

Подозрѣвали въ немъ талантъ
И могъ Евгений въ самомъ дѣлѣ
Вести пріятный разговоръ
А иногда ученый споръ
Объ Господинѣ Мармонтелѣ
(вар.: Объ Байронѣ, объ Манюэлѣ)
О карбонарахъ, о Парни
Объ Генералѣ Жомини.

Строфа VII. «Наука страсти нѣжной» первоначально
занимала Онѣгина «и ночь, и день.»

Строфа XVII. Въ театрѣ каждый дышалъ не «крити-
кой», а «вольностью».

Строфа XX. Пушкинъ долго выбиралъ эпитетъ для «ножки» Истоминой — «И быстрой», «И легкой», и на конецъ

И гибкой ножкой ножку бьетъ

(а въ печати опять вернулся къ первоначальному чтенію).

Строфа XXIV. Послѣ этой строфы поэтъ началъ было слѣдующую:

Во всей Европѣ въ наше время
Между воспитанныхъ людей
Не почитается за бремя
Отдѣлка (нѣжная) ногтей.
И нынче — воинъ и придворный
(Поэтъ и) либералъ задорной
(И сладкогласный) дипломатъ
Готовъ

(Кокетства) странности такой
Не понималъ философъ мой.

Строфа XXV. Чтеніе въ чистовой рукописи пятаго стиха: Второй Ч..., мой Евгений — говорить о неправильной расшифровкѣ звѣздочекъ — «Каверинъ».

Строфа XXXIV. Первоначально 9-10 стихи читались:

13-ый: Но полно вѣтреницъ надменныхъ
Смѣшить любовю мнѣ глупой
Слова и взоръ твореній сихъ

Строфа XLV. Послѣ этой строфы начато было:

Мнѣ было грустно, тяжко больно
Но одолѣвъ меня въ борьбѣ
Онъ сочеталъ меня невольно
Своей таинственной судьбѣ —
Я сталъ взирать его очами
Съ его печальными рѣчами
Мои слова звучали въ ладъ —

Строфа LVI.

5-ый ст. Чтобы мой насмѣшливый читатель

13-14: Писать иное что (вар.: поэзію) любя;

А только про самихъ себя

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Строфа VI. Стихъ 6: Душою школьникъ Гетингенской;
Стихъ 9: Онъ изъ Германіи свободной
Стихъ 12: Духъ пылкой, прямо благородный

Строфа VII. Послѣдніе 8 стиховъ въ рукописи читались:

И міра новый блескъ и шумъ
Обворожали юный умъ;
Онъ зналъ и трудъ и вдохновенье,
И освѣжительный покой,
Къ чему-то жизни молодой
Неизъяснимое влечение,
Страстей мятежныхъ буйный пиръ
И слезы и сердечный миръ
(вар.: И бурю ихъ и сладкій миръ).

Строфа IX. Послѣ этой строфы въ рукописи слѣдовали еще слѣдующія три:

Не пѣлъ порочной онъ забавы,
Не пѣлъ презрительныхъ Цирцей
Онъ оскорблять гнушался нравы
Избранной лирою своей;
Поклонникъ истиннаго щастья
Не славилъ сѣтей сладострастья
Постыдной нѣгою дыша,
Какъ тотъ, чья жадная душа
Добыча вредныхъ заблужденій
Добыча жалкая страстей
Преслѣдуется въ тоскѣ своей
Картинъ прежнихъ наслажденій
И свѣту въ пѣсняхъ роковыхъ
Безумно обнажаетъ ихъ.

Пѣвцы слѣпова наслажденья,
Напрасно дней своихъ блажныхъ
Передаете впечатлѣнья
Вы намъ въ элегіяхъ живыхъ.
Напрасно дѣвшушка украдкой
Внимая звукамъ лиры сладкой
Къ вамъ устремляеть нѣжный взоръ
Начать не смѣя разговоръ.
Напрасно вѣтреная младость
За полной чашею, въ вѣнкахъ
Вспоминаеть на пирахъ

Стиховъ изнѣженнюю сладость
Иль на ухо стыдливыхъ дѣвъ
Ихъ шепчетъ, робость одолѣвъ;

Нещастные, рѣшите сами
Какое ваше ремесло;
Пустыми звуками, словами
Вы сѣете развратъ и зло.
Передъ судилищемъ Паллады,
Вамъ нѣтъ вѣнца, вамъ нѣтъ награды
Но вамъ дороже, знаю самъ,
Слеза съ улыбкой пополамъ.
Вы раждены для славы женской
Для васъ ничтоженъ судъ Молвы —
И жаль мнѣ васъ.... и милы вы,
Не вамъ чета былъ гордый Ленскій
Его стихи конечно мать
Велѣла бъ дочери читать.¹⁾)

Но добрый юноша готовый
Высокій подвигъ совершить,
Не будетъ въ гордости суровой
Стихи нечистые твердить
Но праведникъ изнеможенный
Къ цѣпямъ (неправдой) присужденный

Съ лампадой дремлющей во тьмѣ
Не склонить въ тишинѣ пустынной
На свитокъ вашъ очей своихъ
И на стѣнѣ вашъ вольный стихъ
Не начертить рукой безвинной
Нѣмой и горестный привѣтъ
Для узника (грядущихъ лѣтъ).

Строфа Х. Розы первоначально были не «романтическія», а «умирающія». Строфа кончалась двустишиемъ:

¹⁾ Въ рукописи Рум. Муз. къ этому стиху Пушкинъ сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: « La mѣre en prescigra la lecture à sa fille. Piron. Стихъ сей вошелъ въ пословицу. Замѣтимъ, что Пиронъ (кромѣ своей Метроманіи) хорошъ только въ такихъ стихахъ, о которыхъ невозможно намекнуть, не оскорбляя благопристойности.»

Онъ пѣлъ дубравы гдѣ встрѣчалъ
Свой вѣчный, милый Идеалъ.

Строфа XI. Строфа кончалась двустишиемъ:

Но разговоръ крикливыхъ женъ
Еще былъ менѣе мудренъ.

Строфа XIV. Эта строфа составилась изъ слѣдую-
щихъ двухъ:

Но дружбы нѣтъ и той межъ нами
Всѣ предразсудки изтребя
Мы почитаемъ всѣхъ нулями
А единицами себя.
Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны
Двуногихъ тварей миллионы
Для насъ орудіе одно
Намъ чувство дико и смѣшно;
Имѣть восторженныя чувства
Простительно въ 16 лѣтъ
Кто полонъ ими тотъ поэтъ
Иль хочетъ высказать искусство
Предъ легковѣрною толпой
Что жъ мы такое?... Боже мой!

Сноснѣе впрочемъ былъ Евгений
Людей онъ просто не любилъ
И управлять кормиломъ мнѣній
Нужды большой не находиль
Не посвящалъ друзей въ шпионаы
Хоть думаль что добро, законы,
Любовь къ отечеству, права
Одни условныя слова
Онъ понималъ необходимость
И мигъ покоя своего
Не отдалъ бы не для кого.
Но уважалъ въ другихъ рѣшимость
Гонимой Славы красоту
Талантъ и сердца правоту —

Строфа XVI. Послѣ этой строфы Пушкинъ началъ
было слѣдующую:

Отъ важныхъ исходя предметовъ
Порой касался разговоръ
И русскихъ иногда поэтовъ.
Со вздохомъ и потупя взоръ,

Владиміръ слушалъ какъ Евгеній
(Немилосердно) поражалъ

Строфа XVII. XVII-ая строфа печатной редакціи со-
ставилась изъ двухъ строфъ такимъ образомъ: Пуш-
кинъ взялъ первые 4 стиха одной строфы и (съ нѣ-
которымъ измѣненiemъ) 10 стиховъ другой. Приво-
димъ эти строфы по бѣловой рукописи:

Но чаще занимали страсти
Умы пустынниковъ моихъ
Ушедъ отъ ихъ мятежной власти
Онѣгинъ говорилъ объ нихъ
Какъ о знакомцахъ измѣнившихъ
Давно могилы сномъ почившихъ
И коихъ нѣтъ ужъ и слѣда.
Но вырывались иногда
Изъ устъ его такие звуки,
Такой глубокой чудный стонъ
Что Ленскому казался онъ
Примѣтой незатихшой муки —
И точно: Страсти были тутъ.
Скрывать ихъ былъ напрасный трудъ.

Какія чувства не кипѣли
Въ его измученной груди?
Давноль, надолголь присмирѣли?
Проснутся — только погоди
Блаженъ кто вѣдалъ ихъ волненье
Порывы, сладость, упоенье
И наконецъ отъ ихъ отсталъ
Блаженнѣй тотъ кто ихъ незналъ
Кто охладиль любовь разлукой
Вражду злословiemъ. Порой
Зѣвалъ съ друзьями и съ женой
Ревнивой не тревожась мукой. —
Что до меня — то мнѣ на часть
Досталась пламенная страсть.

Непосредственно за этой строфой въ рукописи слѣ-
дуютъ еще двѣ:

О двойка!... ни дары свободы,
(Ни Фебъ), ни дамы, ни пиры
Онѣгина въ минувши годы
Не отвлекли бы отъ игры;
Задумчивый, всю ночь до свѣта

Бываль готовъ онъ въ прежни лѣта
Допрашивать судьбы завѣтъ:
На лѣво ляжетъ-ли Валетъ?
Ужъ раздавался звонъ обѣденъ
Среди разорванныхъ колодъ
Дремалъ усталый банкаметъ
А онъ нахмуренъ, бодръ и блѣденъ
Надежды полнъ закрывъ глаза
Пускаль на 3-го туза.¹⁾)

И я теперь — отшельникъ скромный
Скупой невѣруя мечтѣ
Ужъ не поставлю карты темной
Замѣтія грозное рутие
Мѣлокъ оставилъ я въ покоѣ
Atande, слово роковое
Мнѣ не приходитъ на языкъ —
Отъ риѳмы также я отвыкъ
Что будешь дѣлать? между нами
Всемъ этимъ утомился я
На дняхъ попробую, друзья
Заняться бѣлыми стихами
(Хоть все имѣтъ) *quinze elle va*
Большія на меня права.

Строфа XXII. Повидимому, первоначально Пушкинъ предполагалъ дать гораздо болѣе привлекательный образъ Ольги. Объ этомъ говорятъ, между прочимъ, и слѣдующія двѣ строфы, примыкающія къ XXII-ой строфѣ и исключенные поэтомъ:

Кто-жъ та была, которой очи
Онъ безъ искусства привлекалъ,
Которой онъ и дни и ночи
И думы сердца посвящалъ?
Меньшая дочь сосѣдей бѣдныхъ.
Вдали забавъ столицы вредныхъ
Невинной прелести полна,
Въ глазахъ родителей она
Цвѣла какъ ландышъ потаенный
Незнаемый въ травѣ глухой
Ни мотыльками ни пчелой

¹⁾) Первоначально Пушкинъ говорилъ отъ своего имени (напр.: «Не отвлекли бъ въ минувши годы Меня отъ карточной игры»).

Цвѣтокъ быть можетъ обреченный
Размаху гибельной косы,
Не осушилъ еще росы.¹⁾

Ни дура Англинской породы
Ни своенравная Мамзель
Въ Россіи по уставу Моды
Необходимыя досель,
Не стали портить Ольги милой.
Ѳадеевна рукою хилой
Ея качала колыбель. —
Она жъ за Ольгою ходила
Бову рассказывала ей
Чесала золото кудрѣй
Читать — Помилуй мя учила,
Поутру наливала чай
И баловала невзначай.

Прежде, чѣмъ вычеркнуть эту строфу, Пушкинъ началь ее приспособлять къ Татьянѣ: «Не портили Татьяны милой», «Она жъ за ней одна ходила», «Чесала шелкъ ея кудрей».

Строфа XXIII. Характеристика Ольги начиналась стихомъ: «Всегда тиха, всегда послушна», въ которомъ Пушкинъ неоднократно мѣнялъ первую половину: «Всегда жива», «Всегда вольна» и снова «Всегда тиха».

Строфа XXIV. Вкуса мало у насъ не только въ именахъ и въ стихахъ, но «и въ платьѣ», и «въ домахъ», и «въ уборахъ» и «на крестинахъ». Но самое интересное, что даютъ черновики этой строфы — это колебанія Пушкина въ имени своей героини, которую онъ хотѣлъ назвать «Наташой».

Строфа XXIX. 3-ій и 4-ый стихи читались:

И чемъ романъ тянулся долѣ
Тѣмъ больше ей онъ угождалъ.

¹⁾ 5 стиховъ этой строфы вошли въ XXI-ую строфиу вмѣсто первоначального окончанія XXI-ой строфы:

Такъ въ Ольгѣ милую подругу
Владимиръ видѣть привыкалъ —
Онъ рано безъ нее скучалъ —
И рано по густому лугу —
Бродя безъ Ольги — межъ цвѣтовъ
Любиль искать ея слѣдовъ —

Болѣе любопытный варіантъ: Татьяна первоначально «влюблялася въ обманы Шатобриана и Руссо».

Строфа XXXII. Заключительное двустишие сперва читалось:

Звала гостей развеселясь
Служанокъ съкла осердясь.

Строфа XXXIV. Пушкинъ предполагалъ назвать Ларина сперва Антониемъ, потомъ Сергиемъ.

Строфа XL. Послѣ этой строфы первоначально слѣдовало:

Но можетъ быть и это даже
Правдоподобнѣе сто разъ
Изорванный, въ пыли и въ сажѣ
Мой недочитанный разсказъ
Служанкой (вар: съ Барковымъ) изгнанъ
изъ уборной
Въ передней кончитъ вѣкъ позорный
Какъ Инвалидъ иль календарь
Или затасканный букварь.
Ну что жъ: въ гостиной иль въ передней
Равно читатели — —
Надъ книгой ихъ права равны
Не я первой не я послѣдній
Ихъ судъ услышу надъ собой
Ревнивой, строгой и тупой —

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Въ рукописи третьей главы данъ эпиграфъ изъ Данте:

*ma dimini : nel tempo dolis sospiri
A que comme incedette amore
Che conosuti i dubiosi desiri.*

Строфа I. Заключительное двустишие въ чистовой рукописи:

Варенье горы кулича
Да въ залѣ сальная свѣча.

Строфа V. Въ рукописи Ольга сравнивается съ мадонами Рафаэля и съ «Перуджиновой мадоной», и «притворный Памелы взоръ» надоѣлъ Онѣгину и въ Ричардсонѣ; Ленскій отвѣчаетъ своему пріятелю, что «Всякъ молится своей иконѣ». Послѣ этой строфы въ черновикѣ слѣдовала строфа:

Въ постелѣ лежа — нашъ Евгений
Глазами Байрона читалъ
Но дань вечернихъ размышленій
Въ умѣ Татьянѣ посвящалъ —
Проснулся онъ денницы ранѣ,
И мысль была все о Татьянѣ
Вотъ новое — подумалъ онъ —
Неужъ-то я въ нее влюбленъ
Ей богу, это было-бѣ славно
— — ужъ тогобѣ одолжилъ,
Посмотримъ — и тотчасъ рѣшилъ
Сосѣдку навѣщать исправно —
Какъ можно чаще — всякой день —
(Вѣдь) имъ досугъ а мнѣ не лѣнь

Началь было Пушкинъ и еще слѣдующую:

(Рѣшилъ) — и скоро сталъ Евгений
Какъ Ленской
Ужель Онѣгинъ въ самомъ дѣлѣ
(Влюбился)

Строфа VI. Заключительное двустишие въ рукописи:

Такъ думалъ понимать Антропъ
Того же мнѣнья былъ и попъ.

Строфа X. Послѣ десятой строфы въ чистовой рукописи было:

Увы! Друзья! мелькаютъ годы —
И съ ними вслѣдъ одна другой
Мелькаютъ вѣтреныя моды
Разнообразной чередой —
Все измѣняется въ природѣ
Ламушъ и фижмы были въ модѣ
Придворный франтъ и розовщикъ
Носили пурпурный парикъ
Бывало нѣжные поэты
Въ надеждѣ славы и похвалъ
Точили тонкій мадrigalъ
Иль остроумные куплеты
Бывало храбрый Генералъ
Служилъ и грамоты не зналъ.

Строфа XIII. Первоначальный вариантъ 6-го стиха:
Унижусь до презрѣнной прозы.

Строфа XV. Въ мечтахъ Татьяны ея «искуситель роковой» былъ «на колѣняхъ» передъ ней.

Строфа XXI. Послѣ нея въ рукописи было:

Теперь мнѣ должно бѣ на досугѣ
Мою Татьяну оправдать —
Ревнивый критикъ въ модномъ кругѣ
Предвижу будетъ разсуждать:
Ужели не могли заранѣ
Внушить задумчивой Татьянѣ
Приличій коренныхъ Уставъ.
Да и въ другомъ поэтъ не правъ
Ужель влюбиться съ первой встрѣчи
Она въ Онѣгина могла
И чѣмъ увлечена была
Какой въ немъ умъ, какія рѣчи
Ее плѣнить успѣли вдругъ —
Постой, поспорю я, мой другъ.

Строфа XXIII. Послѣ этой строфы было:

Но вы, кокетки записныя,
Я васъ люблю — хоть это грѣхъ
Улыбки, ласки заказныя
Вы разточаете для всѣхъ
Ко всѣмъ стремите взоръ приятный
Кому слова невѣроятны
Того увѣритъ поцалуй
Кто хочетъ — воленъ: торжествуй
Я прежде, самъ бывалъ доволенъ
Единымъ взоромъ вашихъ глазъ
Теперь лишь уважаю васъ
Но хладной опытностью боленъ
И самъ готовъ я вамъ помочь
Но ъмъ за двухъ и сплю всю ночь.

Строфа XXIV. Защищая свою Татьяну, послушную «внушеннюю» чувства (такъ въ рукописи), Пушкинъ долго искалъ подходящихъ выражений: «что нѣжно (дѣтски) вѣтрена она?» она одарена «воображеніемъ сердечнымъ» («воображеніемъ пылкимъ, нѣжнымъ») и «волей пылкой и живой» и «легкомысліемъ безпечнымъ» («простодушіемъ небрежнымъ») Вместо этой строфы въ рукописи были сперва двѣ:

А вы которыя любили
Безъ позволенія родныхъ

И сердце нѣжное хранили
Для впечатлѣній молодыхъ
Для радостей, для нѣги сладкой
Дѣвицы! если вамъ украдкой
Случалось тайную печать
Съ письма любовнаго срывать
Иль робко въ дерзостныя руки
Завѣтный локонъ отдавать
Иль даже молча дозволять
Въ минуту горькую разлуки
Дрожащій поцалуй любви
Въ слезахъ, съ волненiemъ въ крови

Не осуждайте безусловно
Татьяны вѣтреной моей
Не повторяйте хладнокровно
Рѣшенья чопорныхъ судей
А вы, о Дѣвы безъ упрека,
Которыхъ даже тѣнь порока
Страшитъ сегодня какъ змія
Совѣтую вамъ тоже я.
Кто знаетъ? пламенной тоскою
Сгорите можетъ быть и вы
И завтра легкой судъ Молвы
Припишетъ модному Герою
Побѣды новой торжество:
Любви васъ ищетъ Божество.

Строфа XXVI. Послѣ этой строфы въ рукописи слѣ-
дуютъ еще двѣ строфы:

Сокровища роднаго слова
(Замѣтъ важные умы)
Для лепетанія чужова
Безумно пренебрегли мы
Мы любимъ Музъ чужихъ игрушки
Чужихъ нарѣчій погремушки
А не читаемъ книгъ своихъ.
Но гдѣ жъ онѣ? давайте ихъ.
Конечно: сѣверные звуки
Ласкаютъ мой привычный слухъ,
Ихъ любитъ мой славянской духъ,
Ихъ Мзыкой сердечны муки
Усыплены.... но дорожитъ
Одними звуками — Піить.

Но гдѣ жъ мы первыя познанья
И мысли первыя нашли
Гдѣ примѣняемъ испытанья
Гдѣ узнаемъ судьбу земли --
Не въ переводахъ одичалыхъ
Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ
Гдѣ Руской Умъ да Руской духъ
Зады твердить и лжетъ за двухъ.
Поэты наши переводятъ
А прозы нѣтъ. Одинъ журналъ
Исполненъ приторныхъ похвалъ
Тотъ браны плоской. Всѣ наводятъ
Зѣвоту скуки — чуть не сонъ
Хорошъ Россійской Геликонъ!

Письмо Татьяны къ Онѣгину. Въ письмо Татьяны
не вошли, между прочимъ, слѣдующія четверостишия:

Моя смиренная семья,
Уединенная гулянья,
Да книги, вѣрные друзья,
Вотъ все, что прежде знала я.

Ты мнѣ внушилъ мои моленья
И Вѣры благодатный жаръ,
И грусть, и слезы умиленья —
Не все ли твой завѣтный дарь?

Письмо Татьяны подписано: въ чистовой рукопи-
си Татьяна Л., въ черновикѣ:

Подумала, что скажутъ люди,
И подписалась Т. Л. [твердо, люди].

Строфа XXXV. Послѣ этой строфы въ рукописи слѣ-
довало:

Теперь какъ сердце въ ней забилось
Заныло будто предъ бѣдой
Возможно лѣ? что со мной случилось,
Зачемъ писала, боже мой!..
На мать она взглянуть не смѣеть
То вся горить, то вся блѣднѣеть
Весь день, потупя взоръ молчить
И чуть не плачетъ, и дрожитъ — —
Внукъ Няни поздно воротился
Сосѣда видѣлъ онъ; ему
Письмо вручилъ онъ самому.

И что жъ сосѣдъ? — верхомъ садился
И положилъ письмо въ карманъ —
Ахъ чѣмъ-то кончится романъ!

Пѣсня дѣвушекъ. Первоначально была написана другая «Пѣсня», и, какъ можно думать по положенію въ черновикѣ и по исправленіямъ, Пушкинъ предполагалъ включить обѣ пѣсни въ текстъ и обѣ пѣсни вполнѣ отдалъ.

Пѣсня.

Вышла Дуня на дорогу
Не молившись Богу —
Дуня плачетъ, завываетъ
Друга провожаетъ
Другъ поѣхалъ на чужбину
Дальную сторонку
Охъ ужъ эта мнѣ чужбина
Горькая кручинка...
На чужбинѣ молодицы,
Красныя дѣвицы,
Здѣсь осталась я младая
Горькою вдовицей —
Вспомяни меня младую
Аль я приревную
Вспомяни меня заочно
Хоть и ненарочно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Строфа XII. Въ рукописи исповѣди-проповѣди Онѣгина предшествуетъ слѣдующая программа:

Когда бъ я думалъ о бракѣ, когда бы мирная се-
мейственная жизнь нравилась моему воображенію, то
я бы въасъ выбралъ, никого другого, я бы въ въасъ
нашелъ... но я не созданъ для блаженства etc.. (Не-
достоинъ!)

Мнѣ ли соединить мою судьбу съ вами? Вы меня
избрали, вѣроятно я первый вашъ passion, но увѣ-
рены ли — позвольте вамъ совѣтъ дать.

Къ исповѣди Онѣгина относятся, между прочимъ, слѣдующіе наброски:

....нѣтъ сомнѣнья,
Найти возможно исключенье,
И вы живой тому примѣръ.
Но вообще — клянусь предъ вами, —
Что женщины не знаютъ сами
Зачѣмъ они (того берутъ)

Нѣтъ! вы достойны быть любимы
Такой же пламенной душой....

Строфа XVII. Послѣ этой строфы въ черновикѣ слѣдовало:

Но ты — губернія Псковская —
Теплица юныхъ дней моихъ
Что можетъ быть страна пустая
Несноснѣй барышень твоихъ?
Межъ ими нѣтъ, — замѣчу къ stati
Ни тонкой вѣжливости знати,
Ни милой (вѣтрености) шлюхъ
Я уважая Русской духъ,
Простиль бы имъ сплетни, чванство
Фамильныхъ шутокъ остроту
Пороки, зубъ нечистоту
(И непристойность и) жеманство
Но какъ простить имъ (модный) бредъ
И неуклюжій этикетъ —

Строфа XXIV. Первоначально (въ связи съ другимъ планомъ, который былъ у Пушкина) эта строфа читалась иначе:

Увы Татьяна увядаетъ...
Блѣднѣеть гаснетъ и молчитъ
Ничто ея не занимаетъ
Ея души не шевелить — —
Качая [важно] головою
Сосѣди шепчутъ межъ собою
Пора пора бы — замужъ ей —
Мать тоже мыслить; — у друзей
Тихонъко требуетъ совѣта —
Друзья совѣтуютъ — зимой

Въ Москву подняться всей семьей —
Авось — въ толпѣ большаго свѣта
Татьянѣ — сыщется женихъ
Милѣй иль щастливѣй другихъ.

Непосредственно за этимъ поэгъ написаль:

Не въ первый разъ моей Татьянѣ
Ужъ назначали жениховъ
Семейство Ларинихъ заранѣ
Поздравить всякой былъ готовъ
— — — въ самомъ дѣлѣ
Ее искали — но доселѣ
Она отказывала всѣмъ
Старушка (мать) гордилась тѣмъ — — —
Сосѣдки (всѣхъ именовали)
По пальцамъ (даже) перечли
Такъ (до) Онѣгина дошли
(Потомъ усердно разсуждали)
И предрекли уже разводъ
(Съ Татьяной много) черезъ годъ

Послѣ этого Пушкинъ началъ было и продолженіе —

Но сплетни (скоро перестали) —
(Не вздумалъ свататься женихъ)
Объ немъ
(Татьяна)

Но поэтъ не сталъ продолжать эту строфу вслѣдствіе
того, что откинулъ предыдущую, и взамѣнъ ея напи-
салъ новые строфы:

Старушка очень полюбила
Благоразумный ихъ совѣтъ —
Въ столицу (ѣхать) положила
Какъ только [будетъ] зимній слѣдъ.
Ужъ небо осеню дышало
Ужъ рѣжѣ солнышко блистало
Короче становился день — —
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась —
Ложился на поля туманъ
Гусей крикливыхъ караванъ —
Тянулся къ югу — приближалась
(Довольно) скучная пора:
(Стоялъ Ноябрь) ужъ у двора! —

Когда повѣтъ къ намъ весною
И небо вдругъ оживлено —
Люблю поспѣшною рукою
Двойное выставить окно
Съ какимъ то грустнымъ наслажденьемъ
Я упиваюсь дуновенiemъ
(Живой) прохладой; но весна
У насть не радостна — она
Богата грязью не цвѣтами
Напрасно манить жадный взоръ
Луговъ плѣнительный узоръ
Не свищеть ночью надъ водами
Пѣвецъ — — и вмѣсто розъ
Въ поляхъ разтопленный навозъ.

Что наше сѣверное лѣто
Каррикатура южныхъ зимъ
Мелькнетъ и нѣтъ — извѣстно это —
Хоть мы признаться не хотимъ —
Не шумъ дубравъ, не тѣнь, не розы
Въ удѣль намъ отданы морозы —
Мятель свинцовыи сводъ небесъ
Безлиственный сребристый лѣсъ —
(Пустыни) ярко — (снѣговыя)
Гдѣ свищутъ подрѣзы саней
Вотъ слава пасмурныхъ ночей
Кибитки пѣсни удалыхъ
Двойныя стекла, банный паръ —
Халатъ лежанка и угарь.

Строфа XXVI. Ленскій въ альбомѣ Ольги

То въ немъ рисуетъ онъ цвѣточекъ
Въ вѣнкѣ два сердца, ручеечикъ

Строфа XLIII. Первоначально эта строфа начиналась такъ:

Въ глухи что дѣлать въ это время
Гулять — но голы всѣ мѣста
Какъ лысое Сатурна темя
Иль крѣпостная нищета

Строфа XLVIII. Пушкинъ колебался, на какой день назначить имянини Татьяны — на четвергъ или на субботу.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Пушкинъ началъ было выписывать эпиграфы:

La sotto

Тускло свѣтится луна
въ сумракѣ тумана
Молчалива и грустна
Милая Свѣтлана
Что подруженька съ тобой
Вымолви словечко
Слушай пѣсни круговой
Вынь

Строфа VIII. Кромѣ Агафона, въ рукописи было и другое имя — Парамонъ.

Строфа XXII. Первоначально о Мартынѣ Задыкѣ было сказано:

Прелестной Тани книга эта
Была всего дороже свѣта
И всякой день находитъ въ ней
Она хорошихъ тьму вещей

Строфа XXX. Первоначально Татьяна падала въ обморокъ, увидя противъ себя Онѣгина.

Строфа XXXIII. Первоначальное чтеніе 9-11 стиховъ:

Запѣль. Нещастная Татьяна
То вся въ огнѣ, то вновь блѣдна;
Стыдомъ досадою полна

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Строфа XXXIV. С. М. Бонди пріурочилъ къ этой строфѣ слѣдующіе наброски:

Въ сражены [смѣльмы] быть похвально,
Но кто не смѣль въ нашъ храбрый вѣкъ?
Все дерзко бьется, лжетъ нахально.
Герой, будь прежде человѣкъ.
Чувствительность бывала въ модѣ
И въ нашей сѣверной природѣ.
Когда горящая картечъ

Главу сорвешь у друга съ плечъ,
 Плачь, воинъ, не стыдись, плачь вольно,
 И Кесарь слезы проливалъ,
 [Когда онъ] друга [смерть узналъ],
 И самъ былъ раненъ очень больно
 (Не помню гдѣ, не помню какъ),
 Онъ былъ конечно не дуракъ.

Но плакать и безъ раны можно
 О другѣ, если былъ онъ миль,
 Насъ не дразнилъ неосторожно
 И нашимъ прихотямъ служилъ.
 Но если Жница роковая,
 Окровавленная, слѣпая,
 Въ огнѣ, въ дыму — въ глазахъ отца
 Сразить залетнаго птенца!
 О страхъ, о горькое мгновенье
 О когда твой сынъ
 Упалъ сраженъ, и ты одинъ!
 [Забылъ ты славу] [и] сраженье,
 И предалъ славѣ ты чужой
 Успѣхъ, ободренный тобой.

Какъ мрачный стонъ, какъ гроба холодъ....

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Строфа XXI. Въ первоначальной XXI строфѣ упоминалось объ альбомѣ-дневникѣ Онѣгина, и непосредственно за этимъ слѣдовало:

Опрытно по краямъ окованъ
 Позолоченымъ серебромъ
 Онъ былъ изписанъ, изрисованъ
 Рукой Онѣгина кругомъ
 Межъ непонятнаго моранья
 Мелькали мысли, замѣчанья
 Портреты, числа, имена
 Да буквы, тайны письмена
 Отрывки, письма черновыя
 И словомъ искренній журналъ
 Въ который душу изливалъ
 Онѣгинъ въ дни свои младые
 Дневникъ мечтаний и проказъ
 Кой что [я] выпишу для васъ

Альбомъ Онѣгина.

1.

Меня не любятъ и клевещутъ
Въ кругу мушинъ несносень я
Дѣвчонки предо мной трепещутъ
Косятся дамы на меня
За что? за то что разговоры
Принять мы рады за дѣла
Что вздорнымъ людямъ важны вздоры
Что Глупость вѣтрена и зла
Что пылкихъ душъ несторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ иль смѣшитъ —
Что умъ любя просторъ — тѣснить.

2.

Боитесь вы Графини — овой —
Сказала намъ Элиза К.
Да возразилъ NN сурою
Боимся мы Графини — овой
Какъ вы боитесь паука.

3.

Въ коранѣ много мыслей здравыхъ
Вотъ на примѣрѣ: предъ каждымъ сномъ
Молись — бѣги путей лукавыхъ
Чти бога и не спорь съ глупцомъ —

4.

Цвѣтокъ полей, листокъ дубравъ
Въ ручье Кавказскомъ каменѣть
Въ волненіи жизни такъ мертвѣеть
И вѣтреной и нѣжной нравъ.

5.

Шестого. Былъ у В. на балѣ
Довольно пусто было въ залѣ —
С. R. какъ Ангелъ хороша
Какая вольность въ обхожденіи
Въ улыбкѣ, въ томномъ глазѣ движеньи
Какая нѣга и душа!

(Она сказала *Nota bene*
Что завтра ёдетъ къ Селименѣ).

Вечоръ сказала мнѣ R. C.
Давно желала я васъ видѣть
Зачѣмъ? — мнѣ говорили всѣ
Что я васъ буду ненавидѣть
За что? — за рѣзкій разговоръ
За легкомысленное мнѣніе
О всемъ; за колкое презрѣніе
Ко всѣмъ; однакожъ это вздоръ
Вы надо мной смѣяться властны
Но вы совсѣмъ не такъ опасны
И знали ль вы до сей поры
Что просто — очень вы добры?

7.

Сокровища родного слова
Замѣтать важные умы
Для лепетанія чужова
Безумно пренебрегли мы
Мы любимъ Музъ чужихъ игрушки
Чужихъ нарѣчій погремушки
А не читаемъ книгъ своихъ —
Да гдѣ-жъ они? давайте ихъ.
А гдѣ мы первыя познанья
И мысли первыя нашли
Гдѣ повѣряемъ испытанья
Гдѣ узнаемъ судьбу земли
Не въ переводахъ одичалыхъ
Не въ сочиненяхъ запоздалыхъ
Гдѣ рускій Умъ и Рускій духъ
Зады твердитъ и лжетъ за двухъ.

8.

Морозъ и солнце! чудный день --
Но нашимъ дамамъ видно лѣнь
Сойти съ крыльца и надѣ Невою
Блеснуть холодной красотою —
Сидятъ — напрасно ихъ манить
Пескомъ усыпанный гранитъ.
Умна восточная система

И правъ обычай старииковъ:
Онъ родились для Гарема
Иль для неволи теремовъ.

9.

(Вчера у В) — оставя пиръ
Р. С. летѣла какъ Зефиръ
Невнемля жалобамъ и пѣнямъ
А мы по лаковымъ ступенямъ
Летѣли шумною толпой
За Одалиской молодой
Послѣдній звукъ послѣдней рѣчи
Я отъ нее поймать успѣлъ
Я чернымъ соболемъ одѣлъ
Ея блистающія плечи
На кудри милой головы
Я шаль зеленую накинулъ
Передъ Венерою Невы
Толпу влюбленную раздвинулъ —

10.

— — — я васъ люблю etc.¹⁾

11.

Сегодня былъ я ей представленъ
Глядѣль на мужа съ полчаса
(Онъ важенъ) краситъ волоса
Онъ чиномъ отъ ума избавленъ —

Кромѣ этихъ отдѣланныхъ записей, въ рукописи
имѣются еще слѣдующіе черновые наброски:

Я не люблю княжны S. L.!
Свое (тщеславье) (и) (кокетство)
Она взяла себѣ за (цѣль),
Короче было бъ взять за средство.

Вчера былъ день довольно (странный?)
(Поутру былъ у.....)
Чего же такъ хотѣлось ей?
Сказать ли первыя три буквы?
К - Л - Ю - клю... возможно ль? клюквы! —

¹⁾ По всей вѣроятности, сокращенная запись: «Но вы,
кокетки записныя, Я васъ люблю, хоть это грѣхъ...
и т. д. (см. стр. 250).

Когда бы грузъ, меня гнетущій,
Былъ страсть, несчастіе...
Такъ напряженъемъ, волей твердой,
Мы страсть безумную смиrimъ,
Бѣду снесемъ душою гордой
Печаль надеждой усладимъ!
Но скучу! — чѣмъ ее смиришь?...
Но то, что (душу подавляетъ)
(Что нась)....

S. M. (по набережной длиной)
(Въ сопровожденіи двухъ слугъ)
(Съ своей подружкою самъ-другъ)
(Шла)....

Строфа XXIV. Послѣ XXIV-ой строфы поэтъ предполагалъ сдѣлать переходъ къ описанію путешествія Онѣгина (по первоначальному плану путешествіе Онѣгина входило въ седьмую главу) и написалъ слѣдующую строфи:

Но мы съ открытиемъ поздравимъ
Татьяну милую мою —
И въ сторону свой путь направимъ
Чтобъ не забыть о комъ пою
Убивъ неопытнаго друга
Томленье (сельскаго) досуга
Не могъ Онѣгинъ одолѣть —
(Рѣшился онъ въ кибитку сѣсть) —
Раздался колокольчикъ звучный
Ямщикъ ударилъ засвисталъ
И нашъ Онѣгинъ поскакалъ
(Искать отрады жизни) скучной
По отдаленнымъ (сторонамъ)
Куда не зная точно самъ.

Наброски XXXIX-ой строфы:

(Татьяну все) воображая
Ее ребенкомъ. Няня ей
Сулить веселье изтощая
Риторику хвалы своей
(Москву?) описываетъ живо

Строфа L. Наброски строфы, примыкающей къ L-ой:

Въ низу вопросы зашумѣли
Кто эта съ правой стороны
Въ четвертой ложѣ — Надоѣли

ВОСЬМАЯ ГЛАВА.

Вмѣсто первой строфы печатной редакціи первона-
чально предполагались слѣдующія четыре:

Въ тѣ дни когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно раззвѣталъ
Читаль охотно Елисея
А Цицерона проклиналъ
Въ тѣ дни, какъ я поэмѣ рѣдкой
Не предпочель бы мячикъ мѣткой
Считалъ сколастику за вздоръ
И прыгалъ въ садъ черезъ заборъ
Когда порой бывалъ прилежень
Порой лѣнивъ порой упрямъ
Порой лукавъ, порою прямъ
Порой смиренъ, порой мятеженъ
Порой печаленъ, молчаливъ
Порой сердечно говорливъ.¹⁾)

¹⁾ Въ свою очередь, еще прежде, вмѣсто этой строфы
были написаны двѣ:

Въ тѣ дни когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно раззвѣталъ
Читаль украдкой Апулея
А надъ Виргиліемъ (?) зѣвалъ
Когда лѣниво я проказилъ
По крышамъ и по окнамъ лазилъ (?)
И забывалъ Латинскій классъ
Для алыхъ усть и черныхъ (глазъ?)
Когда тревожить начинала
Мнѣ сердце смутная печаль
Когда т вдали
Мои мечтанья увлекала
И (эхо?) (молодого?) дня
Будило радостно меня.

Когда Французомъ называли
Меня задорные друзья

Когда въ забвеньи передъ классомъ
Порой терялъ я взоръ и слухъ
И говорить старался басомъ
И стригъ надъ губой первый пухъ
Въ тѣ дни... въ тѣ дни когда впервыя
Замѣтилъ я черты живыя
Прелестной дѣвы, и любовь
Младую взволновала кровь
И я тоскуя безнадежно
Томясь обманомъ пылкихъ сновъ
Вездѣ искалъ ея слѣдовъ,
Объ ней задумывался нѣжно,
Весь день минутной встрѣчи ждалъ
И щастье тайныхъ мукъ узналъ

Въ тѣ дни — во мглѣ дубравныхъ сводовъ
Близъ водъ текущихъ въ тишинѣ
Въ углахъ Лицейскихъ переходовъ
Являясь Муза стала мнѣ.
Моя студенческая келья
Доселѣ чуждая веселья
Вдругъ озарилась! — Муза въ ней
Открыла пиръ своихъ затѣй;
Простите, хладная Науки!
Простите игры первыхъ лѣтъ!
Я измѣнился, я поэтъ
Въ душѣ моей едины звуки
Переливаются, живутъ
Въ размѣры сладкіе бѣгутъ.

Вездѣ со мной, неутомима
Мнѣ Муза пѣла, пѣла вновь
(*Amorem canat aetas prima*)
Все про любовь да про любовь.
Я вторилъ ей — младые други,

Когда (педанты) предрѣкали
Что ввѣкъ повѣсой буду я
Когда по розовой аллѣ
Мы рѣзвились, бѣсились....
Когда (порой) въ тѣни алей
Я слушаль клики лебедей
(Или) (когда) (среди) (равнины)
На воды свѣтлыя взиралъ
(Кагульскій) (мраморъ) (навѣщаль)

Въ освобожденные досуги,
Любили слушать голосъ мой —
Они пристрастноу душой
Ревнуя къ братскому союзу,
Мнѣ первый поднесли вѣнецъ
Чтобъ имъ украсиль ихъ пѣвецъ
Свою застенчивую Музу.
О торжество невинныхъ дней!
Твой сладокъ сонъ душѣ моей

Строфа III. Первоначальная редакція 3-4 стиховъ:

Толпы восторги раздѣляя
Я Музу пылкую привелъ

9-10: И какъ Вакханочка бѣсилась,
Кричала, пѣла межъ гостей

Строфа IV. Первое четверостишие въ рукописи читается иначе:

Но Рокъ мнѣ бросилъ взоры гиѣва
И вдаль занесъ — она за мной.
Какъ часто ласковая дѣва
Мнѣ услаждала часъ ночной

Строфа V. Варіантъ 9-10 стиховъ: Для пѣсенъ Вольности любезной

Но дунулъ вѣтеръ, грянулъ громъ,

Строфа XVI. Въ рукописи 7-9 стихи читались:

Она сидѣла на софѣ
Межъ странной Леди Барифе
Съ надменной (вар: «и съ славной», «и съ гордой») Ниной Таранскою

Строфа XX. 9-ый стихъ въ рукописи читался: И дышетъ пламенно на волѣ...

Строфа XXIII. Мужъ Татьяны вспоминаль первоначально съ Онѣгинъмъ «Затѣи, мнѣнья», потомъ «Друзей, красавицъ прежнихъ лѣтъ».

Строфа XXIV. Постѣ XXIV-ой строфы въ рукописи было:

И та, чья юность улыбалась
Раззвѣтшей жизни благодать
И та которая сбиралась
Ужъ общимъ мнѣнемъ управлять
И представительница свѣта

И та чья скромная планета
Должна была когда-нибудь
Смиреннымъ щастіемъ блеснуть
И та которой сердце тайно
Нося безумной страсти казнь
Питало ревность и боязнь —
Соединенные случайно
Другъ дружкѣ чуждыя душой
Сидѣли тутъ одна съ другой

Со всею вольностью дворянской
Чуждались щегольства рѣчей
И щекотливости мещанской
Журнальныхъ чопорныхъ судей
Въ гостиной свѣтской и свободной
Былъ принять слогъ простонародной
И не пугаль ничыхъ ушей
Живою странностю своей.
(Чему навѣрно удивится,
Готовя свой разборный листъ
Иной глубокій Журналистъ;
Но въ свѣтѣ мало-ль что творится
О чемъ у насъ не помышляль,
Быть можетъ ни одинъ Журналъ!)

Никто насмѣшкою холодной
Встрѣчать не думалъ старика
Замѣя воротникъ немодной
Подъ бантомъ шейнаго платка.
И новичка — Провинціала
Хозяйка спѣсью не смущала
Равна для всѣхъ она была
Непринужденна и мила
Лишь путешественникъ залетной
Блестящій, Лондонской нахалъ
Полу-улыбку возбуждалъ
Своей осанкою заботной
И быстро обмѣненный взоръ
Ему былъ общій приговоръ

Строфа XXV-XXVI. XXV-ая (которую Пушкинъ печаталъ безъ послѣднихъ шести стиховъ) и XXVI-ая строфы первоначально имѣли слѣдующій видъ:

Тутъ былъ на эпиграмы падкой
На все сердитый князь Бродинъ

На чай хозяйки слишкомъ сладкой
На глупость дамъ, на (тонъ) мущинъ
На вензель двумъ сироткамъ данный
На толки про романъ жеманный
(На пустоту жены своей)
(На талы спѣлыхъ дочерей)
Тутъ былъ одинъ диктаторъ бальной
Прыгунъ суровый должностной;
У стѣнки фертикъ молодой
Стоялъ картинкою журнальной
Румянъ какъ вербный херувимъ
Затянутъ, нѣмъ и недвижимъ.

Тутъ былъ Проласовъ заслужившій
Извѣстность низостью души
Во всѣхъ Альбомахъ притупившій
St Priest твои карандаши,
Тутъ былъ (К. М.) фран(цузы?) женатый
На куклѣ чахлой и горбатой
И семи тысячахъ душахъ;
Тутъ былъ во всѣхъ своихъ звѣздахъ
(Прависинъ Цензоръ) непреклонный
(Недавно грозный сей Катонъ
За взятки мѣста былъ лишенъ)
Тутъ былъ еще сенаторъ сонный,
Проведшій съ картами свой вѣкъ,
Для власти нужный человѣкъ.

Къ XXV-XXVI строфамъ относятся также слѣдующіе
черновые наброски:

Явился... добрый малый
Извѣстный низостью своей
И страстью открывать всѣ балы
.....
За нимъ другой красавецъ бальной
Вошелъ картинкою журнальной.
(Тутъ) (Лиза) дочь его была,
Ужъ такъ жеманна, такъ мала,
Такъ неопрятна, такъ писклива,
Что поневолѣ каждый гость
Предполагалъ въ ней умъ и злость;
(Въ углу важна и молчалива)
.....

Строфа XXVI. Послѣ этой строфы въ рукописи имѣется слѣдующая:

Смотрите: въ залу Нина входитъ,
Остановилась у дверей
И взглядъ разсѣянный обводитъ
Кругомъ внимательныхъ гостей.
Въ волненыи перси, плечи блещутъ,
Вокругъ стана и груди трепещутъ
Прозрачной сѣтью кружева,
Горитъ въ алмазахъ голова
И шелкъ узорной паутиной
Сквозить на розовыхъ ногахъ,
Одинъ Онѣгинъ (въ небесахъ)
Предъ сей волшебною картиной:
Одной Татьяной пораженъ,
Одну Татьяну видитъ онъ.

Вмѣсто этой строфы Пушкинъ написалъ другую:

И въ залѣ яркой и богатой
Когда въ умолкшій, тѣсный кругъ
Подобна лиліи крылатой
Колеблясь входитъ Лалла-Рукъ
И надъ поникшею толпою
Сияетъ Царственной главою
И тихо въется и скользитъ
Звѣзда-Харита межъ Харитъ
И взоръ смѣшанныхъ поколѣній
Стремится ревностью горя
То на нее, то на Царя —
Для нихъ безъ глазъ одинъ Евгений
Одной Татьяной пораженъ;
Одну Татьяну видитъ онъ.

Однако и въ такомъ видѣ строфа не вошла въ восьмую главу.

Строфа XXX. Вмѣсто этой строфы была написана другая:

Проходятъ дни, летятъ недѣли
Онѣгинъ мыслитъ объ одномъ
Другой себѣ не знаетъ цѣли
Чтобъ только явно иль тайкомъ
Гдѣбѣ ни было Княгиню встрѣтить
Чтобы въ лицѣ ея замѣтить
Хоть озабоченность иль гнѣвъ.

Свой дикий нравъ преодолѣвъ
Вездѣ на вечерѣ, на балѣ
Въ театрѣ, у художницъ модѣ,
На берегахъ замерзлыхъ водѣ
На улицѣ, въ передней въ залѣ
За ней онъ гонится, какъ тѣнь
Куда его дѣвалась лѣнь!

Письмо Онѣгина къ Татьянѣ.

Въ письмо Онѣгина не вошли, между прочимъ, слѣдующіе стихи:

Но такъ и быть: не въ силахъ долѣ
Противиться я самъ себѣ,
Не въ первый разъ я преданъ волѣ
Страстей безумныхъ и судьбы.

Я позабылъ вашъ образъ милый,
Рѣчей стыдливыхъ нѣжный звукъ,
И жизнь сносилъ души унылой,
Какъ искупительный недугъ.

Какъ мало надобно мнѣ счастья!
Я не прошу отъ васъ участья.

Такъ, я безумецъ! и ужели
Я слишкомъ многое прошу?
Когда бъ хоть тѣнь вы разумѣли
Того, что въ сердцѣ я ношу!

Вы незнакомы съ этимъ адомъ.
И что же?.. вотъ чего хочу:
Пройду... немного... съ вами рядомъ,
Упьюсь по каплѣ сладкимъ ядомъ
И благодарный замолчу.

Строфа XXXVII. И. А. Шляпкинъ (по всѣмъ признакамъ — неточно) приводитъ вариантъ этой строфы:

И часъ насталъ — и въ усыпленье
Ума и чувствъ впадаетъ онъ,
И передъ нимъ воображеніе
Свой пестрый мечетъ фараонъ.
Видѣнья быстрыя лукаво
Скользятъ нальво и направо,
И будто на смѣхъ — ни одно
Ему въ отраду не дано,

И какъ отчаянный игрокъ
Онъ желчно проклинаетъ рокъ...
Все тѣ же сыплются видѣнья
Предъ нимъ упрямой чередой;
За ними, съ скрежетомъ мученья,
Онъ алчною слѣдитъ душой.
Отрады нѣтъ.... —
Всѣ ставки жизни проигралъ....

Строфа XLV. Третій стихъ читался сперва «То знай-теже: колкость», потомъ «холодъ», потомъ «строгость» и снова «колкость» «вашей браны». Такъ точно и въ слѣдующемъ стихѣ Пушкинъ вернулся къ первоначальному эпитету приговора — «тогдашній», который хотѣлъ замѣнить «безнадежнымъ» и «безощаднымъ». Заключительное двустишие строфы читалось:

Подите... полно — я молчу —
Я васъ и видѣть не хочу!

Строфа XLVI. Въ рукописи 8-ой и 9-ый стихи читались сперва иначе:

За домикъ нашъ, за дикой садъ
За мѣльницу (вар.: озеро), за городище

Отрывки изъ путешествія Онѣгина.

Въ ноябрѣ 1830 года Пушкинъ предполагалъ еще сохранить полностью главу, посвященную путешествію Онѣгина (въ то время восьмую) и издать ее вмѣстѣ съ послѣдней (девятой) главой. Объ этомъ свидѣтельствуетъ написанное имъ въ это время предисловіе:

У насъ довольно трудно самому Автору узнать впечатлѣніе, произведенное въ публикѣ сочиненіемъ его. Отъ журналовъ узнаетъ онъ только мнѣніе издателей, на которое положиться невозможно по многимъ причинамъ. Мнѣніе друзей, разумѣется, пристрастно, а незнакомые, конечно, не станутъ ему въ глаза бранить его произведеніе, хотя бы оно того и стоило.

При появлѣніи VII пѣсни Онѣгина журналы вообще отозвались объ ней весьма неблагожелательно. Я бы охотно имъ повѣрилъ, если бы ихъ приговоръ не слишкомъ ужъ противорѣчилъ тому, что говорили они о прежнихъ главахъ моего Романа. Послѣ неумѣренныхъ, незаслуженныхъ похвалъ, коими осыпали б ча-

стей одного и того же сочиненія, странно было мнѣ читать напр. слѣдующій отзывъ — (Пушкинъ оставилъ мѣсто для выписки отзыва «Сѣверной Пчелы»).

Евгений Вельскій. Прошу извиненіе у неизвѣстнаго мнѣ поэта, если повторю здѣсь эту грубость критика. Судя по отрывкамъ его поэмы, я ничуть не полагаю для себя обиднымъ, если находятъ Евгения Онѣгина ниже Евгения Вельского.

2 замѣчаніе. Стихи эти очень хороши, но въ нихъ заключающаяся критика неосновательна. Самый ничтожный предметъ можетъ быть избранъ стихотворцемъ, — критикѣ нѣть нужды разбирать что стихотворецъ описываетъ, но какъ описываетъ.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ сказано было, что VII глава не могла имѣть никакого успѣха, ибо Вѣкъ и Россія идутъ впередъ, а стихотворецъ остается на прежнемъ мѣстѣ. Рѣшеніе несправедливое(т. е. въ его заключеніи). Вѣкъ можетъ ити себѣ впередъ, науки, философія и гражданственность могутъ усовершенствоваться и измѣняться, — но поэзіи остаются на одномъ мѣстѣ, не старѣютъ и не измѣняются, ибо душа человѣческая одна, средства тѣ же. И между тѣмъ какъ великие представители старинной Астрономіи, Физики, Медицины и Философіи одинъ за другимъ забываются, и какъ ихъ понятія замѣняются другими, произведенія истинныхъ поэтовъ остаются свѣжі и вѣчно юны. Поэтическое произведеніе можетъ быть неудачно, слабо, ошибочно, — виновато ужъ вѣрно дарованіе стихотворца, (а не) вѣкъ, ушедшій отъ него впередъ.

Вѣроятно, критикъ хотѣлъ сказать, что Евгений Онѣгинъ и весь его причетъ уже не новость для Публики, и что онъ надоѣлъ и ей (и) всѣмъ Журналистамъ.

Какъ бы то ни было, рѣшаюсь еще искусить ея терпѣніе.

Вотъ еще двѣ главы Евгения Онѣгина — послѣднія, по крайней мѣрѣ для печати.¹⁾ Тѣ, которые стали бы въ нихъ искать занимательности происшествій, могутъ быть увѣрены, что въ нихъ еще менѣе дѣйствія, чѣмъ во всѣхъ предшествовавшихъ. Осмьюю главу я хотѣлъ было вовсе уничтожить и замѣнить одной Римскою

¹⁾) Пушкинъ имѣлъ въ виду X-ую главу, которая, конечно, не могла быть напечатана.

Цифрою, но побоялся критики. — Къ тому же многіе отрывки изъ оной были уже напечатаны. Мысль, что неумѣстную пародію можно признать за неуваженіе къ великой и священной памяти, — также удерживала меня. Но Чайльдъ-Гарольдъ стоитъ на такой высотѣ, что какимъ бы тономъ о немъ ни говорили, мысль о возможности оскорбить не могла во мнѣ родиться. —

Въ слѣдующемъ, 1831 году, Пушкинъ отказался отъ мысли издать обѣ главы, въ 1832 году напечаталъ «Послѣднюю главу Евгения Онѣгина» (переработавъ ее) и въ первомъ полномъ изданіи романа (въ 1833 году) приложилъ только «Отрывки изъ путешествія Онѣгина».

Возстановить полностью эту главу невозможно; по-видимому, она начиналась тремя строфами, вошедшими въ передѣланномъ видѣ въ восьмую главу (и ставшими тамъ девятой и десятой); послѣ нихъ слѣдовало:

Блаженъ кто понялъ голосъ строгій
Необходимости земной —
Кто въ жизни шелъ большой дорогой
Большой дорогой столбовой
Кто цѣль имѣлъ и къ ней стремился
Кто зналъ зачѣмъ онъ въ свѣтѣ явился
И богу душу передалъ
Какъ откупщикъ (иль) Генералъ
«Мы рождены, сказаль Сенека,
Для пользы ближнихъ и своей» —
(Нельзя быть проще и яснѣй)
Но тяжело проживъ полвѣка;
Въ минувшемъ видѣть то(лько?) слѣдъ
Утраченныхъ, безплодныхъ лѣтъ — —

Слѣдующія двѣ строфы опять таки вошли въ составъ передѣланной восьмой главы (XI и ХII строфы). Послѣ нихъ:

Наскуча или слыть Мельмотомъ
Иль маской щеголять иной
Проснулся разъ онъ Патріотомъ
Дождливой, скучною порой.
Россія, Господа, мгновенно
Ему понравилась отмѣнно
И рѣщено. Ужъ онъ влюбленъ
Ужъ Русью только бредитъ онъ
Ужъ онъ Европу ненавидитъ
Съ ея политикой сухой

Съ ея развратной суетой
Онѣгинъ ѿдетъ онъ увидитъ
Святую Русь; ея поля.
Пустыни, грады и моря.

Онъ собрался и слава богу
Іюня 3 числа
Коляска легкая въ дорогу
Его по почтѣ понесла.
Среди равнинъ полудикой
Онъ видить Новгородъ-великой
Смирились площади — средь нихъ
Мятежный колоколъ утихъ,
Но бродятъ тѣни великановъ:
Завоеватель Скандинавъ,
Законодатель Ярославъ
Съ четою грозныхъ Іоановъ
И вокругъ поникнувшихъ церквей
Кипитъ народъ минувшихъ дней

Тоска, тоска! спѣшитъ Евгений
Скорѣе далѣе: теперь
Мелькаютъ мелькомъ будто тѣни
Предъ нимъ Валдай, Торжокъ и Тверь
Тутъ у привязчихъ крестьянокъ
Беретъ 3 связки онъ баранокъ
Здѣсь покупаетъ туфли — тамъ
По гордымъ Волжскимъ берегамъ
Онъ скачетъ сонный — Кони мчатся
То по горамъ, то вдоль рѣки —
Мелькаютъ версты, ямщики
Поютъ, и свищутъ, и бранятся —
Пыль вьется — Вотъ Евгений мой
Въ Москвѣ проснулся на Тверской

Москва Онѣгина встрѣчаетъ
Своей спесивой суетой
Своими дѣвами прельщаетъ
Стерляжей подчуаетъ ухой —
Въ палатѣ Англійскаго клуба
(Народныхъ засѣданій проба)
Безмолвно въ думу погруженъ
О кашахъ прѣнья слышитъ онъ.
Замѣченъ онъ. Объ немъ толкуетъ
Разнорѣчива молва
Имъ занимается Москва

Его шпіономъ именуетъ
Слогаетъ въ честь его стихи
И производить въ женихи.

Слѣдующую строфи Пушкинъ печаталъ безъ первыхъ 1 1/2 стиховъ. Приводимъ по чистовой рукописи первые два стиха:

Тоска! тоска! — Онъ въ Нижній хочетъ,
Въ отчизну Минина — Предъ нимъ

Послѣ этой строфы:

Тоска! Евгений ждетъ погоды
Ужъ Волга рѣкъ озеръ краса
Его зоветъ на пышны воды
Подъ полотняны паруса —
Взманить охотника нетрудно
Нанять купеческое судно
Поплыль онъ быстро внизъ рѣки —
Надулась Волга — бурлаки
Опершись на багры стальны
Унывнымъ голосомъ поютъ
Про тотъ разбойничій пріютъ
Про тѣ разъѣзды удалые
Какъ Ст[енька] Разинъ въ старину
Кровавилъ волжскую волну.

Изъ слѣдующей строфы поэтъ печаталъ только одно слово («Тоска!»):

Поютъ про тѣхъ гостей незваныхъ
Что жгли да рѣзали — Но вотъ
Среди степей своихъ песчаныхъ
На берегу соленыхъ водъ
Торговый Астрахань открылся
Онѣгинъ только углубился
Въ воспоминан[ья] прошлыхъ дней
Какъ жаръ полуденныхъ лучей
И комаровъ нахальныхъ тучи
Пища, жужжа совсѣхъ сторонъ
Его встрѣчаютъ — и взбѣшонъ
Каспійскихъ водъ брега сыпучи
Онъ оставляетъ тоже часть
Тоска! — онъ ёдетъ на Кавказъ

Вмѣсто строфы «Онъ видитъ Терекъ своенравный» было двѣ строфы (въ рукописи недостаетъ начального четверостишия первой изъ нихъ):

Вдали Кавказская громады
Къ нимъ путь открытъ — чрезъ ихъ преграды
За ихъ естественную грань
Съ копьемъ — — промчалась брань
Авось ихъ дикою красою
Случайно тронутъ будетъ онъ
И вотъ, конвоемъ окруженъ
Во слѣдъ за пушкою степною
Въ предвѣрья горъ, въ ихъ мрачный кругъ
(Ступилъ Онѣгинъ) — — вдругъ.

Онъ видитъ Терекъ разъяренный —
Трясеть и точить берега, —
Надъ нимъ, съ чela скалы нагбеной
Висить олень, склонивъ рога —
Обвалы сыплются и блещутъ,
Вдоль скалъ прямыхъ потоки хлещутъ,
Межъ горъ межъ (двухъ высокихъ) стѣнъ
Идетъ ущеліе — стѣсненъ
Опасный путь все уже-уже —
Вверху чуть видны небеса
Природы мрачная краса
Вездѣ являетъ дикость ту же
Хвала тебѣ сѣйдай Кавказъ
Онѣгинъ тронутъ въ первый разъ.

Непосредственно за этой строфой слѣдовала строфа
(черновая):

Во время оное былое!...
(Въ тѣ дни ты зналъ меня) Кавказъ
Въ свое святилище глухое
Ты (призывалъ) меня не разъ
Въ тебя влюбленъ я былъ безумной
И вновь (привѣтствовалъ ты) шумной:
Я (слышалъ) ревъ ручьевъ твоихъ
И (гулъ) обваловъ снѣговыхъ
Среди до(линъ?) — — —(топотъ)
(И кликъ орловъ) и пѣсни дѣвъ
И Терека свирѣпый ревъ
И эха дальномоземный хохотъ —
(И зрѣль) смиренный твой пѣвецъ
(Казбека) царственный вѣнецъ.

Послѣ строфы «Питая горьки размышленья»:

Блаженъ кто старъ! блаженъ кто боленъ
Надъ кѣмъ лежитъ Судьбы рука!

Но я здоровъ, я молодъ воленъ
Чего мнѣ ждать? тоска! тоска!...»
Простите, снѣжныхъ горъ вершины
И вы Кубанскія равнины
Онъ єдетъ къ берегамъ инымъ
Онъ прибылъ изъ Тамани въ Крымъ

Послѣдніе шесть стиховъ («Воображенію край свя-
щенный») вошли въ печатный текстъ.

Къ строфѣ «Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной» от-
носятся слѣдующіе наброски:

Тамъ все Европой дышитъ, вѣтъ,
Все движетъ лирою пѣвца;
Тамъ хладнокровнаго купца
Блистаетъ рѣзвая подруга.

— Я жилъ поэтомъ,
Безъ дровъ зимой, безъ дрожекъ лѣтомъ
Но всякой

Въ черновикѣ строфы «Но ужъ дробить каменья мо-
лотъ» поэтъ вспоминалъ о виновникѣ своей ссылки въ
Михайловское — о графѣ М. С. Воронцовѣ:

И вмѣсто Графа Воронцова
Тамъ будетъ свѣжая вода, —
Тогда поѣдемъ мы туда.

Печатная редакція отрывковъ изъ Путешествія Онѣ-
гина обрывается стихомъ

И такъ я жилъ тогда въ Одессѣ...

Послѣ этого въ рукописи:

Средь новоизбранныхъ друзей
Забывъ о сумрачномъ повѣсѣ
Героѣ повѣсти моей —
Онѣгинъ никода со мною
Не хвасталь дружбой почтовою
А я свободной человѣкъ
Не переписывался вѣкъ
Ни съ кѣмъ — Какимъ-же изумленьемъ
Судите, былъ я пораженъ
Когда ко мнѣ явился онъ! —
Неприглашеннymъ Привидѣньемъ —

Какъ громко ахнули друзья
И какъ обрадовался я — !

(Святая) дружба, гласъ натуры — !!!
Взглянувъ другъ на друга потомъ
Какъ Цицероновы Авгуры
Мы разсмѣялись тишкомъ — — ¹⁾)

— — — —
— — —
— — —

Недолго вмѣстѣ мы бродили
По берегамъ Эвксинскихъ водъ.
Судьбы насы снова разлучили
И намъ назначили походъ
Онѣгинъ очень охлажденный
И тѣмъ что видѣлъ насыщенный
Пустился къ невскимъ берегамъ
А я отъ милыхъ Южныхъ дамъ
Отъ — — устрицъ черноморскихъ,
Отъ оперы, отъ темныхъ ложъ
И слава Богу отъ вельможъ
Уѣхалъ въ тѣнь лѣсовъ Тригорскихъ
Въ далекій сѣверный уѣздъ
И былъ печаленъ мой приѣздъ.

О гдѣбѣ Судьба не назначала
Мнѣ безыменный уголокъ
Гдѣ бѣ ни былъ я, куда бѣ не мчала
Она смиренный мой членокъ
Гдѣ поздній миръ мнѣ бѣ не сулила
Гдѣ бѣ ни ждала меня могила
Вездѣ, вездѣ въ душѣ моей
Благословлю моихъ друзей
Нѣтъ нѣть! нигдѣ не позабуду
Ихъ милыхъ, ласковыхъ рѣчей —
Вдали, одинъ, среди людей
Воображать я вѣчно буду
Васъ, тѣни прибрежныхъ ивъ
Васъ миръ и сонъ Тригорскихъ нивъ

И берегъ Сороти отлогій
И полосатые холмы
И въ рощѣ скрытыя дороги

¹⁾) Эта строфа осталась неоконченной.

И домъ гдѣ пировали мы —
Пріютъ сіяньемъ Музъ одѣтый
Младымъ Языковымъ воспѣтый
Когда изъ капища наукъ
Являлся онъ въ нашъ сельскій кругъ
И Нимфу Сороти прославилъ
И огласилъ поля кругомъ
Очаровательнымъ стихомъ
Но тамъ и я мой слѣдъ оставилъ
Тамъ вѣтру въ дарь, на темну ель
Повѣсилъ звонкую свирѣль —

18 сент. Болдино.
1830.

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА.

Изъ десятой главы, сожженной 19 октября 1830 года и записанной особымъ шифромъ,¹⁾ дошли до насъ только первая четверостишія 14-ти строфъ, черновики двухъ строфъ и черновое начало строфы, которою, по всей вѣроятности, Пушкинъ и прервалъ писаніе десятой главы.

I.

Вла[ститель] слабый и лукавый,
Плѣшивый щеголь, врагъ труда,
Нечаянно пригрѣтый Славой,
Надъ нами царствовалъ тогда

II.

Его мы очень смирнымъ знали,
Когда не наши повара

¹⁾ На большихъ развернутыхъ листахъ (трехъ? четырехъ?) Пушкинъ записывалъ подрядъ, замѣняя «опасныя» собственные имена послѣдними буквами алфавита и тире, сперва всѣ первые стихи строфъ, потомъ всѣ вторые стихи строфъ, потомъ всѣ трети и т. д. (въ нѣсколькихъ случаяхъ онъ ошибся и потому нѣкоторые стихи выпадаютъ изъ строфъ и не могутъ быть пріурочены ни къ какому опредѣленному мѣсту). Такъ какъ до насъ дошелъ только первый листъ шифрованной записи, то мы и имѣемъ только начала строфъ.

Орла двуглаваго щипали
У Б[онапартова] шатра

.....

III.

Гроза 12 года
Наст[ала?] — кто тутъ намъ помогъ?
Остервененіе народа
Б[арклай?], зима иль Р[усскій] Б[огъ]

.....

IV.

Но Богъ помогъ — сталъ ропотъ ниже
И скоро силою вещей
Мы очутилися въ П[арижѣ]
А Р[усскій] [Царь] главой [Царей].

.....

V.

И чѣмъ жирнѣе тѣмъ тяжеле
О Р[усскій?] глупый нашъ н[ародъ?]
Скажи за чѣмъ ты въ самомъ дѣлѣ

.....

VI.

Авось, о Шиболеть народный
Тебѣ бѣ я оду посвятилъ
Но стихоплетъ Великородный
Меня уже предупредилъ

.....

VII.

Авось аренды забывая
Ханжа запрется въ монастырь
Авось по манью [Николая]
Семействамъ возвратить С[ибирь]
Авось дороги намъ исправятъ

.....

VIII.

Сей мужъ судьбы, сей странникъ бранный
Предъ кѣмъ унизились цари,

Сей всадникъ Папою вѣнчанный
Изчезнувшій какъ тѣнь зари,
Измученъ казнью покоя

IX.

Тряслися грозно Пиренеи —
Волканъ Неаполя пылаль,
Безрукій К[нязь?] друзьямъ Мореи
Изъ К[ишинева?] ужъ мигаль

X.

Я всѣхъ уйму съ моимъ народомъ
Нашъ царь въ покоѣ говорилъ

А про тебя и въ усь не дуешь,
Ты А[лександровскій] холопъ

XI.

Потѣшный полкъ Петра Титана,
Дружина старыхъ усачей
Предавшихъ нѣкогда [тирана?]
Свирѣпой шайкѣ палачей

XII.

Н[ароды?] присм[ирѣли?] снова
И пуще [Царь] пошелъ кутить,
Но искра пламени инова
Уже издавно можетъ быть

XIII.

У нихъ свои бывали сходки,
Они за чашею вина,
Они за рюмкой русской водки

XIV.

Витїйствомъ рѣзкимъ знамениты,
Сбирались члены сей семьи

У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи

.....

XV.

Другъ Марса, Вакха и Венеры,
Туть дерзко Лунинъ предлогалъ
Свои рѣшительныя мѣры
И вдохновенно бормоталъ,
Читалъ свои ноэли П[ушкинъ]
Мел[анхолический?] Як[ушкинъ?]
Казалось молча обнажаль
Цареубийственный кинжалъ.
Одну Россію въ мірѣ (?) видя,
Лаская въ ней свой Идеалъ,
Хромой Т[ургеневъ] имъ внималъ,
И слово: рабство ненавидя,
Предвидѣлъ въ сей толпѣ дворянъ
Освободителей крестьянъ.

XVI.

Такъ было надъ Невою льдистой,
Но тамъ, гдѣ ранѣе весна
Блестить надъ Каменкой тѣнистой
И надъ холмами Ту[льчина]
Гдѣ Витг[енштейновы] дружины
Днѣпромъ подмытыя равнинъ
И степи Буга облегли,
Дѣла (иные ужъ) пошли.
Тамъ П[естель?] д —
И рать — — — набиралъ
Холоднокровный Генералъ
И Муравьевъ, его скло[ния?]
Исполненъ дерзости и силь
Союза (вспышку) торопилъ.

XVII.

Сначала эти заговоры
Междуда Лафит[омъ] и Клико
(Куплеты, дружеские споры)
И не (входила?) глубоко
Въ сердца мятежн[ая] наука
(Все это было только) скука,
Бездѣлье молодыхъ умовъ,

Забавы взрослыхъ шалуновъ.

Казалось

узлы узлами
На[шъ?] Ца[рь?] дремалъ
(И постепенно сътью тайной)

Два стиха въ зашифрованной записи нельзя прі-
урочить къ опредѣленнымъ строфамъ:

Моря достались Албіону (VI-ая? IX-ая строфа?)
Кинжалъ — неразб. Б — (IX-ая строфа?)

Въ первомъ изданіи «Евгений Онѣгинъ» выходилъ отдѣльными главами (кромѣ четвертой и пятой главъ, вышедшихъ вмѣстѣ подъ одной обложкой). Первая глава вышла въ 1825 году (цензурное разрѣшеніе отъ 29 декабря 1824 года) съ посвященіемъ: «посвящено брату Льву Сергеевичу Пушкину» и со слѣдующимъ предисловіемъ:

Вотъ начало большаго стихотворенія, которое, вѣроятно, не будетъ окончено.

Нѣсколько пѣсень, или главъ Евгения Онѣгина уже готовы. Писанныя подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, онѣ носятъ на себѣ отпечатокъ веселости, означеновавшей первыя произведенія автора Руслана и Людмилы.

Первая глава представляетъ нѣчто цѣлое. Она въ себѣ заключаетъ описание свѣтской жизни Петербургскаго молодаго человѣка въ концѣ 1819 года и напоминаетъ Беппо, шуточное произведеніе мрачнаго Байрона.

Дальновидные критики замѣтятъ конечно недостатокъ плана. Всякой воленъ судить о планѣ цѣлаго романа, прочитавъ первую главу онаго. Станутъ осуждать и антипоэтическій характеръ главнаго лица, сбивающагося на Кавказскаго Плѣнника, также нѣкоторыя строфы, писанныя въ утомительномъ родѣ новѣйшихъ элегій, въ коихъ чувство унынія поглотило всѣ прочія. Но да будетъ намъ позволено обратить вниманіе читателей на достоинства, рѣдкія въ сатирическомъ писателѣ: отсутствіе оскорбительной личности и наблюденіе строгой благопристойности въ шуточномъ описаніи нравовъ.

Кромѣ того, тексту первой главы былъ предпосланъ «Разговоръ книгопродаца съ поэтомъ». Къ словамъ

«Dandy» (IV-ой строфы) и «боливарь» (XV-ой строфы) въ первомъ изданіи не было примѣчаній, за то къ послѣднему стиху VIII-ой строфы мы находимъ слѣдующее примѣчаніе:

2. В дали Италіи своей.

Мнѣніе, будто бы Овидій былъ сосланъ въ нынѣшній Акерманъ, ни на чёмъ не основано. Въ своихъ элегіяхъ *Ex ponto* онъ ясно назначаетъ мѣстомъ своего пребыванія городъ Томы при самомъ устьѣ Дуная. Столъ же несправедливо и мнѣніе Вольтера, полагающаго причиной его изгнанія тайную благосклонность Юліи, дочери Августа. Овидію было тогда около пятидесяти лѣтъ, а развратная Юлія, десять лѣтъ тому прежде, была сама изгнана ревнивымъ своимъ родителемъ. Прочія догадки ученыхъ не что иное, какъ догадки. Поэтъ сдержалъ свое слово, и тайна его съ нимъ умерла:

Alterius facti culpa silenda mihi.

Примѣч. Соч.

5-ый стихъ XV-ой строфы читался:

У Князя балъ, у Графа праздникъ.

Примѣчаніе къ имени Talon (въ XVI-ой строфѣ) читается болѣе пространно: Извѣстный рестораторъ того времени.

Къ послѣднему стиху XXVI-ой строфы первое изданіе давало примѣчаніе:

6. Въ Академическій словарь.

Не льзя не пожалѣть, что наши писатели слишкомъ рѣдко справляются со словаремъ Россійской Академіи. Онъ останется вѣчнымъ памятникомъ попечительной воли Екатерины и просвѣщенного труда наслѣдниковъ Ломоносова, строгихъ и вѣрныхъ опекуновъ языка отечественнаго. Вотъ, что говоритъ Карамзинъ въ своей рѣчи:

«Академія Россійская ознаменовала самое начало бытія своего твореніемъ, важнѣйшимъ для языка, необходимымъ для авторовъ, необходимымъ для всякаго, кто желаетъ предлагать мысли съ ясностю, кто желаетъ понимать себя и другихъ. Полный словарь, изданный Академіею, принадлежитъ къ числу тѣхъ феноменовъ, коими Россія удивляетъ внимательныхъ иноземцевъ. Наша, безъ сомнѣнія, счастливая, судьба, во всѣхъ отношеніяхъ, есть какая-то необыкновенная скорость: мы

зрѣемъ не вѣками, а десятилѣтіями. Италія, Франція, Англія, Германія славились уже многими великими писателями, еще не имѣя словаря: мы имѣли церковныя, духовныя книги; имѣли стихотворцевъ, писателей, но только одного истинно классическаго (Ломоносова), и представили систему языка, которая можетъ равняться съ знаменитыми твореніями Академій Флорентинской и Парижской. Екатерина Великая... кто изъ насъ и въ самый цвѣтущій вѣкъ Александра I можетъ произносить имя Ея безъ глубокаго чувства и благодарности?... Екатерина, любя славу Россіи, какъ собственную, и славу побѣдъ, и мирную славу разума, приняла сей счастливый плодъ трудовъ Академіи съ тѣмъ лестнымъ благоволеніемъ, коимъ Она умѣла награждать все достохвальное, и которое осталось для васъ, милостивые государи, незабвеннымъ, драгоцѣнѣйшимъ воспоминаніемъ.»

Примѣч. Соч.

XXX, 13-14: И нынче иногда во снѣ
Онѣ смухаютъ сердце мнѣ.

Къ этимъ стихамъ сдѣлана выноска: Непростительный галлицизмъ. Соч.

XLI, 4: Довольно скученъ лучшій тонъ.

9-10: Къ тому жъ онѣ такъ величавы,
Такъ непорочны, такъ умны,

12: Такъ чисто сохраняютъ кравы

XLV, 6: Неподражаемая странность

XLV и XLVI напечатаны въ обратномъ порядкѣ.

LIII, 2: Къ покойнику со всѣхъ сторонъ

11: Хозяинъ полный, и досель

Въ томъ же 1825 году и въ слѣдующемъ 1826-мъ, въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ были напечатаны отрывки изъ второй главы со слѣдующими варіантами по сравненію со всѣми другими изданіями:

VIII, 4: Его в се час но ждетъ она

6: За честь его пріять оковы

9: Что есть избранные судьбами

IX, 4: Въ немъ рано распаляли кровь

X, 8-9: И романтическую даль

И увядашія розы

XXIX 3: Она влюблалася въ обманы

Глава вторая («писано въ 1823 году») вышла въ 1826 году (цензурное разрѣшеніе отъ 27 сентября 1826 года) со слѣдующими отличіями отъ нашего текста:

- V 6: Завидять ихъ домашни drogi,
VI, 6: Душой Филистеръ Геттингенскій
VII, 8: Еще плѣнили юный умъ. (опечатка?)
14: И чудеса воображалъ.
VIII кончалась стихомъ: Разбить сосудъ клеветника.
XI, 14: Еще былъ менѣе уменъ.
XVI, 1: Межъ ими всераждало споры
XXXII, 7: Какъ Простакова управлять,
XXXIII, 3: Звала Полиной Парасковью,
XXXVIII, 11: И къ гробу прадѣдовъ спѣшилъ

Кромѣ того, въ первомъ изданіи второй главы (равно какъ и въ другихъ отдѣльныхъ изданіяхъ, кромѣ восьмой главы) вовсе не было пояснительныхъ примѣчаній. Первая и вторая главы съ небольшими измѣненіями были повторены изданіемъ въ 1829 и 1830 гг.. Въ 1827 году, прежде отдѣльного изданія, въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» были напечатаны «Отрывки изъ III главы Евгенія Онѣгина. Ночной разговоръ Татьяны съ ея няней» и «Письмо Татьяны» — со слѣдующими разнотченіями:

- XVIII, 11: Меня благословилъ отецъ (перестановка)
XX, 6: И томнымъ свѣтомъ озаряла
13: И все дышало въ тишинѣ
Письмо: И слѣпо ей себя ввѣрю.

Отдѣльнымъ изданіемъ третья глава вышла въ 1827 году («Съ дозволенія Правительства») со слѣдующимъ предисловіемъ:

«Первая глава Евгенія Онѣгина, написанная въ 1823 году, появилась въ 25. Спустя два года, издана вторая. Эта медленность произошла отъ постороннихъ обстоятельствъ. Отнынѣ изданіе будетъ слѣдовать въ безпрерывномъ порядке: одна глава тотчасъ за другою.»

Текстъ первого изданія отличается отъ послѣдняго (1837 года) слѣдующими разнотченіями:

- I, 7: Тамъ каждый вечеръ убивать?
IV, 2: Зимой летять во весь опоръ. (Опечатка, впослѣдствіи оговоренная Пушкинымъ).

V, 2: Какъ у Вандиковой Мадонѣ:
XX, 13: — Какъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ».
XXIV, 14: И легкомыслія страстей?
Въ письмѣ Татьяны: То въ вышнемъ суждено совѣтѣ... (такъ и въ «Сѣв. Цвѣтахъ»)
XXXIII, 7: Ужъ ей Филиппевна сѣдая
XXXIV, 8 Сосѣду... да велѣть ему —
XXXIX, 8: Сбирали ягоду въ кустахъ

Въ 1827 же году въ «Московскомъ Вѣстнике» (№№ 6 и 20) появились отрывки изъ путешествія Онѣгина подъ заглавиемъ «Одесса» (начиная стихомъ «Я жиль тогда въ Одессѣ пыльной») и первыя четыре строфы (не входившія въ полныя изданія) четвертой главы. Въ слѣдующемъ, 1828 году, въ томъ же «Московскомъ Вѣстнике» (№№ 1 и 2) были напечатаны два отрывка — изъ седьмой главы: «Москва (изъ Евгенія Онѣгина)» и «Альбомы (изъ IV-й главы Евгенія Онѣгина)». Приводимъ разночтенія «Московскаго Вѣстника»; въ IV главѣ:

- XXVII, 1: Поѣдѣть онъ домой — и дома
3: Листки летучіе альбома (перестановка).
10: Пониже подписей другихъ
12: Безмолвный памятникъ свиданья,

Въ VII-ой главѣ:

- XXXVI, 1 Предъ ними
XXXVIII, 5: Возокъ летить черезъ ухабы
6: Мелькаютъ мимо ружья, бабы,
9: Бухарцы, дрожки, огороды,
11: Бульвары, будки, казаки,
XLIV, 1: По скучнымъ родственнымъ обѣдамъ
XLV, 5: Все то же лжетъ Петровна
14: И также важно ловить мухъ
XLVI, 4: Кузину съ ногъ до головы
8: А впрочемъ право недурной
XLVII, 12: Залогъ и горестей и счастья
XLVIII, 5: Все въ нихъ такъ вяло, равнодушно
10: Не вздрогнетъ сердце, хоть для
шутки
L, 2: Протяжно раздается вой,
LI, 4: Мельканье въ вальсѣ быстрыхъ паръ,
10: Пустую голову, корсетъ
LII, 14: Туда, гдѣ онъ явился ей.

Опечатки, допущенные «Московскимъ Вѣстникомъ» (напр., въ строфахъ XXXVIII и XLV), заставили Пушкина тогда же перепечатать этотъ отрывокъ въ «Сѣверной Пчелѣ» (1828, № 17).

Четвертая и пятая главы вышли вмѣстѣ въ 1828 году («Съ дозволенія Правительства») съ посвященіемъ «Петру Александровичу Плетневу»; на другомъ листѣ¹⁾,

¹⁾ Иначе говоря, напечатано такъ, что не можетъ быть увѣренности въ томъ, что «Не мысля гордый свѣтъ забавить» относится къ Петру Александровичу Плетневу.

съ датой «29 декабря, 1827» — «Не мысля гордый свѣтъ забавить» etc. Приводимъ разночтения этого изданія:

Четвертая глава:

- ХХII, 12: Почтенный, милый мой читатель!
 ХХIV, 11: Мне грустно, милые мои!
 ХХVII, 9: То на листахъ воспоминанья,
 ХХIX, 13-14: Не станутъ върно разбирать,
 Остро ль, иль нѣтъ, я могъ соврать,
 XXX, 6: Т — кистью чудотворной,
 7: Иль Б — перомъ,
 10: Mnѣ свой *in-quarto* поднесетъ,
 XXXI, 9: Такъ ты, Я — вдохновенный,
 XXXII, 6: Или одно и тоже квакать,
 XXXVI — не была выпущена
 XLIII, 13: Кой-какъ пройдетъ, и завтра тожъ,
 XLVIII, 10: А то, *ton cher*, суди ты самъ
 LI, 3-4: Стократъ блажень, кто въ теплой вѣрѣ
 Холодный умъ угомонивъ,

Пятая глава.

- IV, 14: М у ж е й военныхъ и походъ.
V, 9: Жеманный лъ котъ, на печкѣ сидя,
VI, 9: Ей встрѣтить доброго монаха,
VIII, 9: Тамъ мужики -то все богаты;
XV, 2: Ее подъемлетъ и несетъ;
10: И въ шалашѣ ужасныи шумъ;
11: Медвѣдь промолвиль: здѣсь мой кумъ;
XVI, 12: Тутъ шевелится хоботъ гордой,
XVII, 1-7: Тамъ суетливый ежъ въ ливрѣ,
Тамъ ракъ верхомъ на паукѣ,
Тамъ черепъ на гусинной шѣ
Вертится въ красномъ колпакѣ,
Тамъ мѣльница въ мундирѣ
пляшетъ,
И крыльями трещитъ и машетъ;
Визгъ, хохотъ, свистъ и хлопъ,
XVIII, 3: Онъ засмѣялся: всѣ хоочутъ;
XIX, 10: Хвосты, хохлатые клыки, (пунктуація, мѣ-
няющая смыслъ)
XX, 10: За нею милой; свѣтъ блеснулъ;
XXV, 11: Лай мосекъ, чвоканье дѣвицъ,
XXX, 6: Въ ней тайныи жаръ; ей душно, дурно;
XXXIII, 8: Къ ней обратясь съ листомъ въ рукѣ
XXXVII и XXXVIII строфы въ первомъ изданіи не

были выпущены, точно такъ же, какъ и 10 стиховъ XLIII-й строфы

XLV, 14: Какъ разъ рѣшать судьбу его.

Глава шестая вышла въ свѣтъ также въ 1828 году (*«Съ дозволенія Правительства»*) со слѣдующими разночтѣніями:

VII, 5: *Sed alltri tempora!* Удалость

VIII, 11: Онѣгину, потупя взоръ

XVII, 14: Съ Онѣгінимъ стрѣляюсь я.

XXXVI, 3: Вы, признакъ жизни неземной,¹⁾

XXXVII, 13-14: Къ ней не домчится гимнъ
врѣменъ,

Благословенія племенъ.

XLIV, 6: Гдѣ, вѣчная вамъ риома, младость?

XLVI и XLVII напечатаны полностью (см. примѣчаніе Пушкина,

Въ концѣ шестой главы (послѣ словъ «Конецъ первой части») былъ напечатанъ очень важный списокъ опечатокъ. Въ этомъ длинномъ и, повидимому, тщательно составленномъ спискѣ, указаны, между прочимъ, двѣ опечатки, которыя (очевидно, по небрежности П. А. Плетнева) перешли и въ послѣдующія полныя изданія *«Евгения Онѣгина»* — 1833 и 1837 г.: въ четвертой главѣ (13 стихъ XXVII строфа) — «долгій слѣдъ» (было напечатано «легкій») и въ пятой (3 стихъ XLIV-ой строфы) — «проворно» (было «проводить»).

Начало седьмой главы (первыя четыре строфы) появилось въ *«Сѣверныхъ Цвѣтахъ»* на 1830 годъ, и отрывокъ изъ путешествія Онѣгина (*«Отрывокъ изъ VIII главы Евгения Онѣгина»* — *«Прекрасны вы, брега Тавриды»* до одесскихъ строфъ) въ № 1 *«Литературной Газеты»* 1830 года (разноченіе: *«Мой идеаль: жена хозяйка»*).

Полностью седьмая глава появилась въ свѣтъ также

¹⁾ Въ этомъ разноченіи мы, можетъ быть, имѣемъ не опечатку, а единственное вѣрное членіе (и въ такомъ случаѣ изданія 1833 и 1837 гг. допустили опечатку): такъ и въ *«Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ»* Пушкинъ называетъ вдохновеніе не призракомъ, а *«признакомъ Бога»* (*«и, признакъ Бога, вдохновеніе, для нихъ и чуждо, и смѣшно»*).

въ 1830 году («Съ дозволенія Правительства») со слѣдующими разночтеніями:

X, 5-6: Уланъ увлекъ ея вниманье,
Уланъ успѣль ея страданье

XVI, 14: Взявъ барышню подъ свой покровъ
XXII, 5: Пѣвца Манфреда и Жуана,

XXVI, 10: Въ Москву, на ярманку невѣстъ!

«Послѣдняя глава Евгения Онѣгина» вышла въ свѣтъ въ 1832 году (цензурное разрѣшеніе отъ 16 ноября 1831 года) съ «Предисловіемъ» («Пропущенные строфы подавали неоднократно поводъ»....) и т. д. — см. Предисловіе къ «Отрывкамъ изъ Путешествія Онѣгина» — стр. 201), безъ примѣчанія къ слову «раутъ» и со слѣдующими разночтеніями:

VI, 5: Сквозь рядъ напыщенныхъ магнатовъ,

11: Явленьемъ медленнымъ гостей

XXI, 4: Его встревожень поздній сонъ.

XLIV, 10: Что милости въ за то къ намъ Дворъ?

Въ 1833 году вышло первое полное изданіе «Евгения Онѣгина» со множествомъ исправленій и.... со множествомъ опечатокъ (текстъ этого изданія обычно и принимался и до сихъ поръ принимается за основу). Въ 1837 году (по преданію, 29 января, въ день смерти поэта) это изданіе было повторено, при чемъ однѣ опечатки были устраниены, а другія, едва ли не гораздо болѣе многочисленныя, прибавлены (наибольшее затрудненіе вызывается тѣмъ, что не всегда можно решить вопросъ, имѣемъ ли мы дѣло съ исправленіемъ или съ новой опечаткой). Въ основу нашего текста и положено это послѣднее прижизненное изданіе, которое мы точно воспроизведимъ, сохранивъ пушкинскую орѳографію и пунктуацію и позволяя себѣ отступленія только въ тѣхъ случаяхъ, когда неисправность его совершенно явна. Съ цѣлью исчерпать этотъ вопросъ въ отношеніи къ послѣднему пушкинскому изданію, мы оговариваемъ всѣ безъ исключенія случаи отступленія отъ этого изданія. Прежде всего, мы исправляемъ по приложенному Пушкинскимъ списку опечатокъ къ отдѣльному изданію шестой главы опечатки, сохраненные всѣми изданіями, въ 13 стихѣ XXVII-ой строфы четвертой главы («легкій слѣдъ») и 3 стихѣ

XLIV-ой строфы пятой главы («проводный»). Далѣе: 11-ое примѣчаніе въ изданіи 1837 года читается «См. первое изданіе Евгения Онѣгина»: очевидно, что это замѣчаніе (а не примѣчаніе) можетъ относиться не къ читателю (который не обязанъ имѣть всѣ изданія), а только къ лицу, слѣдившему за печатаніемъ романа — оно должно было возстановить это примѣчаніе по первому изданію (въ изданіи 1833 года оно было дано въ сокращенномъ видѣ); само собою разумѣется, что мы напечатали вмѣсто словъ «См. первое изданіе Евгения Онѣгина» полный текстъ примѣчанія по первому изданію. По рукописи мы напечатали 8-ой стихъ четвертой строфы («И рабъ судьбу благословилъ», вмѣсто «Мужикъ»), 7-ой стихъ XXXII-ой строфы («Самодер-жавно управлять» вмѣсто «Единовластно») и возстановили выпущенные во всѣхъ изданіяхъ 7 стиховъ XXXV-ой строфы второй главы, такъ какъ во всѣхъ этихъ случаихъ можемъ предполагать измѣненія, вызванныя цензурными условіями. Исправлены нами явные опечатки въ словахъ, обезсмысливающія текстъ: въ 6-мъ стихѣ XXVII строфы второй главы («страшные рассказы» вмѣсто «странные рассказы»), въ 11-мъ стихѣ XXIII-й строфы («Казался иногда нѣжнѣй» вмѣсто «важней»), въ 7 стихѣ XXXI строфы («Кто ей внушилъ умильный вздоръ» — вмѣсто «взоръ»), въ 12 стихѣ XX-ой строфы («Старушку въ длинной тѣло-грѣйкѣ» вмѣсто «Старушка»), въ письмѣ Татьяны («Не ты ль съ отрадой и любовью» вмѣсто «съ отравой») третьей главы, въ 7 стихѣ XXVIII-ой строфы четвертой главы («Въ знакъ дружбы вѣрной внесены» вмѣсто «вѣрно»), въ 3 стихѣ XIV строфы («Къ хозяйкѣ дама приближалась» вмѣсто «дома») и въ письмѣ Онѣгина къ Татьянѣ («Увидитъ вашъ суровый взоръ» вмѣсто «Увидѣть») восьмой главы, въ 7-мъ примѣчаніи («Вся сія ироническая строфа» вмѣсто «ироическая»), въ 28-мъ примѣчаніи («въ Эдѣ Баратынского» вмѣсто «въ Одѣ»), въ «Отрывкахъ изъ путешествія Онѣгина»: «Глядить на дымныя струи» вмѣсто «зимнія» и «Открыть Casino» вмѣсто «Открыть». Исправлены явные орографические ошибки-опечатки: «Младые дни» вмѣсто «Младыя» (1 гл. XVIII, 14), «понемногу» вмѣсто «по немногу» (1 гл. XXXVIII, 5), «Child-Harold» вмѣсто «Child-Horald» (1 гл. XXXVIII, 9), «невозврати-мыхъ дней» вмѣсто «не возвратимыхъ» (1 гл. XLVI, 14),

«изразцахъ» вмѣсто «израсцахъ» (II гл. II, 8), искусствомъ» вм. «искусствомъ» (II гл. XI, 12), «прилежно» вм. «прилѣжно» (II гл. XVI, 14), «прилежный» вм. «прилѣжный» (II гл. XVIII, 12; VIII гл. XIX, 5), «рассказамъ вм. «рассказамъ» (II гл. XVIII, 13), «рассказъ» вм. «рассказъ» (II гл. XIX, 13), «Русской» вм. «Руской» (II гл. XXXIII, 6), «по-Русски» вм. «по Руски» (III гл. XXVI, 5; XXVII, 2), «мелкнуль» вм. «мелкнуль» (Письмо Татьяны), «Вдругъ» вм. «вдругъ» (III гл. XXXVIII, 3), «пенять» вм. «пѣнять» (IV гл. XVII, 11), «то же» вм. «тоже» (IV гл. XVIII, 9), «подругъ» вмѣсто «подруги» (IV гл. XXXV, 4), «бокаль» вмѣсто «бакалъ» (IV гл. XLVI, 10), «иней» вм. «иній» (V гл. IV, 5), «старины» вм. «старинѣ» (V гл. V, 2), «некогда» вм. «нѣкогда» (V гл. XIV, 9), «шалашъ» вм. «шалашъ» (V гл. XV, 6), «Харликова» вм. «Хорликова» (V гл. XXVII, 1), «Трике» вм. «Трикѣ» (V гл. XXVII, 6), «скобкахъ» вм. «скобакъ» (V гл. XXXVI, 9), «Калмыцкаго» вм. «Калмыцаго» (VI гл. V, 8), «впросакъ» вм. «въ просакъ» (VI гл. VI, 7), «Межъ» вм. «Мѣжъ» (VI гл. XXVI, 3), «очерствѣть» вм. «очерствѣть» (VI гл. XLVI, 10), «встрѣчаетъ» вм. «встрѣчаетъ» (VII гл. I, 4), «виденъ» вм. «видѣнъ» (VII гл. VI, 8), «наперница» вм. «наперстница» (VII гл. XIII, 6), «бесѣдоватъ» вм. «бѣсѣдоватъ» (VII гл. XXIX, 7), «повара» вм. «повора» (VII гл. XXXII, 2), «пятьсотъ» вм. «пять сотъ» (VII гл. XXXIII, 5), «разскажемъ» вм. «раскажемъ» (VII гл. XLVII, 1), «вкривъ» вм. «въ кривъ» (VII гл. LV, 11), «молодежъ» вм. «молодежъ» (VIII гл. III, 11), «безмолвный» вм. «безмолвный» (VIII гл. VII, 6), «пятьдесятъ» вм. «пятдесятъ» (VIII гл. X, 9), «обрѣсти» вм. «обрести» (VIII гл. XIX, 7), «сердце» вм. «серце» (VIII гл. XX, 8), «съ виду» вмѣсто «свиду» (VIII гл. XXIV, 6) «ложъ» вмѣсто «ложъ» (VIII гл. XXV, 7), «Морфей» вм. «морੋей» (VIII гл. XXVIII, 10), «впервые» вм. «въ первые» (VIII гл. I, 11), «отѣняются» вм. «стѣняются» (8-ое примѣчаніе), «Новая Элоиза» вм. «новая Элоиза» (18-ое примѣчаніе), «Верблюдъ» вм. «Верблудъ», «баловень» вм. «баловенъ», «негоціантка» вм. «негоціанка» («Отрывки изъ путешествія Онѣгина»). Въ нашемъ изданіи исправлены также не опечатки въ собственномъ смыслѣ слова, а слѣдующіе случаи неустойчивой орѳографіи: «по немногу» вм. «по немногу» (I гл. XXXVIII, 5), «нельзя» вм. «не лъзя» (III гл. II, 8), «сейчасъ» вм. «сей часть»

(Ш гл. II, 13), «Неужто» вм. «не ужъ-то» (Ш гл. V, 5), «ничуть» вм. «ни чутъ» (IV гл. XXXII, 13), «Сегодня» вм. «Сего дня» (VIII гл. XLII, 14). Во многихъ случаяхъ мы исправили также пунктуацію изданія 1837 года: пропуски запятыхъ (I гл. XLVII, 12; II гл. IV, 2; II гл. XXXVI, 8; Ш гл. XXXVIII, 6; IV гл. XXV, 2; V гл. XXXII, 1; VI гл. XLVI, 5; VII гл. XV, 7; VII гл. XXIII, 5; VII гл. XXV, 14; VIII гл. V, 8; VIII гл. XXVIII, 13; въ путешествіи — «Машукъ податель....»), ка- вычекъ (III гл. XX, 3; VI гл. XIV, 1; VI гл. XXVI, 7), скобокъ (IV гл. XLVI, 9), лишнія запятыя (II гл. XI, 13; V гл. IV, 13; V гл. XVII, 3; VIII гл. XXVIII, 13; въ «Отрывкахъ изъ путешествія Онѣгина» — «Ко- кетка, злыхъ годовъ....»), лишнія точки (V гл. IV, 2; VII гл. XX, 13; VII гл. XXIV, 7; VII гл. XXXVIII, 13; VIII гл. XXVI, 7), неправильные знаки препинанія или отсутствіе ихъ (III гл. II, 8; III гл. XXXIX, 3; III гл. XL, 4; IV гл. XXIV, 1 и 7; IV гл. XXVIII, 9-10; IV гл. XXX, 8; V гл. X, 8; VI гл. XXVII, 9; VI гл. XXXVI, 10; VI гл. XLIII, 9; VII гл. XXXI, 9; VII гл. XXXIV, 6; VII гл. XXXV, 10 VIII гл. XXVI, 7).

Особо слѣдуетъ отмѣтить исправленіе нами зна- ка точки съ запятой; въ пушкинскую эпоху этотъ знакъ употреблялся двояко: и такъ, какъ мы его теперь употребляемъ, и въ значеніи, которое мы при- даемъ запятой и тире; такъ какъ послѣднее значеніе въ настоящее время утрачено, мы въ нѣсколькихъ слу- чаихъ замѣнили точку съ запятой — запятой съ тире (V гл. VI, 4 и 11; V гл. XXXIV, 4 и 12; VI гл. XL, 1). Наконецъ мы, для ясности чтенія, вставили въ прямая скобки имена, которыя Пушкинъ замѣнялъ въ печати тремя звѣздочками, но которыя сохранились въ его рукописи («Что тамъ ужъ ждетъ его *** [Каверинъ], «Второй *** [Чадаевъ], мой Евгений....»).

М. Л. Гофманъ

Герои „Евгения Онѣгина“.

Главный герой романа, конечно, самъ Евгений Онѣгинъ. Объ этомъ говоритъ название романа, объ этомъ говорить неоднократно и поэтъ. Во второй же строфѣ первой главы поэтъ знакомить своихъ друзей «Руслана и Людмилы» съ «героемъ своего романа». Въ первой главѣ онъ и единственный герой. Въ качествѣ единственного главнаго героя, сталкивающагося съ другими дѣйствующими лицами, повидимому, и былъ задуманъ первоначально Онѣгинъ — герой своего времени, герой такого романа, въ которомъ бы отразился вѣкъ,

И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

Но по мѣрѣ того, какъ развивался и осложнялся романъ, Онѣгинъ переставалъ быть единственнымъ глав-

нымъ героемъ, появилась главная героиня Татьяна, которая начинала играть самостоятельную роль въ романѣ, независимо отъ Онѣгина, начинала заслонять его собою, оспаривая первое мѣсто, и Пушкину приходилось напоминать себѣ о томъ, что главный герой романа — Евгений Онѣгинъ, что главная задача, главная проблема романа — Онѣгинская.

Кто же этотъ герой, этотъ «пріятель младой» («Пою пріятеля младова и множество его причудъ»)?

Когда я думаю о пушкинскомъ Онѣгинѣ, объ Евгениѣ Онѣгинѣ, а онъ изображенъ Пушкинымъ съ такою предѣльностью жизни, что недаромъ современникамъ поэта казалось, что они встрѣчали на улицахъ тысячи Онѣгиныхъ — не преувеличеніе ли? — я всегда радуюсь тому, что больше не учусь въ гимназіи, и что никто не заставляетъ меня писать «характеристику Евгения Онѣгина» (замѣчу въ скобкахъ, что съ тѣхъ поръ, какъ я окончилъ гимназію, мнѣ приходилось говорить о друзьяхъ, пріятеляхъ и знакомыхъ, но я никогда не даваль «характеристикъ», и никогда мнѣ не приходилось слышать двухъ одинаковыхъ мнѣній объ одномъ и томъ же человѣкѣ). Татьяна — не Пушкинъ, а Татьяна (какъ часто обѣ этомъ забываютъ), для которой неожиданно открылась душа Онѣгина въ его помѣткахъ, — задаетъ себѣ вопросъ о немъ:

Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада иль небесъ,
Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ,
Что жъ онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?...
Ужъ не пародія ли онъ?

«Ужель загадку разрѣшила? Ужели слово найдено?» — Нѣть, какъ оказывается дальше, въ слѣдующей главѣ, Татьяна даже для себя не разрѣшила загадки, не нашла слова (хоть и подсказала ученикамъ слово для «характеристики Евгения Онѣгина»)... Высказываютъ обѣ Онѣгинѣ въ романѣ мнѣніе и «полузнакомые» его:

«Все тотъ же ль онъ, иль усмирился?
Иль корчить такъ же чудака?»

«Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
«Что намъ представить онъ пока?
«Чѣмъ нынѣ явится? Мельмотомъ,
«Космополитомъ, патріотомъ,
«Гарольдомъ, квакеромъ, ханжой,
«Иль маской щегольнетъ иной?
«Иль просто будетъ добрый малой,
«Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ?
«По крайней мѣрѣ, мой совѣтъ:
«Отстать отъ моды обветшалой.
«Довольно онъ морочилъ свѣтъ...»

Но мнѣніе этихъ «полузнакомыхъ» Пушкинъ уже решительно осуждаетъ и опровергаетъ:

— Зачѣмъ же такъ неблагосклонно
Вы отзываетесь о немъ?....

Несмотря на то, что Пушкинъ всталъ такъ горячо на защиту своего героя, мнѣніе полузнакомыхъ восторжествовало въ потомствѣ, и въ чемъ только ни обвиняли Евгенія Онѣгина! — Онъ и «москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ», онъ и бездушный эгоистъ, онъ и холодный убійца Ленскаго, онъ — и въ этомъ чуть не самая большая вина его — смѣль не полюбить съ первой же встрѣчи Татьяну и вмѣсто того, чтобы «отвѣтить на любовь» Татьяны, прямо, честно, благородно предостерегъ ее отъ «бѣды», въ которую она могла бы (а значить и можетъ) попасть, если бы передъ нею находился человѣкъ, который захотѣлъ бы «обмануть довѣрчивость души невинной» и воспользоваться ея неопытностью. Даже самыя благородныя и чистыя душевныя движенія Онѣгина находили себѣ суровое осужденіе въ читатель XIX вѣка..... и въ этомъ большая доля вины самого Пушкина, внушающаго такое недоброжелательное отношеніе къ своему герою. Пушкинъ по достоинству оцѣнилъ поведеніе Онѣгина съ Татьяной, говоря, что

Не въ первый разъ онъ тутъ явилъ
Души прямое благородство,
Хотя людей недоброхотово
Въ немъ не щадило ничего.
Враги его, друзья его,
Что, можетъ быть, одно и то же,
Его честили такъ и сякъ....

— но въ первыхъ трехъ стихахъ этой строфы звучать ироническая нотки:

Вы согласитесь, мой читатель,
Что очень мило поступилъ
Съ печальной Таней нашъ пріятель....

Художественно-правдиво и отчетливо написанъ об разъ Евгения Онѣгина — Онѣгина въ плоти и крови, мы его видимъ (какъ и понимаемъ всѣ его «причуды»), а говорить о немъ объективно трудно, ибо онъ рисуется въ романѣ не какъ данный, законченный человѣкъ, а какъ становящійся и часто мѣняющійся за тѣ восемь лѣтъ. въ теченіе которыхъ создавался романъ. Тогда, когда Пушкинъ приступалъ къ созданію «Евгения Онѣгина», не только Татьяна, но и «съ ней Онѣгинъ въ смутномъ снѣ» явились ему, и только постепенно (и иногда противорѣчиво) прояснялись ихъ черты. Евгений Онѣгинъ первой главы и Евгений Онѣгинъ восьмой главы — это два разные Онѣгины. И Онѣгинъ восьмой главы еще не законченъ — Пушкинъ обрывается романѣ и вдругъ разстается со своимъ Онѣгінимъ, — такъ незаконченъ, что мы не можемъ предугадать его мѣста въ Х-ой главѣ, посвященной декабризму. Такъ незаконченъ Онѣгинъ, что читатель совершенно неподготовленъ къ тому, что въ исключенной строфѣ, посвященной путешествію Онѣгина, онъ просыпается «патріотомъ» и политикомъ:

Россія, господа, мгновенно
Ему понравилась отмѣнно,
И рѣшено — ужъ онъ влюбленъ,
Ужъ Русью только бредитъ онъ,
Ужъ онъ Европу ненавидѣтъ
Съ ея политикой сухой,
Съ ея развратной суетой;
Онѣгинъ Ѣдетъ, — онъ увидитъ
Святую Русь, ея поля,
Пустыни, грады и моря.

Не только Пушкинъ въ 1823 году былъ не тѣмъ Пушкинымъ, какимъ мы его знаемъ въ 1830-1831 г.г., но не тѣмъ былъ и его «смладой пріятель» съ его множествомъ причудъ, торопящійся жить и чувствовать, съ его «преждевременной старостью души», съ его подобиемъ английскому сплину и съ «русской хандрой». Въ этомъ одна трудность въ пониманіи образа Онѣгина. Другая — и не меньшая — заключается въ томъ, что романъ былъ первоначально задуманъ въ качествѣ

сатирическаго (первыя главы и явились вступлениемъ къ сатирическому роману), и Пушкинъ старался болѣе всего отмѣтить «разность» между собою и Онѣгинымъ. Сатирическимъ (т. е. несправедливымъ) отношеніемъ автора къ своему «пріятелю» — герою двадцатыхъ годовъ — объясняется и несправедливое отношеніе къ нему читателя. Остатки сатиры сохранились и въ слѣдующихъ главахъ романа (главнымъ образомъ, въ томъ, что касается Онѣгина — единственного героя первой сатирической главы), — и сатира повліяла на неполное разрѣшеніе той задачи, которую Пушкинъ себѣ впервые поставилъ въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ» и вслѣдъ за нимъ въ «Евгениѣ Онѣгинѣ» — «изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи XIX вѣка».

Главный герой романа — Евгений Онѣгинъ — изображенъ сатирически, главная героиня — Татьяна — лирически. О Татьянѣ, какъ обѣ «идеалъ русской женщины», о ея душевной красотѣ и нравственной высотѣ были исписаны цѣлые томы... Но всегда ли отдавали себѣ отчетъ авторы одѣ на тему обѣ апоѳеозѣ русской женщины, чѣмъ такъ прекрасна и цѣльна Татьяна? — Я не боюсь высказать парадоксальную мысль, что прекрасна не Татьяна, а прекрасны стихи Пушкина о Татьянѣ, цѣленъ и единъ не самый образъ Татьяны, а лирическое отношеніе къ ней Пушкина. Въ гораздо большей степени, чѣмъ Онѣгинъ, образъ Татьяны представляется намъ двойственнымъ и противорѣчивымъ, и эта противорѣчивость находитъ себѣ такое же самое объясненіе — въ томъ, что «Евгений Онѣгинъ» создавался въ теченіе 8 лѣтъ: то, что казалось Пушкину прекраснымъ въ женщинахъ въ 1823-1824 г.г., не казалось ему такимъ прекраснымъ въ 1830-1831 г.г., когда онъ выше всего сталъ ставить другія достоинства, другія качества... Какъ непохожа Татьяна первыхъ главъ на Татьяну послѣдней главы — даже наружность ея измѣнилась, и такъ измѣнилась, что дѣйствительно нельзя узнать «дѣвчонки нѣжной» «въ сей величавой, въ сей небрежной законодательницѣ залъ»: Татьяна первыхъ главъ не только не красива, но и не интересна, сѣра («Ни красотой сестры своей, ни свѣжестью ея румянной не привлекла бѣ она очей»), Татьяна послѣдней главы такъ обаятельна, что когда «безпечной прелестью мила, она сидѣла у стола съ

блестящей Ниной Воронскою, сей Клеопатрою Невы», — то

върно бъ согласились вы,
Что Нина мраморной красою
Затмить сосѣдку не могла,
Хоть ослѣпительна была.

Не красивая, не интересная, сѣрая, сентиментальная мечтательница, не ласковая («Она ласкаться не умѣла къ отцу, ни къ матери своей»), не подвижная, не живая («дитя сама, въ толпѣ дѣтей играть и прыгать не хотѣла, и часто цѣлый день одна сидѣла молча у окна»), лѣнивая («ея изнѣженные пальцы не знали игль») — такъ долженъ бытъ бы охарактеризовать Татьяну первыхъ главъ суровый педагогъ, задающій своимъ ученикамъ сочиненія на тему... о Татьянѣ, какъ обѣ «идеалъ русской женщины». Въ третьей главѣ Пушкина умиляетъ и трогаетъ «милая простота» Татьяны, ея порывистая непосредственность, безыскусственность, неумѣніе притворяться, ея безраздѣльная отдача себя чувству («послушная влеченью чувства») — такъ было въ 1824 году. А въ 1829-1830 г.г. Татьяна научилась притворяться (и какъ притворяться!) и скрывать свое чувство — метаморфоза происходитъ такая неожиданная и полная, что даже непонятно: въ характерѣ Татьяны первыхъ семи главъ нѣть ничего, что могло бы объяснить, какъ она не просто «утѣшнительнаго сана пріемы скоро приняла», но смогла стать «законодательницей залъ»! А какъ она научилась притворяться, — продолжая любить Онѣгина, при первой встрѣчѣ съ нимъ, —

Ей-ей! не то, чтобъ содрогнулась,
Иль стала вдругъ блѣдна, красна...
У ней и бровь не шевельнулась,
Не сжала даже губъ она.
Хоть онъ глядѣлъ нельзя прилежнѣй,
Но и слѣдовъ Татьяны прежней
Не могъ Онѣгинъ обрѣсти.

А когда Онѣгинъ пріѣзжаетъ въ собранье и
лишь вошелъ, — ему
Она навстрѣчу. Какъ сурова!
Его не видятъ, съ нимъ ни слова;
У! какъ теперь окружена
Крещенскимъ холодомъ она!
Какъ удержать негодованье

Уста упрямая хотятъ!
Впериль Онѣгинъ зоркій взглядъ:
Гдѣ, гдѣ смятенье, состраданье?
Гдѣ пятна слезъ?... Ихъ нѣтъ, ихъ нѣтъ!
На семъ лицѣ лишь гнѣва слѣдъ.....

Эта «равнодушная княгиня», эта «неприступная богиня, роскошной, царственной Невы», умѣющая такъ искусно притворяться какъ она не похожа на ту деревенскую барышню, которая ломаетъ кусты сирени въ своемъ стремительномъ бѣгѣ. И не напоминаетъ ли она теперь больше тѣхъ «красавицъ недоступныхъ, холодныхъ, чистыхъ какъ зима; неумолимыхъ, неподкупныхъ, непостижимыхъ для ума», которыхъ Пушкинъ встрѣчалъ «на берегахъ Невы» и которыхъ приводили его въ такой ужасъ въ 1824 году — въ третьей главѣ романа? Но тогда поэту дороже всего была непосредственность, «легкомысліе страстей», а теперь — въ 1829-1830 г.г., женихъ Н. Н. Гончаровой, онъ больше цѣнить умѣніе владѣть собою, «модную спесь» (какъ онъ говорилъ въ 1824 году) — «вѣрный снимокъ du somme il faut» (въ восьмой главѣ)... Въ разныя эпохи поэтъ любилъ разное, а читатели приходятъ въ равный восторгъ отъ этого разнаго и противоположнаго.

Отъ прежней Татьяны, отъ «милой Тани» дѣйственно ничего не остается: измѣнилось не только наружное поведеніе «бѣдной Тани», но и внутреннее отношеніе ея къ жизни и къ людямъ, и это измѣненіе не было заложено въ ея характерѣ. И хотя Пушкинъ и говоритъ, что

Простая дѣва,
Съ мечтами, сердцемъ прежнихъ дней
Теперь опять воскресла въ ней, —

Татьяна уже совсѣмъ не та: «легкомысліе страстей» («Ужели не простите ей Вы легкомыслія страстей?» — въ третьей главѣ) ей кажется теперь всего лишь «малостью», «мелкимъ чувствомъ». Она продолжаетъ любить Онѣгина — и хоть и произносить свой суровый, строгій судъ, жизнь съ Онѣгинымъ ей кажется счастьемъ — «А счастье было такъ возможно, такъ близко» (одна эта фраза разрушаетъ всѣ хитросплетенные разсужденія на тему о томъ, что Татьяна поняла, что такое Онѣгинъ и не могла бы «пойти за Онѣгинымъ», если бы даже была свободна). Но для Татьяны первыхъ главъ любовь была выше всего на свѣтѣ, и она

была «послушна чувству», а для Татьяны восьмой главы, върнѣе, для Пушкина къ 1830 году, для его музы («И нынѣ музу я впервые на свѣтскій раутъ привожу») нѣтъ ничего выше нравственного долга жены (этотъ мотивъ « я буду вѣкъ ему вѣрна» настойчиво звучитъ въ произведеніяхъ Пушкина 30-хъ годовъ).

У Пушкина въ разныя эпохи были разныя мѣрки: въ 1824 году онъ «съ тайною тоскою» читаетъ и не можетъ начитаться письмомъ Татьяны, а въ 1830 году онъ радуется тому, что отъ этой Татьяны не осталось и слѣда (не забудемъ, что Татьяна не просто героиня романа, а олицетвореніе его музы!). А читатель..... читатель приходитъ въ одинаковый восторгъ отъ двухъ разныхъ Татьянъ, и совсѣмъ не потому, что онъ равно высоко цѣнитъ обѣихъ Татьянъ, а потому что онъ одинаково ихъ любить. Нужно же, наконецъ, понять, что наша высокая оцѣнка Татьяны («идеаль русской женщины», «апоѳеозъ русской женщины») зависитъ не столько отъ объективныхъ высокихъ нравственныхъ качествъ ея, сколько отъ нашего субъективного отношенія къ ней, отъ нашей любви къ ней. Какова бы ни была Татьяна сама по себѣ, она дорога намъ, потому что мы ее любимъ, а любимъ ее мы потому, что Пушкинъ ее любить и заставляетъ насъ любить ее — въ этомъ вся разгадка прелести Татьяны (я не знаю ни одного поэта, который бы обладалъ такой силой внушенія, какъ Пушкинъ, которому невозможно сопротивляться — не стить и пробовать бороться противъ этого внушенія!). Татьяна написана лирическимъ письмомъ — съ ласковыми эпитетами, съ восклицаніями — съ выражениемъ любовнаго отношенія къ ней — и въ этомъ цѣльность ея образа:

имя Татьяны «пріятно, звучно»;

... все дѣвѣ милой ...

Татьяна, милая Татьяна!

Съ тобой теперь я слезы лью....

Погибнешь, милая....

Письмо Татьяны предо мною,

Его я свято берегу.....

Къ плечу головушкой склонилась...

Моей Татьянѣ все равно....

Задумавшись, моя душа,

Прелестнымъ пальчикомъ писала....

И вспомнилъ онъ Татьяны милой....

И меркнетъ милой Тани младость....
Простите мнѣ: я такъ люблю
Татьяну милую мою!

и т. д. и т. д. и т. д. Съ Татьяной связано столько прекрасныхъ стиховъ (достаточно вспомнить одно паломничество Татьяны въ усадьбу Онѣгина), что изъза одного этого нельзя не любить «милой Тани» и не считать ее однимъ изъ самыхъ совершеннѣйшихъ созданій Пушкина!

Онѣгинъ и Татьяна — главные герои — стоять на первомъ планѣ; дальше идетъ второй планъ — съ второстепенными и третьестепенными героями, играющими чисто служебную роль, и какъ только оканчивается ихъ служебная роль, Пушкинъ не задумывается убирать ихъ со сцены: такъ, обѣ отцѣ Татьяны, едва намѣченномъ во второй главѣ, больше ничего не говорится въ романѣ; такъ, мать Татьяны, портретно появившаяся во второй главѣ, почти не упоминается въ слѣдующихъ главахъ (если не считать прекрасной встрѣчи двухъ кузинъ въ Москвѣ въ седьмой главѣ); о нянѣ, портретъ которой съ большой любовью написанъ въ третьей главѣ (создавая его, поэты думалъ о своей нянѣ), Татьяна только вспоминаетъ въ концѣ послѣдней главы; Зарѣцкій появляется въ шестой главѣ и въ шестой же главѣ исчезаетъ. Родители Татьяны, няня, Зарѣцкій — третьестепенные герои; за ними идутъ — на третьемъ планѣ — уже не герои, а толпа, общій, едва различаемый фонъ Трике, Фляновыхъ, Харликовыхъ, Гвоздиныхъ, московскихъ кузинъ, петербургскихъ дамъ и франтовъ и, какъ это ни странно, среди этой толпы теряется и..... мужъ Татьяны, тотъ, для кого Татьяна отвергаетъ Онѣгина и кому будетъ «вѣкъ вѣрна». Обѣ этой толпѣ, о людяхъ толпы Пушкинъ часто говоритъ по нѣсколько скучныхъ словъ, но таково художественное мастерство поэта, что мы видимъ эту толпу — и провинциальную помѣщичью, грузныхъ Фляновыхъ и уѣздныхъ барышень, и московскій свѣтъ, и петербургскую аристократію; отдѣльные, болѣе тщательно выписанные представители этихъ разныхъ слоевъ, сливаясь съ толпою, являясь типичными людьми толпы, еще болѣе характеризуютъ ее и создаются впечатлѣніе большой картины современного русского общества, написанной Пушкинымъ въ романѣ. Таковъ «смиренный грѣшникъ», Дмитр-

рій Ларинъ, Господній рабъ и бригадиръ», продолжавшій подъ надгробнымъ камнемъ «вкушать» тотъ миръ, которымъ онъ въ избыткѣ насладился при жизни. Таковы, въ особенности, мать Татьяны, сперва сентиментальная мечтательница (она, совсѣмъ какъ ея дочь, когда-то была «отъ Ричардсона безъ ума»), а потомъ прекрасная практическая хозяйка, ъзжавшая по работамъ, солившая на зиму грибы, брившая лбы и бывшая служанокъ (N. B. Невольно возникаетъ вопросъ: если бы Пушкинъ продолжилъ романъ такъ, какъ онъ былъ первоначально задуманъ — въ качествѣ сатирическаго, — не та же ли участъ ожидала бы и Татьяну. Во всякомъ случаѣ, Татьяна такая же дочь своей матери, какъ и Ленскій сынъ своего отца, и если по поводу поэта и философа Ленскаго, прошедшаго школу Геттингенскаго унверситета, познакомившагося и съ Кантомъ и Гете, Пушкинъ замѣчаетъ:

А можетъ быть и то: поэта
Обыкновенный ждалъ удѣль;
Прошли бы юношества лѣта,
Въ немъ пылъ души бы охладѣлъ.
Во многомъ онъ бы измѣнился,
Разстался бъ съ музами, женился;
Въ деревнѣ, счастливъ и рогать,
Носиль бы стеганый халатъ;
Узналь бы жизнь на самомъ дѣлѣ,
Подагру въ въ сорокъ лѣть имѣлъ,
Пилъ, ълъ, скучаль, толстѣлъ, хирѣлъ,
И, наконецъ, въ своей постелѣ
Скончался бъ посреди дѣтей,
Плаксивыхъ бабъ и лѣкарей, —

то едва ли не съ большимъ основаніемъ можно было бы предаваться подобного рода размышеніямъ по поводу Татьяны Лариной: «для бѣдной Тани всѣ были жребіи равны», и выйди она замужъ за Буянова, Пѣтушкиова или Пыхтина — которыхъ ей сватали, — и она бы «рвалась и плакала сначала, съ супругомъ чуть не развелась, потомъ хозяйствомъ занялась, привыкла и довольна стала»). И по тому, какъ появляются и уходятъ изъ романа герои, можно судить о томъ, что Пушкинъ первоначально задумывалъ гораздо болѣе обширный романъ, и только послѣ шестой главы (послѣ которой Пушкинъ печатать «Конецъ первой ча-

сти» — романъ предполагался въ трехъ частяхъ) Пушкинъ торопился доказать свой романъ и «вдругъ» разстаться со своими героями: въ первой главѣ появился Евгений Онѣгинъ, во второй — Ленскій (сходить со сцены въ шестой главѣ), Ольга (послѣднее упоминаніе о ней находится въ седьмой главѣ), Ларина-мать (тоже), Татьяна, Ларинъ-отецъ (только въ этой главѣ), въ третьей — няня (дѣйствуетъ только здѣсь), въ четвертой главѣ новыхъ дѣйствующихъ лицъ не появляется, въ пятой — тоже (если не считать помѣщичью толпу), въ шестой (и только въ шестой) — Зарѣцкій; нѣтъ новыхъ дѣйствующихъ лицъ и въ послѣднихъ главахъ романа, но, въ противоположность центральнымъ главамъ, въ которыхъ дѣйствуетъ одновременно много лицъ, въ послѣднихъ главахъ остаются только Татьяна и Онѣгинъ (больше Татьяна, чѣмъ Онѣгинъ) — всѣ остальные окончательно сходятъ со спины, не уступая своего мѣста другимъ. Мы ничего не говорили еще о двухъ главныхъ герояхъ изъ второго плана (Зарѣцкому — въ шестой главѣ — отведена чисто эпизодическая роль, и сатирическое изображеніе его въ расцвѣтѣ лирической стихіи романа объясняется желаніемъ Пушкина нарисовать «во весь ростъ» его давняго врага — «американца» Толстого) — о Владимира Ленскомъ и Ольгѣ Лариной. Ихъ роль — чисто служебная — заключается въ томъ, что они своимъ контрастомъ съ Онѣгинымъ и Татьяной должны болѣе оттѣнять главныхъ героевъ, какъ и ихъ параллельный, но благополучный счастливый романъ, прерывающійся неожиданной дуэлью Ленского съ Онѣгинымъ, долженъ служить контрастнымъ фономъ для романа Онѣгина и Татьяны: Ленскій погибаетъ на дуэли въ тотъ моментъ, когда онъ больше не нуженъ для романа, Ольгу поэтъ спѣшно выдаетъ замужъ только для того, чтобы скорѣе отдѣлаться отъ нея. И Ленскій, и Ольга появляются въ самомъ началѣ романа — во второй главѣ, т. е. тогда, когда романъ имѣлъ еще сильно выраженный сатирическій акцентъ, и этимъ были предопределены сатирическія нотки, которыя слышатся въ характеристикахъ этихъ положительныхъ героевъ (такъ точно было предопределено и сатирическое изображеніе въ той же второй главѣ родителей Лариныхъ). Въ XXI-ой строфѣ Ольга написана въ лирическихъ тонахъ, въ

такихъ тонахъ, въ какихъ Пушкинъ говорилъ о «своей» Татьянѣ:

Въ глухи, подъ сѣнью смиренной,
Невинной прелести полна,
Въ глазахъ родителей, она
Цвѣла какъ ландышъ потаенный,
Незнаемый въ травѣ глухой
Ни мотыльками, ни пчелой.

И только что красавая Ольга начинаетъ завоевывать симпатіи читателя —

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда какъ утро весела,
Какъ жизнь поэта простодушна,
Какъ поцѣлуй любви мила,
Глаза какъ небо голубые,
Улыбка, локоны льняные,
Движенія, голосъ, легкій станъ,
Все въ Ольгѣ....

— какъ поэтъ-сатирикъ вступаетъ въ свои права и разрушає всякое очарованіе словами объ обыкновенности Ольги, о томъ, что она какъ всѣ, какъ тысячи:

...но любой романъ
Возьмите, и найдете вѣрно
Ея портретъ: онъ очень милъ;
Я прежде самъ его любилъ;
Но надоѣль онъ мнѣ безмѣрно....

Такъ, главное сатирическое жало, направленное противъ Зарѣцкаго, будеть заключаться въ томъ, что онъ

добрый и простой
Отецъ семейства холостой,
Надежный другъ, помѣщикъ мирный
И даже честный человѣкъ.

Такъ и Ленскаго, красавца, «съ душою прямо геттингенской», съ вдохновеніемъ, бившимся въ чистомъ, нетронутомъ сердцѣ, Пушкинъ убиваетъ стихами: «пилъ, ълъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ....»; нѣтъ ничего страшнѣе для Пушкина, какъ обыкновенность — быть какъ всѣ, какъ тысячи — «voies communes». Ленскій былъ задуманъ очень интересно; другъ Онѣгина, похожій на него, какъ волна и камень, ледъ и пламень, намѣчался съ индивидуальными чертами: въ извѣстной мѣрѣ можно

утверждать, что Ленскій одинъ изъ аспектовъ самого поэта или, чтобы быть точнѣе, олицетворенная конкретизация въ живомъ образѣ юношескихъ элегій Пушкина. Но Ленскому была отведена въ романѣ служебно-второстепенная роль, и потому онъ не получилъ своего развитія и выраженія.

Эскизно, набросками, намеками, Пушкинъ написалъ въ «Евгений Онѣгинъ» обширную и полную картину современной ему Россіи, Россіи двадцатыхъ годовъ, но настоящихъ героевъ, въполномъ смыслѣ этого слова, въ романѣ только два: Онѣгинъ и Татьяна. — Но и Онѣгинъ, и Татьяна не отличаются полною законченностью, и въ ихъ портретахъ черты лица неуловимо измѣняются въ такой степени, что совершенно несомнѣнно слѣдующее положеніе: фабула романа, развитие сюжета съ его дѣйствующими лицами-героями были только необходимой канвой для лирическихъ отступлений, для «пестрыхъ строфъ» романа,

Полусмѣшныхъ, полупечальныхъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Безсонницъ, легкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

С. Лифарь.

ОПЫТЪ КОММЕНТАРИЯ.

Большая часть предлагаемыхъ поясненій имѣетъ въ виду не специалистовъ пушкиновѣдѣнія, а зарубежнаго читателя, лишенного возможности искать въ словаряхъ и справочникахъ объясненія малоупотребительныхъ или устарѣвшихъ выражений. Недостаткомъ мѣста объясняется неполнота комментарія и нѣкоторый произволъ въ выборѣ словъ, намѣченныхъ къ объясненію. Всѣ имена собственные, равно какъ и производные отъ нихъ, отнесены въ особый Словарь.

П — означаетъ «Отрывки изъ Путешествія Онѣгина».

Эпиграфъ. «Исполненный тщеславія (ср. у Грибоѣдова: «надутый всякимъ чванствомъ»), онъ обладалъ въ еще большей степени тѣмъ видомъ гордости, которая заставляетъ насъ сознаваться съ одинаковымъ безразличіемъ въ нашихъ добрыхъ и дурныхъ поступкахъ — слѣдствіе чувства превосходства, быть можетъ, воображаемаго.

Изъ частнаго письма.»

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Эпиграфъ. Изъ стихотворенія кн. П. А. Вяземскаго
«Первый снѣгъ»:

По жизни такъ скользить горячность молодая
И жить торопится и чувствовать спѣшить.

Ср. другую ссылку на то же стихотвореніе: V, 3, 6.
I, 1-4. Пунктуація и даже самый порядокъ этихъ четырехъ начальныхъ стиховъ мѣнялись, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ смыслъ. Въ черновикѣ (безъ знаковъ препинанія) они были расположены такъ: 1, 4 («Онъ лучше...»), 3, 2; изданіе 1825 года установило порядокъ: 1, 2, 3, 4 и отдѣлило 2 отъ 3 точкой съ запятой; въ изданіяхъ 1833 и 1837 гг. эта точка съ запятой замѣнена запятой, позволяющей дѣлать паузу послѣ 1 (въ такомъ случаѣ **когда** — союзъ временный, какъ и въ черновикѣ; въ редакціи 1825 г., **когда-если**).

II, 13-14. Намекъ на высылку изъ Петербурга въ 1820 г.; ср. I, 31, 12; VIII, 4, 1-2.

III, 1. Н. Лернеръ («Звенья», V, 60) показалъ, что правильная пунктуація (отсутствіе запятой послѣ «отлично») имѣлась въ изданіи 1825 г.: **отлично** — «отмѣнно», «очень».

V, 7. Но передъ **педантъ**, повидимому, противорѣчить дальнѣйшему тексту. А. Ф. Онѣгинъ предлагалъ замѣнить но отрицаніемъ не. Признаки педантства, см. I, 25, 7; VI, 26, 8; VIII, 23, 12.

V, 14. **Эпиграмма:** первоначально — надпись на памятникѣ (у древнихъ); затѣмъ — небольшое стихотвореніе, содержащее Ѣдкую насмѣшку надъ кѣмъ-либо; вообще всякое Ѣдкое замѣчаніе. Ср. I, 46, 14: «злость мрачныхъ эпиграммъ» IV, 19, 8: «площадная эпиграмма»; VI, 33, 1: «дерзкая эпиграмма»; VIII, 16, 5 — 25, 1.

4. Эпиграфъ — первоначально — надпись на зданіи; цитата изъ какого-нибудь произведения, помѣщенная въ началѣ книги или главы и отражающая въ себѣ ихъ основной смыслъ; ср. эпиграфы въ «Евгениіи Онѣгинѣ».

6. Vale. — (лат.) будь здоровъ, прощай.

VII, 4. Пушкинъ — учитель Онѣгина въ стихотворствѣ: ср. VIII, 38, 8.

XII, 12-14. Реминисценція предисловія къ *Le Barbier de Séville* Бомаршэ (см. *Revue de littérature comparée*, 1937, стр. 233-234).

XV, 11. Бульваръ — Невскій проспектъ. (Н. Лернеръ, «Звенья», V, 62).

XVI, 8. Шампанское 1811 года, дословный переводъ французского *Vin de la comète*, терминъ и донынѣ употребляющійся во Франціи.

13. Въ письмѣ отъ 23 апр. 1825 г. изъ Михайловскаго Пушкинъ просилъ прислать ему лимбургскаго сыру.

XVII, 11. *Entrechat* — по-русски **антраша**: прыжокъ вверхъ съ перебоемъ ногъ.

XVIII, 3. «Другъ свободы» менѣе подходитъ къ Фонвизину, чѣмъ къ Княжнину, пострадавшему за свою вольнолюбивую трагедію «Вадимъ».

13-14. Для дальнѣйшаго, см. Л. Гросманъ, «Пушкинъ въ театральныхъ креслахъ», (Лгр., 1923).

XIX, 11. Другіе эпитеты **лорнета**: VII, 50, 12 («ревнивые л-ты») — 51, 11 («невнимательный»); VIII, 17, 4 («неотвязчивый»); П, стр. 209, 23 («разыскательный»).

XX, 2. **Партеръ** — съ французскаго *parterre*, мѣста позади креселъ. **Раекъ**, или **парадизъ**, крайня боковыя мѣста верхняго яруса.

XXI, 2. Привычка молодого Пушкина.

XXII, 1-2. Дидло ввелъ въ моду балеты, въ которыхъ машинисту была предоставлена видная роль.

XXII, 14. Ср. VIII, 21, 2.

XXIII, 6. **Щепетильной** — въ своемъ первоначальномъ значеніи «относящейся къ нарядамъ, модамъ»; ср. заглавіе комедіи Лукина «Щепетильникъ», переводъ французскаго *Bijoutier*.

XXV, 3-4. На этой мысли построенъ романъ г-жи де-Сталь «Дельфина».

XXVII, 3. **Ямская** — почтовая, наемная карета.

XXXII, 1-6. Ср. «Душеньку» Богдановича: «Гонясь

за нею, волны тамъ Толкаютъ въ ревности другъ друга, Чтобы вырвавшись скорѣй изъ круга, Смиренно пасть къ ея ногамъ» и La Fontaine, *Les Amours de Psyché et de Cupidon*, Livre I: «Et d'une égale ardeur chaque flot à son tour S'en vient baisser les pieds de la mère d'Amour».

XXXV, 6. Биржа — стоянка извозчиковъ.

14. Васисдасъ (нем., «was ist das?») — форточка.

XLVIII, 5-6. Ср. «Мѣдный Всадникъ»: «И съ нимъ вдали во тьмѣ ночной Перекликался часовой.»

12. Роговая музыка, введенная въ моду С. К. Нарышкинымъ, обращала на себя вниманіе иностранцевъ, ср. Mme de Staël въ *Dix années d'exil*.

14. Октавы — поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалимъ» распѣвались въ Венеціи гондольерами. Этотъ фактъ, извѣстный Пушкину по пѣсни IV-ой «Чайльдъ-Гарольда» Байрона (пространное примѣчаніе къ стр. 3-ей), по *De l'Allemagne Mme de Staël* (II, 11), наконецъ по стихотворенію Шенье «Près des bords, où Venise est reine de la тег...» («Близъ мѣстъ, где царствуетъ Венеция златая») — имѣль для Пушкина особенное очарование.

XLIX, 6-7. Намекъ на ту же четвертую пѣснь «Чайльдъ-Гарольда».

LII, 13. Русскій обычай класть покойника на столъ передъ положеніемъ въ гробъ.

LIV, 2-5. «Классическій» пейзажъ; ср. VI, 40.

LV, 7. *Far niente* — ничего недѣланіе (итал.).

LVII, 8-9. Черкешенка изъ «Кавказскаго Плѣнника»; жены хана Гирея въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ».

LIX, 6-8. Намекъ на привычку Пушкина заполнять рукописи набросками.

LX, 9-10. Ср. VIII, 49, 12.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Эпиграфъ. «О деревня!» — игра словъ. У Горация (Сатиры, II, 6, 60) стоитъ: «O rus, quando ego te adspiciam?...» — «О деревня, когда я увижу тебя?».

III, 12 Календарь — «Придворный календарь» (1808 г.); ср. «Капитанская дочка», гл. I.

IV, 6-7. Барщина — обязанность крѣпостныхъ крестьянъ извѣстное число дней работать на помѣщика.

Крестьяне освобождались отъ барщины при условіі уплаты налога, **брока**.

V, 10. **Фармасонъ** — фран-масонъ.

10-11. Т. е., вино, не смѣшанное съ водой.

13-14. Приставка **-сь** — сокращеніе слова **сударь**.

VII, 11-14. Ср. M-me de Staël: «L'éénigme de la destinée humaine n'est de rien pour la plupart; le poète l'a toujours présente à l'imagination». (*De l'Allemagne*, II, 10).

VIII, 1-2. Вѣра въ сродство душъ; ср. поэзію Жуковскаго, романъ Гете *Die Wahlverwandschaften*, и т. д.

X, 13-14. Стrophы 8-10 содержатъ ироническую характеристику романтической элегіи, которой самъ Пушкинъ отдалъ дань въ молодости; ср. «Посланіе князю А. М. Горчакову» (1816): «Встрѣчаюсь я съ осьмнадцатой весной...»

XII, 14. «Днѣпровская русалка» — комическая опера Н. С. Краснопольского, музыка Кауера и Давыдова (1804). Текстъ аріи: «Приди въ чертогъ ко мнѣ златой, Приди, о князь ты мой драгой! Тамъ всѣ пріятство соберешь, Невѣсту милую найдешь», и т. д.

XVI, 11. Сѣверныя поэмы — русскія поэмы, или же подражанія Оссіану.

XXIV, 1. Первоначально Пушкинъ собирался назвать героиню Наташой.

XXXII, 11. Брила лбы — отдавала въ солдаты.

XXXIII, 14. Шлафоръ — шлафрокъ (Schlafrock), капотъ.

XXXV, 6. Круглыя качели — «на висячихъ качеляхъ можно качаться самому, а на круглыхъ качаютъ другіе». (Даль).

7. Подблюдныя пѣсни — святочныя; «кому вынется, тому сбудется»: подъ пѣніе этихъ пѣсень вынимаются предметы, положенные гадальщиками въ накрытое платкомъ блюдо; ср. «Свѣтлану» Жуковскаго.

10. Заря — растеніе, носящее разныя названія: болотный горичникъ, балаболка, и т. д.

XXXVI, 4. Новый вѣнецъ — вѣнчикъ, который кладется на лобъ покойника.

13. Бригадиръ — военный чинъ V класса по Табели о рангахъ, уничтоженный въ XIX вѣкѣ.

XXXVII, 14. Мадrigаль — обычно: небольшое хвалебное стихотвореніе; ср. IV,, 13, 9; 30, 14; 31, 1; V, 43-44, 7; VIII, 35, 12.

XXXVIII, 4 слл. Ср. Bossuet, проповѣдь на тему « Les enseignements de la mort » : « Cette recrue continuelle du genre humain, je veux dire les enfants qui naissent, à mesure qu'ils croissent et qu'ils s'avancent, semblent nous pousser de l'épaule, et nous dire: Retirez-vous, c'est maintenant notre tour » (*Oeuvres*, éd. 1862, t. II. p. 343).

11. Тѣснить — здѣсь глаголь непереходный; ср. VIII, 9, 8. Въ первомъ изданіи — спѣшить.

XXXIX, 5. Вѣжды — вѣки.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Эпиграфъ. «Она была дѣвушкой, и была влюблена».

II, 5. Эклюга — пастушеское, идиллическое стихотвореніе.

V, 4. Ср. VIII, 37, 13-14.

VIII, 2. Ср. Письмо Татьяны: «И въ мысляхъ молвила: Вотъ онъ!».

XII, 13. Пушкинъ настаиваетъ на «уныломъ» характерѣ романтизма. Въ предисловіи къ первой главѣ романа (1825) онъ писалъ о «новѣйшихъ элегіяхъ», «въ коихъ чувство унынія поглотило всѣ прочія». Ср. VI, 23.

XIII, 13-14. Пушкинъ не написалъ такого романа, но нѣкоторыя черты этого плана напоминаютъ «Барышню-Крестьянку» и «Капитанскую Дочку».

XXII, 10. «Lasciate ogni speranza, o voi ch'en-trate», Данте, «Адъ», пѣснь III.

XXXI, 6. Небрежность здѣсь скорѣе въ смыслѣ франц. abandon; ср. VIII, 49, 5 посвященіе, стр. 13.

Письмо Татьяны къ Онѣгину. Слѣдя проф. В. Сиповскому («Онѣгинъ, Ленскій, Татьяна», СПБ. 1907), но вѣйшие комментаторы указываютъ, что это письмо на вѣяно посланіями Юліи изъ «Новой Элоизы» Руссо. Это мнѣніе должно быть отброшено, такъ какъ Сиповскій страннымъ образомъ перепуталъ письма Юліи и Сэнъ-Пре. (См. *Revue de littérature comparée*, 1937, стр. 49). Сохраняютъ силу только нѣкоторыя сопоставленія въ началѣ и концѣ письма. Переходъ отъ вы къ ты и обратно къ вы — въ стилѣ любовной переписки XVIII-XIX вѣка; ср. письма Дельфины и Леонса въ романѣ г-жи де-Сталь «Дельфина».

XXXVIII, 6. Другія сѣни; первоначально стояло

«задни съни», что лучше объясняло, почему Татьяна не стояла съ Онѣгиномъ, когда выбѣжала на дворъ.
XL, 5-7. **Ланиты**, перси: ср. I, 32, 1; 33, 11; III, 16, 5.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Эпиграфъ. «Нравственность въ природѣ вещей». Это изреченіе своего отца цитируетъ г-жа де-Сталь въ своей книгѣ *Considérations sur la Révolution Française*, II partie, ch. 20 (1818). Указано Б. В. Томашевскимъ въ «Письмахъ Пушкина къ Е. М. Хитрово» (Лгр., 1927, стр. 254-255).

VII, 13. **Красные каблуки** — франц. *talons rouges*; ихъ носили во Франціи придворные; мода перешла въ XVIII в. въ Россію.

XVII, 6. **Машинально** — ср. другіе еще не уставновившіеся неологизмы: *comme il faut* (VIII, 14, 13) и *vulgar* (VIII, 15, 14).

XIX. **Презрѣнная клевета**, и т д. — намекъ на слухъ, пущенный гр. О. И. Толстымъ - Американцемъ, будто Пушкина высѣкли въ Тайной Канцеляріи.

IX, 6. **Свѣтская чернь**, см. прим. къ VIII, 10, 6.

XXVI, 4. **Природа** — скорѣе всего человѣческая природа, *la nature*, въ пониманіи французскихъ классиковъ.

6. **Небылицы** — ср. III, 12, 5.

XXXII, 1. **Критикъ строгій** — намекъ на полемику, вызванную В. К. Кюхельбекеромъ въ «Мнемозинѣ» за 1824 г. (ч. II, стр. 29-44); Кюхельбекеръ нападалъ на русскую элегію и выступалъ въ защиту оды.

XXXII, 10. Труба, трагическая маска («личина»), кинжалъ — атрибуты античной трагедіи.

XXXIII, 6. Въ «Чужомъ Толкѣ» (1795) И. И. Дмитріевъ высмѣялъ эпигоновъ русскаго одописанія, изображеныхъ въ лицѣ «стихотворителя», считающаго себя талантливымъ и хитрымъ, т. е. умнымъ.

XXXV, 8. Въ 1825 г. Пушкинъ работалъ надъ «Борисомъ Годуновымъ».

XXXVI-XXXVII, 5. **Анахоретъ** — пустынникъ, см. прим. къ VI, 4, 6.

XXXVIII-XXXIX, 7. **Свѣтлое вино**, ср. IV, 47, 6: «свѣтлый кубокъ».

XLIV, 13. **Чалый** — сѣрый съ примѣсью другой шерсти.

XLV, 7. Ср. «Путешествие Онѣгина», стр. 209.

9. **Лептъ**, lepton; обычно, но неправильно, форма мн. числа, лепта («лепта вдовицы» въ Евангелии), взносы, даръ, деньги.

XLVII, 12-13. Съ франц. «entre chien et loup» — сумерки, когда не отлишишь собаки отъ волка.

LI, 6. Ср. VIII, 37, 6.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Эпиграфъ. Эпилогъ «Свѣтланы» Жуковскаго.

XXI, 1-3. Вѣщій сонъ; ср. сонъ Григорія въ «Борисѣ Годуновѣ», П. Гринева въ «Капитанской Дочкѣ», Марьи Гавrilовны въ «Метели»; см. М. О. Гершензонъ, «Статьи о Пушкинѣ», Москва, 1926, стр. 96 слл.

XXIII, 6. 3 р. 50 коп. ассигнаціями равнялись одному рублю серебромъ.

XXIV, 7-8. Нѣкоторымъ изъ этихъ словъ (воронъ, ель, ежъ) ничто не соотвѣтствуетъ во снѣ Татьяны (стр. XI-XXI). Пушкинъ обратилъ вниманіе на это и въ рабочемъ экземплярѣ первыхъ шести главъ романа, который впослѣдствіи принадлежалъ вел. кн. Константину Константиновичу (К. Р.) и недавно поступилъ въ Публичную Библіотеку, среди другихъ собственоручныхъ поправокъ онъ намѣтилъ замѣну «ворона» «вѣдьмой» (XVI, 11), но въ изданія 1833 и 1837 гг. эта поправка не попала. [См. Б. Томашевскій, «Пушкинъ. Временникъ Пушкинской Коммиссіи», т. II, М.-Лгр., 1936, стр. 10.]

XXVII, 8. Этотъ стихъ взятъ изъ пѣсенки Dufresny (1648-1724): «Réveillez-vous, belle endormie, Si ce baiser vous fait plaisir...». См. Б. Томашевскій, «Пушкинъ и его современники», вып. 28, стр. 67 слл.

XXVIII, 1. Посадъ — торговое мѣстечко; предмѣстье, слобода.

XXX, 3. **Трепетная лань** — излюбленный образъ Пушкина; ср. «Какъ лань лѣсная боязлива» (II, 25, 6); «Полтава», пѣснь II: «Въ одну телѣгу впряженъ не можно Коня и трепетную лань». См. М. Л. Гофманъ, «Пушкинъ», Парижъ, 1928, стр. 196 слл.

XXXII, 7. **Блан-манж** — отъ фр. *blanc-manger*, желе изъ молока, миндаля и сахара; первоначально — заливное изъ бѣлаго мяса.

8. **Цимлянское** — шипучее вино — по имени станицы Цимлянской, Области Войска Донского.

XXXV, 11-12. **Бостонь и вистъ** — англо-американские игры XVII века: 52 карты, 4 играющихъ. **Ломберъ** — испанская игра (*hombre* — человѣкъ, отсюда франц. *l'homme*): 40 картъ, 3 играющихъ; отсюда «ломберный» столъ. Въ первыхъ двухъ примѣняется франц. терминъ *chelem*, искаженіе англійского *slam* — уничтожающій ударъ, отсюда русскій «большой, малый шлемъ».

XXXVII-XXXIX, 4. **Фаготъ** — духовой инструментъ, состоящий изъ двойной деревянной трубки съ отдушиками. Чацкій говоритъ про Скалозуба («Горе отъ Ума», д. III, явл. 1-ое): «Хрипунъ, удавленникъ, фаготъ...».

XL, 2. Напомнимъ, что «Евгений Онѣгинъ» выходилъ небольшими тетрадками, по одной главѣ въ каждой, (кромѣ гл. IV и V, соединенныхъ вмѣстѣ).

XLIII-XLIV, 14. **Котильонъ**, отъ франц. *cotillon* — короткая юбка; затѣмъ — танецъ, характеръ котораго мѣнялся въ теченіе вѣковъ; современный танецъ, съ фигурами, заканчиваетъ балъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Эпиграфъ. Изъ канцоны Петрарки, посвященной Джакому Колонна «O aspettata in ciel, beata e bella», 4-ая строфа, начинающаяся словами: «Una parte del mondo è che si giace...», въ переводѣ: «Существуетъ страна въ мірѣ, которая большую часть времени покоятся подо льдомъ и мерзлыми снѣгами, далекая отъ путей Солнца. Въ этой странѣ, гдѣ дни туманны и кратки, рождаются люди, естественные враги мира, которыхъ не больно умирать». Пушкинъ опустилъ стихъ 5-ый («Nemica naturalmente di pace»), сохранивъ стихи 4-ый и 6-ой. Петрарка имѣлъ въ виду Германію.

IV, 6. **Пустыня** — галлицизмъ, франц. *désert*, слушающей въ классическомъ языке синонимомъ деревни, глухи; ср. I, 31, 1; 11, 1-4; 17, 2; IV, 37, 5; VII, 5, 9; VIII, 44, 1. Отсюда — келья: VII, 20, 1; VIII, 1, 9.

VII, 5. «Но времена иныя».

VIII, 11. **Осклабиться** — усмѣхнуться.

IX, 11. Ср. II, 3, 13.

XI, 12. Изъ «Горя отъ Ума», д. IV, явл. 10-ое: «Повѣрили глупцы, другимъ передаютъ, Старухи вмигъ тре-

вогу бьють, И вотъ общественное мнѣнье!» На покорности общественному мнѣнию построенъ сюжетъ романа Мадамъ де-Сталь «Дельфина», которымъ зачтывалась Татьяна.

XII, 6. Проказникъ, ср. I, 14-15, 6.

XIII, 12. Ср. I, 25, 12.

XIV, 1. Вечоръ — вчера вечеромъ.

XVIII, 13-14. Ср. III, 35, 11.

XIX, 5. Клавикорды — фортепіано стаиннаго типа.

XXI и XXII. Сходные мотивы, см. С. Савченко, Элегія Ленскаго и французская элегія, въ сборнику «Пушкинъ въ міровой литературѣ», Лнгр.; 1926, стр. 64-98. Классические атрибуты стиля: стрѣла, денница, таинственная сѣнь гробницы, Лета, урна. Ср. элегію A. Chénier «Aujourd’hui qu’au tombeau je suis pr t   descendre...».

XXVII, 5-7. Ср. VI, 4, 13: обезоруживающая иронія Онѣгина.

XXIX, 2. Шомполъ — пруть для осадки заряда въ ружьѣ, пистолетѣ.

XXXVI. Ср. II, 7 слл.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Эпиграфы. — И. И. Дмитріевъ: «Освобожденіе Москвы», ст. 11 и 12; Е. А. Боратынскій: «Пиры», ст. 52; А. С. Грибоѣдовъ: «Горе отъ Ума», д. I, явл. 7-ое.

IV, 1. Вотъ время — ср. элегія «Ненастный день потухъ»; «Вотъ время: по горѣ теперь идеть она...».

13. Ёхать на долгихъ — на однѣхъ и тѣхъ же лошадяхъ, не мѣняя ихъ на каждой станці; на почтовыхъ (ср. 1, 2, 2) — на перемѣнныхъ, перекладныхъ лошадяхъ.

V, 2. Выписной — привозный (обычно изъ-за границы). Ср. Чацкій въ «Горѣ отъ Ума» (д. III, явл. 22-ое): «Кто недругъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ кудрявыхъ.».

VI и VII. Развитіе пейзажа, даннаго въ VI, 40.

XIX, 6. Лампада — классическое обозначеніе лампы.

12. Статуэтка Наполеона.

XXII. Объявляя въ «Литературной Газетѣ» (1830 г. № 1) о выходѣ «Адолъфа» Бенжамена Констана въ переводѣ кн. П. А. Вяземскаго, Пушкинъ характеризовалъ

его стихами 6 и 7 этой строфы. Въ одномъ изъ черновыхъ набросковъ фигурировалъ «Ренз» Шатобріана.

XXVI, 6. Ср. «Сцена изъ Фауста»: «Я мелкимъ бѣсомъ извивался, Развеселить тебя старался».

XXVI, 10. **Москва** — ярмарка невѣсть — ср. VII, 51, 7: «невѣсть обширный полукругъ». Въ «Мысляхъ на дорогѣ» (гл. II) Пушкинъ вспоминаетъ старую Москву: «Въ залѣ Благородного собранія, два раза въ недѣлю, было до пяти тысячъ народу. Тутъ молодые люди знакомились между собою; улаживались свадьбы, Москва славилась невѣстами, какъ Вязьма пряниками.» Въ 1787 г. южно-американскій путешественникъ Миранда, который посѣтилъ вечеръ въ Благородномъ Собрани, отмѣтилъ, что барышни тамъ преобладали: «право, не понимаю, гдѣ онѣ найдутъ себѣ жениховъ». (Archivo del general Miranda, t. II, Sagas, 1929, p. 342-343).

XXX, 8. Ср. «Пиръ во время Чумы», пѣснь Предсѣдателя. «Какъ отъ проказницы зимы, Запремся также отъ чумы.»

XXXII, 6. **Форейторъ** — человѣкъ, скачущій на передовой лошади при запряжкѣ четверней или шестерней, чтобы освобождать дорогу.

7. **Челядь** — домашняя прислуга.

11-12. Ср. VII, 28, 5 слл.

XXXIII, 4. **Философическія таблицы** — вѣроятно сочетаніе «астрономическихъ таблицъ» съ pierre philosophale, алхимическій камень.

XXXVIII, 12. **Магазины моды** — извѣстныя по литературѣ «модныя лавки» (И. А. Крыловъ). Ср. «Горе отъ Ума» д. I, явл. 4-ое; Фамусовъ: «А все Кузнецкій мостъ и вѣчные французы, Оттуда моды къ намъ, и авторы, и музы.».

13. **Львы на воротахъ** — эмблемы дворянскихъ домовъ, даже самыхъ захудальныхъ, иногда весьма аляповатые; о нихъ см. остроумную замѣтку Н. Лернера въ «Звеньяхъ», т. V, стр. 83-87.

XLV, 11 слл. Ср. «Горе отъ ума», д. III, явл. 12-ое, Молчалинъ Хлѣстовой: «Вашъ шпицъ, прелестный шпицъ», и т. д. Чацкій Софыѣ (д. I явл. 7-ое): «Ну что вашъ батюшка? все Англійскаго клуба Старинный, вѣрный членъ до гроба?».

XLIX, 1. **Архивны юноши** — великосвѣтскіе служащіе Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ, причастные къ литературѣ (къ ихъ кружку принадлежали

ки. В. Ф. Одоевский, братья Кирьевские, Д. В. Веневитиновъ); самое прозвище дано имъ С. А. Соболевскимъ.

LII, 1 слл. Сходное сравнение встречается въ повѣсти Н. М. Карамзина «Наталья боярская дочь»: «Много цветовъ въ полѣ... — роза всѣхъ прекраснѣе; много было красавицъ въ Москвѣ бѣлокаменной, но никакая красавица не могла сравняться съ Натальею — Наталья была всѣхъ прелестнѣе». (Ср. В. Бутакова, «Пушкинъ и его современники», вып. 37, 1928, стр. 129).

13-14. Ср. выпущенные стихи «Бахчисарайского Фонтана»: «Безумецъ! полно, перестань, Не растрявляй тоски напрасной! Мятежнымъ снамъ любви несчастной Заплачена тобою дань.»; «Полтава», пѣснь II: «Теперь плачу безумства дань.»

LV, 6 слл. Классическое вступление къ поэмамъ, одамъ, высмѣянное И. И. Дмитревымъ въ «Чужомъ Толкѣ» (см. выше, прим. къ IV, 32); впрочемъ и для дмитревского одописца «Пою!» въ началѣ оды — «ужъ это старина».

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Эпиграфъ. «Прощай! и если навсегда, то и навсегда прощай», начальные строки стихотворенія Байрона.

I — V. Поэтическая автобіографія Пушкина.

I — II. Лицейскій періодъ.

I, 12, 13, 14. Анакреонтическія, патріотические стихотворенія, элегіи.

II, 3-4. Чтеніе «Воспоминаній» въ Царскомъ Селѣ на экзаменѣ въ присутствіи Державина 8 января 1815 г.

III. Петербургскій періодъ 1817-1820 гг..

IV. Кавказъ и Крымъ («Кавказскій Плѣнникъ» и «Бахчисарайскій Фонтанъ»).

V. Бессарабія, Михайловское («Цыганы» и Татьяна).

VI, 6. Спрашивается, не опущена ли случайно въ этомъ перечисленіи (ст. 5-7) запятая между военныхъ и франтовъ. VII, 51, 9 и 12 «франты записные» противополагаются «гусарамъ отпускными»; VIII, 10, 7 «франту» противопоставляется «хватъ», т. е. «удалецъ, храбрецъ» (Даль; ср. «Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ», Лермонтовъ), т. е. повидимому, «военный». Онѣгинъ «въ своей одеждѣ былъ педантъ И то, что мы назвали франтъ» (I, 25, 7, 8). Кромѣ того, говорится объ «уѣздномъ франтике Пѣтушковѣ» (V, 26, 8);

о «франтахъ городскихъ» говорится въ строфѣ, которою Пушкинъ началъ было продолжать романъ; «придворный франтъ» стоитъ въ рукописи главы III, послѣ строфы X-ой. Нашему толкованію отчасти противорѣчить II, 30, 13-14.

VII, 2. Олигархія — правленіе немногихъ; олигархическая бесѣды — которыми руководятъ члены какого-либо кружка (*coterie*).

VIII, 7. Квакеры — религіозная секта, сродная пуританамъ, образовавшаяся въ XVII вѣкѣ въ Англіи и Америкѣ; квакеры не признаютъ таинствъ, соблюдаютъ чрезвычайную строгость нравовъ, отказываются отъ несенія военной службы и т. д.

IX, 8. Тѣснить, см. прим. къ II, 38, 11.

X. Ср. VI, 39.

1-2. Ср. II, 17, 6-8.

6. Пушкинъ подъ «свѣтскою чернью» разумѣеть высшее общество, чуждое истинной культуры; ср. IV, 19, 6 и даже въ «Борисѣ Годуновѣ», царь говоритъ Басманову: «Пора презрѣть мнѣ ропотъ знатной черни».

XIV, 10. Подражательная затѣя: ср. «неподражательная странность», I, 45, 6.

13. Comme il faut — пріобрѣтаетъ права гражданства благодаря Льву Толстому. Подъ *** надо, по-видимому, подразумѣвать А. С. Шишкова, президента Рос. Академіи, защитника чистоты русскаго языка (1754 — 1841).

XVII, 1-2. Ср. VIII, 7, 12 13.

3. Степная селенья: ср. «прелести степныхъ» музы-Татьяны (VIII, 6, 2). Подъ «степью» Пушкинъ понимаетъ «глушь, деревню» (III, письмо), «пустыню» (VIII, 44, 1), «глухую, далекую сторону» (VIII, 20, 4).

XXV, 6. Вензель: знакъ отличія, дававшійся придворнымъ дамамъ.

XXVI, 7. Вербный херувимъ: ангелочки продававшіеся на вербахъ, народныхъ базарахъ, устраиваемыхъ въ вербную недѣлю.

Письмо Онѣгина. Ср. планъ письма Татьяны, особенно вступленіе и заключеніе; — стилистическая совпаденія съ «Адольфомъ» Б. Констана и др., см. *Revue de littérature comparée*, 1937, № 1, стр. 61 слл. и А. Ахматова «Пушкинъ». Временникъ Пушкинской Комиссіи, I, 1936, стр. 108-109. — «Улыбку усть» и т. д. ср. оду Сафо, переведенную Державинымъ (1797) и Жуковскимъ (1806).

- XXX, 5. **Пени:** жалобы, упреки.
- XXXIII, 1-3. Ср. III, 36, 1-2.
10. Ср. VIII, 22, 12-13.
- XXXIV, 5-14. Ср. I, 38 и 54.
- XXXV, 14. *E sempre bene:* и отлично.
- XXXVII, 4. **Фараонъ:** карточная игра, сходная съ бак-кара.

13-14. Ср. III, 5, 4.

- XXXVIII, 5. **Сила магнетизма;** объ увлеченіи магнези-
тизмомъ въ эпоху Пушкина, см. Н. Лернеръ, «Звенья»,
V, стр. 101-103.

12-13. Н. Лернеръ («Звенья» V, 103-105) установилъ, что «*Idol mio, рiù pace non ho*» —
припѣвъ изъ дуэттино «*Se, o cara, sorridi*», Винченцо Габусси, очень популярнаго въ началѣ XIX столѣтія.
— «*Benedetta (sia la madre)*» — венецианская баркаролла.

XLVI, 8 слл. Ср. VII, 53, 7 слл.

L, 13. **Магический кристаль:** стеклянный шаръ, на
который смотрять гадающіе, ожидая увидѣть въ немъ
какие-нибудь образы; см. любопытную замѣтку Н. Лер-
нера («Звенья», V, стр. 106-108), видѣвшаго такой
«кристаль» въ петербургской посудной лавкѣ въ 90-хъ
годахъ прошлаго вѣка.

LI, 4. **Сади** — въ первыхъ изданіяхъ «Бахчисарай-
скаго Фонтана» Пушкинъ печаталъ эпиграфъ, исключ-
енный имъ послѣ изданія восьмой главы: «Многіе такъ
же какъ и я, посѣщали сей фонтанъ; но иныхъ уже
нѣтъ, другіе странствуютъ далече. **Сади.**»

Путешествіе Онѣгина.

Стр.

- 202, 26. **Меркантильный:** торгашескій.
- 203, 18. **Почечуй:** геморрой.
31. **Откупщикъ:** особенно берущій на откупъ тор-
говлю виномъ.
32. **Засѣдатель:** обычно — членъ по выбору до-
реформенныхъ судебныхъ учрежденій.
- 204, 13. «Прекрасны вы, брега Тавриды», ср. Письмо
бар. А. А. Дельвигу, декабрь 1824 г. изъ
Михайловскаго, и элегію «Рѣдѣеть обла-
ковъ летучая града».

19. **Трепакъ:** пляска съ дробнымъ топотомъ.
(Даль).
- 206, 20-21. Стихотворение В. И. Туманского «Одесса»:
«Въ странѣ, прославленной мольвою бран-
ныхъ дней....».
- 207, 24. **Безъ пошлины:** *porto franco* существовало
въ Одесѣ съ 1817 по 1859 годъ; название
сохранилось въ длинной Старопортофран-
ковской улицѣ.
- 208, 21. **Карантинъ:** название сохранилось въ Каран-
тинной гавани.
- 210, 1. **Каватина:** «короткая арія, которой прерывает-
ся речитативъ». (Словарь Академіи).
4. **Фора:** восклицаніе для вызова артистовъ (итал.
fuoga — «наружу»).
13. **Речитативъ:** говоръ на распѣвъ.
-

СЛОВАРЬ ИМЕНЪ СОБСТВЕННЫХЪ.

Звѣздочкой * отмѣчены дѣйствующія лица романа.
Римская цифра указываетъ на главу, первая арабская
на строфу, послѣдующія — на строки, П — «Отрывки
изъ путешествія Онѣгина», со ссылкой на страницу и
на строку. — (миѳ.) — имя или понятіе, почерпнутыя
изъ греко-римской миѳологии.

По техническимъ причинамъ, въ словарь не включены
имена, встрѣчающіяся въ разночтеніяхъ.

Авзонія (счастливая) — Италия: П, 210, 10.

Аврора — (миѳ.) утреняя заря: V, 21, 11.

Автомедонъ — (миѳ.) возница Ахилла; здѣсь — ям-
щикъ: VII, 35, 5.

***Агаѳонъ:** V, 9, 14.

Адамъ Смить: I, 7, 6; см. Смить.

Адріатическія волны: I, 49, 1.

Аи — видъ шампанского: IV, 46, 5, 6.

Академіческій Словарь — «Словарь Академіи Россій-
ской, по азбучному порядку расположенный», 6 тт.
1806 — 1822: I, 26, 14.

***Акулька:** II, 33, 12.

Алина: II, 30, 5; VII, 41, 1.

Альбанъ — Франческо Альбани, итал. художникъ 1578-
1660): V, 40, 3; ср. Н. Лернеръ, «Звенья», V, 74.

- Альбіонъ** — Англія: I, 49, 6.
англійскій сплинъ: I, 38, 3.
- ***Андрюшка**: III, 4, 9.
- ***Анисья**: VII, 17, 3, 5.
- ***Annette**: IV, 28, 11.
- Аониды** — музы (см.): II, 40, 10.
- Аполлонъ** — богъ солнца и искусствъ: I, 49, 5 («внуки А-на» — поэты); ср. **Фебъ**.
- Апулей** — римскій писатель II-го вѣка по Р. Хр., авторъ романа «Золотой Осель»: VIII, 1, 3.
- Арагва** — рѣка на Кавказѣ: П. 203, 8.
- Армида** — волшебница изъ поэмы Торквато Тассо (см.) «Освобожденный Иерусалимъ»: I, 33, 10; здѣсь имя нарицательное (младая А-ы); ср. **цирцея**.
- армянинъ**: П., 206, 16.
- Астрахань**: П., 202, 27.
- Атридъ** — Орестъ, сынъ Агамемнона, внукъ Атрея: П., 204, 8.
- Африка (моя)**: I, 50, 11.
- Байронъ** — англ. поэтъ (1788 — 1824): I, 56, 11 («гордости поэтъ»); III, 12, 12 («лордъ Б.»); IV, 36/37, 9 («пѣвецъ Гюльнары»); V, 22, 9; VII, 19, 11 («лордъ Б.») — 22, 5 («пѣвецъ Гяура и Жуана»); VIII, эпиграфъ («Вугоп»).
- балтическія волны: I, 23, 6.
- Баратынскій** (Евг. Абр.) — 1800 — 1844): III, 30, 1 («пѣвецъ Пировъ и грусти томной»); IV, 30, 7; V, 3, 14 («пѣвецъ Финляндки молодой»); VII, эпиграфъ.
- Бахчисарай**: П., 205, 29 («фонтанъ Б-я»).
- Бель** (скептическій) — Pierre Bayle (1647 — 1706), авторъ Dictionnaire historique et critique (1697): VIII, 35, 5.
- Бентамъ** (Иеремія) — англ. юристъ (1748 — 1832): I, 42, 6.
- Бешту**, или Бештау — пятиглавая гора на Кавказѣ (близъ Пятигорска): П., 203, 12.
- «**Благонамѣренный**» — журналъ А. Е. Измайлова, вышедший въ 1816-1826 гг.: III, 27, 4.
- Биша** — франц. врачъ и физіологъ (1771 — 1802): VIII, 35, 4.
- Богдановичъ** (Ипп. Ф.), авторъ «Душеньки» (1743 — 1802): III, 29, 8.
- Бордо** — здѣсь бордоское вино: IV, 46, 3. 9. 14.

- Брегетъ** — франц. изобрѣтатель, знаменитый часовщик; здѣсь часы его издѣлія: I, 15, 13; V, 36, 8.
- Брента** — рѣка сѣв. Италіи, впадающая въ Адріатическое море около Венеціі: I, 49, 2.
- британскія музы**: III, 12, 5.
- ***Буяновъ**: V, 26, 9 (намекъ на героя поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосѣдъ»); 37/39, 12 — 43/44, 1; VI, 2, 4; VII, 26, 2.
- Walter Scott*: IV, 43, 10; см. Скоттъ.
- Вампиръ** — лордъ Ruthven, герой повѣсти *The Vampire* (1819), франц. переводъ (1821 г.); произведение Полидори (John William Polidorи), состоявшаго секретаремъ Байрона въ Швейцаріи и выпустившаго его подъ именемъ Байрона: III, 12, 8.
- Вандикова Мадона** — Антонъ Van Dyck, фламандскій художникъ (1599 — 1641): III, 5, 9.
- ***Ваня**: III, 18, 6.
- Венера**: (мие.) богиня любви и красоты: I, 25, 12; см. Киприда.
- венеціянка («младая»): I, 49, 10.
- Вери** — парижскій рестораторъ: VI, 5, 13.
- Вертеръ** — герой романа Гете «Страданія молодого Вертера» (1744): III, 9, 9.
- Весперъ** — вечерняя и утренняя звѣзда, Венера: VI, 24, 4; см. Киприда.
- Виргилій** (или Вергилій) Маронъ (Публій), авторъ «Энеиды» (70-19 до Р. Хр.): V, 22, 8.
- ***Владиміръ Ленскій**: II, 6, 5 («В. Л.») — 37, 2 («В. Л.») — 37, 13; IV, 25, 3 — 34, 3; VI, 1, 1 — 20, 9 — 27; 10 («В.»); VII, 6, 11 («В. Л.»); см. Ленскій.
- волжскіе рыбари: VI, 41, 4.
- Вольмаръ**: III, 9, 7; см. Юлія.
- ***Воронская (Нина)**: VIII, 16, 9; см. Нина.
- Вѣчный Жидъ** — упоминается въ романѣ М. Льюиза «Монахъ» (1795), русскій переводъ 1802 г., и въ «Мельмотѣ» (см.): III, 12, 10.
- Вяземскій** (кн. П. А.) — другъ Пушкина (1792 — 1878): I (эпиграфъ); V, 3, 6 («другой поэтъ»); *VII, 49, 10 («В....»).
- Гарольдъ** — герой поэмы Байрона: VIII, 8, 7; см. Чайлльдъ-Гарольдъ.
- гарольдовъ плащъ: VII, 24, 11.
- ***Гвоздинъ**: V, 26, 3; VI 2, 4.
- Геллеспонтъ** — Дарданеллы: IV, 36/37, 10; Байронъ пе-

- реплыль проливъ въ апрѣлѣ 1810 г., повторивъ подвигъ миенческаго героя Леандра.
- Гердеръ** (Іоганнъ Готфридъ) — нѣмецкій философъ и литераторъ (1744 — 1803): VIII, 35, 3.
- Германія** («туманная»): II, 6, 9.
- Гете** (Вольфгангъ) — авторъ «Фауста» (1749 — 1832): II, 9, 6 («небо Шиллера и Г.»).
- геттингенскій мечтатель: II, 6, 6. — Геттингенскій университетъ сыгралъ въ началѣ XIX вѣка видную роль въ образованіи русской молодежи.
- Гиббонъ** — англ. историкъ, авторъ «Исторіи упадка и гибели Римской Имперіи» (1737 — 1796): VIII, 35, 2.
- ***Гильо:** VI, 25, 2 — 27, 2 («monsieur Guillot») — 29, 9.
- Гименей** — (мие.) богъ брака: IV, 14, 13.
гимень — фр. hymen — бракъ: IV, 50, 6, 9.
- Гомеръ** — греческій поэтъ, которому приписывалось авторство «Іліады» и «Одиссеи»: I, 7, 5 ; V, 36, 13 («Омиръ»).
- Гораций** — римскій поэтъ (64-8 до Р. Хр.): II, эпиграфъ; VI, 7, 12.
- Грандисонъ** — герой романа англ. писателя Ричардсона (1689 — 1761) того же названія: II, 30, 3 — *30, 13; III, 9, 10 — 10, 14; *VII, 41, 9. 10.
- Грації** — (мие.) три богини красоты: VII, 46, 2 («младыя г-и Москвы»).
- грекы: П, 206, 17.
- Грибоѣдовъ** (А. С.): VII, эпиграфъ.
- Гrimm** (Фридрихъ-Мельхіоръ Grimm, баронъ) — литераторъ, корреспондентъ Екатерины II (1723 — 1807): I, 24, 10.
- «Гяуръ» — поэма Байрона *The Giaour*: VII, 22, 5.
- Гюльнара** — героиня поэмы Байрона «Корсаръ» (см.): IV, 36/37, 9.
- Дамскихъ Модъ Журналъ — скорѣе любой журналъ, посвященный модамъ, чѣмъ «Дамскій журналъ» кн. П. И. Шаликова: V, 22, 10.
- Д[ельвигъ]** (бар. А. А.) — поэтъ: VI, 20, 14. Расшифровка Д — Дельвигъ — предположительная.
- Дельфина** — героиня романа г-жи де-Сталь *Delphine* (1803): III, 10, 3.
- Демонъ:** VIII, 12, 7 («Д. мой»). — Ср. стихотвореніе П-на 1823 г., напечатанное впервые въ «Мнемозинѣ» 1824 г. подъ заглавіемъ «Мой Демонъ».
- Державинъ** (Гавр. Алекс., 1743 — 1816): VIII, 2, 3.

- Дидло** — знаменитый балетмейстеръ (1767 — 1837);
въ Петербургъ съ 1801 года: I, 18, 12 — 21, 14.
- Діана** — (миө.) богиня охоты и луны: I, 32, 1 — 47, 5
— (луна): VI, 2, 12 (— луна).
- Дмитріевъ** (Ив. Ив.) — авторъ «Чужого Толка» (1760
— 1837): IV, 33, 5 («сатирикъ»); VII, эпиграфъ.
- Дріады** — (миө.) лѣсныя богини: II, 1, 14 («задумчи-
вые Д-ы»).
- ***Дуня:** II, 12, 10, 11.
- ***Евгеній:** I, 3, 5 — 4, 2 — 8, 1 — 25, 5 («мой Е.») —
36, 9 («мой Е.») — 43, 5 («мой Е.») — 48, 3 — 51, 9 —
52, 6; II, 1, 1 — 4, 3 («нашъ Е.») — 11, 1 — 14, 9
— 16, 12 — 19, 11 — III, 21, 10 — 38, 5 — 39, 1 —
41, 5; IV, 9, 1 («мой Е.») — 17, 1; V, 19, 5 — 20, 1 —
21, 1 — 31, 3 — 32, 1 — 34, 3; VI, 8, 1 («мой Е.») —
9, 12 — 10, 9 — 18, 5 — 24, 1. 9 — 27, 1 — 30, 6 —
35, 3; VII, 5, 8 («Е. мой») — 22, 1; VII, 7, 12 — 17, 1
— 30, 1 — 41, 6 — 48, 1; см. ***Онѣгінъ.**
- «Евгеній Онѣгінъ»:** П. 201, 12.
- Европа:** VII, 34, 12; П., 206, 10.
- европеецъ:** П., 202, 18.
- египетская земля:** П., 206, 18.
- ***Елена** (княжна): VII, 45, 3.
- «Жуанъ»** — «*Don Juan*», поэма Байрона: VII, 22, 5.
- Жуковскій** (В. А.): V, эпиграфъ.
- Задека** (Мартынъ) — авторъ «Древняго и новаго всег-
дашняго гадательного оракула съ присовокупленіемъ
волшебнаго зеркала или толкованія сновъ»: V, 22, 12
— 23, 11 — 24, 10.
- Зарема** — героиня «Бахч. Фонтана»: II, 206, 1.
- ***Зарѣцкій:** VI, 4, 7 — 7, 8 — 9, 9 — 26, 4, 7 — 29, 11
— 35, 8.
- Зевесь** — (миө.) царь боговъ: I, 2, 3 — VIII, 4, 14
(«Отецъ міровъ») П., 207, 6.
- Зизи** — Евпраксія Николаевна Вульфъ (1810 — 1883),
сосѣдка Пушкина, дочь владѣлицы Тригорскаго, П.
А. Осиповой: V, 32, 11.
- ***Иванъ Петровичъ:** VII, 45, 7.
- индеецъ:** П., 202, 17.
- Ипокрена** — (миө.) источникъ, посвященный музамъ
(см.): IV, 45, 5.
- испанецъ:** П., 206, 16.
- ***испанскій посолъ:** VIII, 17, 10. — Съ 1825 по 1835 г.

«гишпанскимъ» посланникомъ въ Петербургѣ состоялъ Juan Miguel Paez de la Cadena, знакомый Пушкина; см. «Рукою Пушкина» (Москва, 1935), стр. 326 и 208-210.

Истомина (Евд. Ильин.) — танцовщица: I, 20, 8.

Италія: I, 8, 14 — 49, 8 («И. златая»); П, 206, 13 («И. златая»).

Yorik (роог) — «бѣдный Йорикъ» — восклицаніе шекспировскаго Гамлета, разглядывающаго на кладбищѣ черель нѣкогда знаменитаго королевскаго шута: II, 37, 6.

[Каверинъ] (П. П.) — знакомый Пушкина, гусарскій офицеръ (1794 — 1855): I, 16, 6.

Кавказъ: VIII, 4, 6; П, 202, 28.

кавказскія громады: П, 203, 4.

Casino — клубъ въ Одессѣ: П, 208, 7.

калмыкъ: VII, 40, 10; П, 203, 3.

калмыцкій конь: VI, 5, 8.

Камены — (миѳ.) музы (см.): П, 201, 18.

Кантъ (Иммануилъ) — нѣмецкій философъ (1724 — 1804): П, 6, 8.

Катенинъ (П. А.) — переводчикъ Корнелева «Сида» (1792 — 1853): I, 18, 8; П, 201, 19.

Киприда — (миѳ.) Венера (см.): IV, 27, 6; П, 203, 18 — 204, 15 (утренняя звѣзда).

Клариса — героиня романа Ричардсона *Clarisse Harlowe* (1748): III, 10, 3.

Клеопатра — египетская царица (ум. 30 г. до Р. Хр.): *VII, 16, 10 («К. Невы»); театральная роль: I, 17, 12; (м. б., одна изъ главныхъ ролей трагедіи Корнеля *Rodogune*).

Клико (вдова) — *Veuve Clicquot*, марка шампанскаго: IV, 45, 1.

***Княгиня** — Татьяна: VIII, 18, 8 — 27, 5, — 40, 10 — 41, 4.

Княжнинъ (Я. Б.) — драматургъ (1742 — 1791): I, 18, 4 («переимчивый»).

***Князь** — мужъ Татьяны: VIII, 17, 8, 11 — 18, 5 — 21, 6 («князь N.»).

Корнель (Пьеръ) — авторъ «Сида» (1606 — 1684): I, 18, 9.

Корсарь — Конрадъ, герой поэмы Байрона *The Corsair*: III, 12, 10.

Красногорье — имъніе *Ленскаго: VI, 4, 3.

Кремль — московскій: VII, 37, 7.

Кура — рѣка на Кавказѣ: II, 203, 8.

Кюхельбекеръ (Вильг. Карл.): IV, 32, 1 («критикъ стро-
гой»).

***L'Abbé** (Monsieur): I, 3, 9 — имя собственное (*Labbé*),
или званіе (аббатъ).

***Ларина** — мать Татьяны: III, 4, 11; V, 25, 5; VII, 35, 9;
Татьяна: VIII, 18, 3.

***Ларинъ** (Димитрій): II, 36, 12.

***Ларины**: III, 1, 5 — 6, 2; VII, 12, 2.

Лафонтенъ — August Heinrich Julius Lafontaine,
написалъ свыше 150 сантиментальныхъ повѣстей и
романовъ (1758 — 1831), напр., *Gemälde des men-
schlichen Herzens*, 15 томовъ, 1792 слл. *Die Gewalt
der Liebe in Erzählungen*, 4 тома 1797, (*Liebe um
Liebe, Stolz und Liebe, etc.*); большая часть его
произведеній была переведена на французскій языкъ
въ началѣ XIX-го вѣка: IV, 50, 12.

Левшинъ (В. А.) — авторъ «Полной хозяйственной
книги» и мн. др. (1746 — 1826): VII, 4, 4.

Лель — псевдо-славянское божество любви и брака:
V, 10, 11.

Ленора — героиня баллады нѣм. поэта Бюргера (1747
— 1794), послужившей образцомъ для «Людмилы»
Жуковскаго: VIII, 4, 7.

***Ленскій** (или **Ленской**): II, 6, 5 («Владиміръ Л.») —
12, 1 — 13, 1 — 15, 1 — 37, 2 («В. Л.»); III, 2, 8 —
4, 6 — 6, 13 — 36, 11; IV, 26, 13 — 31, 1 — 44, 12 —
50, 13; V, 20, 10 — 21, 3 — 29, 9 — 31, 10 — 37/39, 9
— 41, 13 — 43/44, 10 («мой Л.») — 45, 9; VI, 1, 6 —
4, 4 — 9, 4 — 13, 2 — 14, 3 — 18, 5 — 19, 1 — 23, 8.
12 — 26, 1 — 27, 8 — 30, 10 — 35, 3 — 42, 4; VII,
6, 11 («В. Л.») — 8-10, 1 — 11, 1 — 18, 2; VIII,
письмо, 16; см. ***Владиміръ**.

Лепажъ — франц. оружейный мастеръ: VI, 25, 12.

Лета — (миѳ.) рѣка забвенія въ подземномъ царствѣ:
II, 40, 3; VI, 22, 6; VII, 11, 5.

лимбургскій сыръ: I, 16, 13; Лимбургъ — нидерланд-
ская провинція, часть которой послѣ 1830 г. отошла
къ Бельгіи.

Линаръ (де) — Гюставъ, герой романа баронессы
Крюденеръ *Valérie* (1803): III, 9, 8.

- Литва:** П, 204, 12.
- Лицей** — Царскосельский Лицей, VIII, 1, 1.
- Ловлась** — герой «Кларисы» (см.), романа Ричардсона: II, 30, 4; IV, 7, 12.
- Лондонъ («щепетильный»):** I, 23, 6.
- лондонскій dandy:** I, 4, 7; высшій л-й кругъ: VIII, 15, 13.
- *Лукерья Львовна:** VII, 45, 5.
- *Любовь Петровна:** VII, 45, 6.
- Людмила** — героиня «Руслана и Людмилы» Пушкина: I, 2, 5.
- Мадона** — богоматерь: III, 5, 9 (см. Вандикова Мадона).
- Макарьевъ** — макарьевская ярмарка около Нижнаго Новгорода: П, 202, 15.
- Малекъ-Адель** — герой романа г-жи Коттэнъ (Mme Cottin: 1770 — 1807) *Mathilde* (1805): III, 9, 8.
- «Мальвина»** — романъ г-жи Коттэнъ *Malvina* (1801): V, 23, 5.
- Malfilâtre** — Ж.-Ш.-Л. де-Мальфилатръ, французскій поэтъ, авторъ поэмы *Narcisse dans l'île de Vénus* (1732 — 1767): III, эпиграфъ.
- Манзони** (Александъръ) — итал. писатель, авторъ романа «Обрученные» (*I promessi sposi*, 1827) (1785 — 1873): VIII, 35, 3.
- Мармонтель** (Ж.-Ф.) — франц. писатель (1723 — 1799), авторъ *Les Incas*, *Bélisaire*, *Contes moraux* и т. д.: V, 23, 10.
- Мартынь Задека:** V, 22, 12 — 23, 11 — 24, 10; см. Задека.
- Машукъ** — гора на Кавказѣ (близъ Пятигорска): П, 203, 13. 14.
- Мельмотъ** — герой романа англ. писателя Матюрина (Charles Robert Maturin: 1782 — 1824) *Melmoth the Wanderer* (1820): III, 12, 9; VII, 8, 5.
- Мельпомена** (бурная) — (миѳ.) муза трагедіи: VII, 50, 1.
- Мильонная улица** — въ Петербургѣ, паралельная набережной Невы: I, 48, 8.
- Митридатъ** — царь pontийскій (123-63 до Р. Хр.): П, 204, 9.
- Мицкевичъ (Адамъ)** — польскій поэтъ, авторъ «Крымскихъ сонетовъ» (1798 — 1855): П, 204, 10.
- Моина** — героиня трагедіи Озерова (см.) «Фингалъ»: I, 17, 13.

- Молдавія:** I, 8, 13 (здесь вмѣсто Мизії, къ югу отъ Дуная); VIII, 5, 3 (вмѣсто Бессарабіи).
- молдаванъ:** П, 206, 17.
- Морали:** одесскій знакомый Пушкина: П, 206, 19.
- Морфей — (миѳ.)** богъ сна: VII, 28, 10.
- Москва:** IV, 17, 14; VII, эпиграфы — 26, 10 — 27, 4 — 36, 2. 11. 12 — 37, 6. 8 — 41, 12 — 52, 2; П, 202, 12.
- московская** кузина: II, 30, 6; **московскіе** франты и цирцеи: VII, 27, 11.
- Моэть —** теперь *Moët & Chandon*, марка шампанскаго: IV, 45, 1.
- Муза —** музы: (миѳ.) девять богинь, покровительницъ наукъ и искусствъ; у Пушкина часто синонимъ вдохновенія и поэзіи: I, 57, 6 — 59, 1; II, 9, 9 («музы») — 20, 10 («музы»); III, 12, 5 («британская муза»); VI, 19, 3 — 38/39, 6 («музы»); VII, 5, 5 — 55, 9; VIII, 1, 8. 10 — 3, 4 — 4, 3 — 6, 1; П, 204, 26; см. также Камены, Мельпомена, Талія, Терпсихора.
- мусульманъ:** П, 208, 4.
- Назонъ (Публій Овидій)** — римскій поэтъ (43 до Р. Хр. — 16 по Р. Хр.), авторъ *Ars amatoria* («Искусство любви»), сосланный имп. Октавіаномъ къ устью Дуная: I, 8, 10.
- Наполеонъ:** II, 14, 5 («Наполеоны»); VII, 37, 4.
- Нева:** I, 2, 10 («брега Невы») — 47, 3; III, 22, 13 («брега Невы»); VIII, 16, 10 — 27, 7 — 39, 10.
- невскіе берега:** I, 60, 11.
- Necker —** Жанъ Неккеръ, министръ Людовика XVI (1739 — 1794), отецъ Mme de Staël (см.): IV, эпиграфъ.
- Нереїда — (миѳ.)** морская богиня (ср. стихотвореніе Пушкина 1820 г.): VIII, 4, 12.
- Нижній Новгородъ:** П, 202, 12.
- Нимфи — (миѳ.)** богини лѣсовъ, горъ, водъ и т. д.: I, 20, 7; ср. дріада, нереїда.
- Nina —** имя, упоминающееся въ пѣсенкѣ Трике: V, 27, 13.
- ***Нина Воронская:** VIII, 16, 9 — 16, 12 («Нина»); по мнѣнію М. Л. Гофмана, Пушкинъ изобразилъ въ ея лицѣ графиню Аграфену Феодоровну Закревскую («Египетскія ночи... Пушкина», Парижъ, 1935, стр. 20).
- нѣмецъ:** I, 35, 12.
- Одесса:** П, 206, 6. 20 — 207, 2. 3. 5. 19 — 210, 14. 20.
- одесскіе сады:** П, 206, 28.

Озеровъ (В. А.) — драматургъ (1770 — 1816), авторъ трагедій «Дмитрій Донской» и «Фингалъ» (см. Мопина): I, 18, 5.

***Олинька:** IV, 49, 2; VI, 1, 5 — 13, 7, 11; VII, 25, 9; см. ***Ольга**, ***Оля**.

олинькинь: VI, 14, 2.

***Ольга:** II, 21, 1 — 23, 8 — 27, 10 — 34, 12 — 37, 10; III, 5, 8; IV, 25, 2, 12 — 27, 2 — 31, 2, 6 — 34, 4 — 48, 2, 7 — 49, 14 — V, 20, 9 — 21, 10 — 37/39, 8 — 41, 7 — 43/44, 3, 4 — 45, 2; VI, 1 3 — 2, 10 — 3, 3 — 13, 3 — 15/17, 2 — 19, 7 — 20, 8 — 42, 5; см. ***Олинька**, ***Оля**.

ольгинъ: III, 36, 5 — 37, 5.

***Оля:** IV, 26, 1; VII, 12, 1; см. ***Олинька**, ***Ольга**.

Омиръ — ново-греческое произношеніе имени Гомеръ (см.): V, 36, 13.

***Онъгинъ:** 1, 2, 9 («О., добрый мой пріятель») — 4, 5 — 5, 5 — 17, 9 — 22, 13 — 27, 4 («мой О.») — 35, 1 («мой О.») — 43, 7 — 46, 10 — 51, 1, 6 — 53, 9 («нашъ О.») — 56, 4; II, 3, 8 — 13, 3 — 15, 5 — 19, 6; III, 1, 2 — 4, 5 — 6, 1 — 9, 14 — Письмо (заглавіе) — 35, 9; IV, 12, 2, 36/37, 1, 5 — 38/39, 9 — 44, 1; V, 17, 13 — 20, 5, 11 — 29, 10 — 41, 6 — 43/44, 4 — 45, 3; VI, 1, 2, 13 — 8, 11, 13 — 9, 5 — 24, 5 — 25, 5 — 26, 5 — 27, 8 — 30, 12 — 31, 8 — 35, 6; VII, 14, 3 — 23, 7, 11; VIII, 12, 8 — 17, 11 — 19, 7 — 22, 9 — 23, 3 — 27, 1 («мой О.») 31, 9, 11, 13. — Письмо (заглавіе) — 33, 11 — 34, 4 — 40, 1 — 41, 8 — 43, 1 — 46, 1, 11 — 50, 10 — 51, 5, 14 («мой О.»); П, 201, 8 — 202, 12 («Е. О.») — 203, 26 — 206, 5; см. ***Евгеній**.

Орфей — (миѳ.) музыкантъ, прельщавшій своимъ пѣніемъ даже боговъ подземного царства (миѳъ обѣ Орфеѣ и Эвридикѣ): П, 209, 11; см. **России**.

Отонь — одесскій рестораторъ: П, 209, 5.

охтенка — обитательница Охты, петербургскаго предмѣстія, населеніе котораго торговало молокомъ: I, 35, 7.

очаковская медаль — за участіе въ осадѣ и штурмѣ турецкой крѣпости Очаковъ (1788): II, 37, 9.

***Палагѣя Николавна:** VII, 45, 9.

Парижъ: I, 23, 9.

Парисъ — (миѳ.) сынъ Пріама (см.), похититель Елены (см.): V, 37/39, 8.

- Парни** — Evariste-Désiré de Pargny, франц. поэтъ (1753 — 1814): III, 29, 13 («нѣжный П.»).
- ***Pachette** — мать Татьяны: VII, 41, 1.
- Пенаты** — (миѳ.) боги домашняго очага: II, 37, 1.
- Петербургъ:** I, 35, 3.
петербургская мостовая: I, 43, 4; п-ій балъ: 5, 40, 4.
- Петрарка** (Франческо) — итал. поэтъ (1304 — 1374): I, 49, 14 («языкъ Петрарки») — 58, 11; VI, эпиграфъ («Petr.»).
- «Петріада» — поэма Грузинцева (1812); Петру Великому были посвящены еще поэмы Сладковского (1803) и кн. С. А. Ширинского-Шихматова (1810): V, 23, 9.
- Петровскій Замокъ** — въ Петровскомъ-Разумовскомъ; въ немъ останавливался Наполеонъ въ 1812 г.: VII, 37, 2 — 38, 2.
- Пиладъ** — (миѳ.) другъ Ореста, внука Атрея (см. Атридъ): II, 204, 8.
- «Пиры» — поэма Боратынского: III, 30, 1.
- ***Полина:** II, 33, 3 — 33, 9 («княжна П.»).
- Pradt** — аббать Доминикъ де-Прадтъ (1759 — 1837), авторъ историческихъ трудовъ: IV, 43, 10.
- ***Прасковья:** II, 33, 3.
- Пріамъ** — (миѳ.) престарѣлый царь Трои: VII, 4, 5 («деревенскіе Пріамы»).
- ***Пустякова:** V, 26, 1 — 37/39, 12; VI, 2, 3.
- ***Пустяковъ:** V, 26, 2; VI, 2, 2.
- ***Пушкинъ:** I, 45, слл. — 51, 1 VIII, 38, 8; II, 206, 5 слл.
- ***Пыхтинъ:** VII, 26, 4.
- Расинъ** (Жанъ) — франц. драматургъ (1639 — 1699), авторъ «Федры» (см.): V, 22, 8.
- Регуль** — римскій консулъ во время первой пунической войны (264 — 241 до Р. Хр.), отпущенный на слово изъ плѣна и добровольно вернувшійся въ Карѳагенъ: VI, 5, 11.
- Ричардсонъ** — англ. романистъ, авторъ «Кларисы» (см.) и «Грандисона» (см.): II, 29, 4. 14 — 30, 1.
- Ромуль** — легендарный царь, основатель Рима: I, 6, 13.
- Россини** — итал. композиторъ (1792 — 1868): II, 209, 10. («Европы баловень — Орфей»).
- Россія:** I, 30, 9 — 50, 12, («сумрачная»); VII, 33, 7.
rossiâne: V, 42, 14.
- русскій, ая, ое, ie: I, 19, 6 («Терпсихора») — 26, 8 («языкъ») — 38, 4 («хандра»); II, 33, 6 («Н.») — 35, 4

- («блинъ»); III, 1, 11 («семья») — 13, 12 («семейство») — 27, 10 («языкъ») — 28, 7 («рѣчъ»); V, 4, 1 («р-ая душою») — 4, 4 («зима») — VII, 36, 13 («сердце»); П, 203, 9 («шатры»).
- Русланъ** — герой поэмы Пушкина «Русланъ и Людмила» (1820): I, 2, 5.
- Руссо** — Jean-Jacques Rousseau (1712 — 1778) — авторъ «Новой Элоизы» (см. Юлія): I, 24, 9 — II, 29, 4 — VIII, 35, 2.
- Русь:** II, эпиграфъ.
- Сади** — персидскій поэтъ (VIII в.): VIII, 51, 4.
- Салгиръ** — рѣка въ Крыму; «плѣнницы береговъ Салгира» — ссылка на «Бахчисарайскій фонтанъ»: I, 57, 9.
- Сбогаръ** — Jean Sbogar, герой романа Шарля Нодье (1780 — 1844): III, 12, 11.
- Свѣтлана** — героиня баллады Жуковскаго того же названія: III, 5, 3; V, эпиграфъ — 10, 6.
- Сей** — Jean-Baptiste Say, франц. экономистъ (1767 — 1832): I, 42, 6.
- ***Селина:** II, 33, 12.
- Семенова** (Е. С.) — драматическая актриса (1786 — 1849): I, 18, 7.
- ***Семенъ Петровичъ:** VII, 45, 8.
- Сенека** — римскій философъ (2 — 66): V, 22, 9.
- St-P[riest]** — графъ Эмм. Карл. Сенъ-При, извѣстный своими карикатурами: VIII, 26, 4.
- Симеона (У)** — московская церковь св. Симеона Столпника въ Симеоновскомъ переулкѣ: VII, 41, 12.
- ***Скотинины:** V, 26, 5.
- Скоттъ** (Вальтеръ) — англ. романистъ (1711 — 1832): IV, 43, 10 («Walter Scott»); V, 22, 9.
- Смитъ** (Адамъ) — англ. экономистъ (1723 — 1790), авторъ «Богатства народовъ»: I, 7, 6.
- Собрانье** — Благородное Собрание въ Москвѣ: VII, 51, 1.
- Stael (Mme de)** — франц. писательница (1766 — 1817): VIII, 35, 4.
- Стразбургъ:** I, 16, 12 («С-га пирогъ»).
стразбургскій пирогъ: I, 37, 8.
- Таврида** — Крымъ: VIII, 4, 9; П, 204, 6. 13.
- Talon** — петербургскій рестораторъ: I, 16, 5.
- Талія** — (миѳ.) муза комедіи: VII, 50, 5.

Тамбовъ: V, 27, 3.

тамбовскій поэтъ — Трике (см.): V, 37/39, 11.

***Таня:** III, 17, 3. 5. 9 — 18, 1 — 35, 3; IV, 11, 1 — 18, 3 («печальная Т.») — 23, 12 («милая Т.»); V, 6. 5 — 18, 6 — 21, 6 — 23, 12 — 30, 1 — 32, 2 — 34, 14; VI, 3, 11; VII, 5, 11 — 12, 8 — 17, 2. 7. 12 — 20, 9 — 26, 5 — 27, 5 — 30, 9 — 32, 14, — 41, 7 — 42, 3 — 43, 10 — 44, 2. 8 — 46, 1 — 47, 8 — 49, 2. 9 — 54, 6 — VIII, 41, 3 («бѣдная Т.») — 45, 1 — 47, 6; см. *Татьяна.

татары: П, 204, 22.

***Татьяна:** II, 24, 1 — 25, 1 — 27, 2; III, 5, 1. 6. 8 — 7, 1 — 10, 4 — 15, 1 («Т.; милая Т.») — 16, 1. 13 — 20, 7 — 21, 2. 9. 14 — 24, 1 — 25, 2 — 26, 4 — 31, 1 — Письмо (заглавіе) — 32, 1. 14 («Моя Т.») — 36, 4. 9. 13 — 37, 9 — 38, 6 — 40, 3; IV, 11, 5. 14 — 17, 4. 7 — 23, 7 — 24, 1. 14 («Т. милая моя») — 48, 1 — 49, 1; V, 1, 6 — 4, 1 — 5, 1 — 8, 1 — 9, 4 — 10, 1. 5. 8. 9. 14 — 11, 1 — 12, 2. 8 — 14, 1 — 16, 1 — 17, 9 — 20, 6 — 23, 4 — 27, 6. 14 («Tatiana») — 28, 12, — 33, 7 — 37/39, 9 — 43/44, 3; VI, 2, 9. 13 — 18, 2. 3. 12; VII, 12, 14 — 13, 3 — 15, 8 — 16, 5 — 19, 1 — 20, 1 — 21, 1. 13 — 23, 5 — 24, 2 — 25, 7 — 41, 6 — 43, 2 — 46, 4 — 48, 1 — 55, 2; VIII, 18, 3 — 19, 6 — 20, 1 — 22, 6 — 27, 2 — 28, 1 30, 2 — 32, 3 — Письмо (заглавіе) — 40, 3 — 50, 9 («юная Т.») — 51, 7; П, 202, 2. 3; см. *Таня, Княгиня.

***Татьянинъ** мужъ: VIII, 48, 6; см. Князь.

Тверская — улица въ Москвѣ: VII, 38, 4.

Терекъ — рѣка на Кавказѣ: П, 202, 30.

Терпсихора — (миѳ.) музъ танца: I, 19, 6 («русская Т.») — 32, 3; VII, 50, 7.

Тиссо — André Tissot, швейц. врачъ (1729 — 1797): VIII, 35, 4.

Гр. Толстой (кн. Ф. П.) — художникъ и граверь (1783 — 1873): IV, 30, 6.

Торкватовы октавы — строфы поэмы Торквата Тассо (1544 — 1595) «Освобожденный Іерусалимъ»: I, 48, 14.

***Трике:** V, 27, 2 («москвѣ Т.») — 27, 6. 11 — 33, 5. 7; VI, 2, 7 («москвѣ Т.»)

тульскій засѣдатель: П, 203, 32.

Туманский (Вас. Ив.) — поэтъ (1801 — 1860), авторъ стихотворенія «Одесса»: П, 206, 21.

- Фебовы угрозы** — Фебъ, (миө.) богъ солнца и искусствъ: III, 13, 5; ср. **Аполлонъ**.
- Федра** — героиня трагедіи Расина того же названія: I, 17, 12.
- ***Филатьевна:** III, 33, 6.
- Филида** — литературный псевдонимъ XVII-XVIII вѣковъ: III, 2, 9; ср. **Эльвина**.
- ***Финмушъ** (мосъе): VII, 45, 10.
финскій небосклонъ: III, 30, 12.
- фламандская школа живописи: П, 205, 27.
- Флора** — (миө.) богиня садовъ и цвѣтовъ: I, 32, 1.
- ***Фляновъ:** V, 26, 12; VI, 2, 5.
- Фобласъ** — герой романа *Louvet de Couvray* (1760 — 1797), *Amours du chevalier de Faublas*: I, 12, 10.
- Фонвизинъ** (Д. И.) — авторъ «Бригадира» и «Недоросля» (1744 — 1792): I, 18, 3.
- Фонтенель** — Fontenelle, франц. писатель (1657 — 1757), авторъ «Разговоровъ о множествѣ міровъ»: VIII, 35, 6.
- Фортуна** — (миө.) богиня судьбы: I, 45, 13.
французъ: V, 27, 5; VI, 25, 2; П, 206, 16.
французскій, ая: I, 16, 11 («кухня») II, 33, 6 («N»); VIII, 5, 14 («книжка»).
- «**Фрейшицъ**» — *Der Freischütz*, или «Вольный стрѣлокъ», опера Вебера (1821), со знаменитой увертюрою: III, 31, 13.
- Харитонья (У)** — церковь Св. Харитонія въ Огородникахъ: VII, 39/40, 3.
- ***Харликова:** V, 37/39, 9.
- ***Харликовъ (Памфиль):** V, 27, 1.
- Цареградъ** — Константинополь: I, 24, 1.
цареградскіе берега: П, 208, 29.
- Цирцея** — (миө.) волшебница въ «Одиссеѣ» Гомера: VII, 27, 11 («московскія ц-и»); ср. **Армида**.
- Цицеронъ** — римскій ораторъ (106 — 43 до Р. Хр.): VIII, 1, 4.
- Циклопы** — (миө.) одноглазые великаны, помогавшие богу Вулкану въ его кузницѣ: VII, 34, 9 («сельскіе ц-пы»).
- Чайльдъ Гарольдъ** — герой поэмы Байрона «Странствіе Чайльдъ Гарольда» (*Childe Harold's Pilgrimage*: 1812 — 1818): I, 38, 9 (Child-Harold»); IV, 44, 1 («Чильдъ Гарольдъ»); см. **Гарольдъ**.

- [Чадаевъ]** (Петръ Як.) — другъ Пушкина, авторъ «Философическихъ писемъ» (1794 — 1856); I, 25, 5.
- Чацкій** — герой «Горя отъ Ума» Грибоѣдова: VIII, 13, 14.
- черкесъ:** II, 203, 1.
- Черное (море):** II, 210, 19.
- «Чужой толкъ»** — сатирическая поэма И. И. Дмитріева (1760 — 1837): IV, 33, 6.
- Шамфорпъ** — франц. писатель, моралистъ и острословъ (1741 — 1794): VIII, 35, 3.
- Шатобріанъ** — франц. писатель (1768 — 1844), авторъ повѣсти *René*: IV, 26, 4.
- Шаховской** (кн. Ал. Ал.) — авторъ многочисленныхъ комедій (1777 — 1846): I, 18, 10.
- Шиллеръ** — Friedrich Schiller, нѣм. поэтъ (1759 — 1805): II, 9, 6 («небо Ш-а и Гете»); VI, 20, 4.
- Эва (прапородительница):** VIII, 27, 9.
- Эльвина** — литературный псевдонимъ: I, 32, 9; ср. **Филлида**.
- Энеїда** — поэма Виргилія (см.): I, 6. 8.
- Эоль** — (миѳ.) богъ вѣтровъ: I, 20, 12.
- Ювеналь** — римскій сатирикъ (ок. 42 — ок. 125): I, 6, 5.
- Юлія Вольмаръ** — героиня «Новой Элоизы» Руссо (1761) Julie d'Etange, по мужу de Wolmar: III, 9, 7; 10, 3 («Юлія»).
- Языковъ** (Н. М.) — поэтъ (1803 — 1846): IV, 31, 9.
- Феокритъ** — греческій поэтъ, сициліецъ, авторъ идиллій (IV в. до Р. Хр.): I, 7, 5.

Г. Л. Лозинскій.

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений Онѣгинъ. Романъ въ стихахъ	9
Исторія созданія «Евгенія Онѣгина». М. Л. Гофмана	213
Герои «Евгенія Онѣгина». С. Лифаря	293
Опытъ комментарія и словарь именъ собственныхъ Г. Л. Лозинскаго	306

Обложка точно воспроизводитъ первое изданіе, вышедшее (съ 1825 по 1832 годъ) отдѣльными главами.

Въ качествѣ фронтисписа воспроизведена миніатюра Пушкина работы В. А. Тропинина; заключена книга воспроизведеніемъ медальона, въ которомъ заключена миніатюра, подаренная поэтомъ его невѣстѣ.

На стр. 211 напечатанъ рисунокъ Пушкина — портретъ Онѣгина; на стр. 293, какъ можно думать, портретъ Ленскаго.

ИЗДАЛЬ СЛИФАРЬ